

ISSN0130—2620

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

190

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ДРЕВНОСТИ
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

190

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ДРЕВНОСТИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Ответственный редактор
доктор исторических наук
И. Т. КРУГЛИКОВА

МОСКВА «НАУКА» 1987

СТАТЬИ

Е. А. ГОРЮНОВ

ПЕНЬКОВСКАЯ И САЛТОВСКАЯ КУЛЬТУРЫ
В СРЕДНЕМ ПОДНЕПРОВЬЕ

Исследования последних лет внесли много нового в изучение пеньковской культуры. Выяснилось, в частности, что эта культура распространена в широких пределах лесостепной зоны и степного пограничья не только к западу, но и к востоку от Днепра — вплоть до верхнего течения Северского Донца. Была уточнена и ее хронология, которая ныне определяется в рамках V — начала VIII в. Установлено, что для пеньковского населения характерны те черты оседлоземледельческого быта и общественного строя, которые позволяют видеть в нем славян-антов. Это тем более вероятно, что ареал культуры в целом соответствует локализации антов письменными источниками¹.

Для понимания исторического процесса, проходившего в Среднем Поднепровье во второй половине I тысячелетия н. э., важно определить соотношение пеньковских древностей с культурой последующего времени. В литературе этот вопрос решается неоднозначно. Наметила тенденция представлять пеньковскую культуру на позднем этапе ее развития в виде синтеза разнородных черт — собственно пеньковских, салтовских и воспринятых от славянских культур типа Корчак и Луки Райковецкой. В качестве памятников, отражающих этот этап, в литературе выступают отдельные поселения бассейна Тясмина, в первую очередь Луг I и Стецовка². Между тем, оба поселения содержат разновременные культурные горизонты, выделяющиеся на основе типологии керамики и распределения ее форм по отдельным жилищам. На селище Луг I таких горизонтов два — пеньковский и основной, более позднего времени, связанный с культурой типа Луки Райковецкой и включающий отдельные салтовские элементы³.

Различные по времени и характеру комплексы могут быть выделены и на поселении Стецовка. Его культурно-хронологическая стратиграфия рассмотрена Л. М. Рутковской. Она полагает, что на селище имеется два культурных горизонта с отличиями в керамике и характере жилищ — «типа Стецовки 1» и «типа Стецовки 2». Горизонт «Стецовка 2» Л. М. Рутковская сближает с будто бы чисто пеньковскими селищами Луг I и II. К этому горизонту она относит разнохарактерные жилища — наземное с глиняными стенами, два полуземляночных и, наконец, округлое в плане жилище-юрту⁴. Возможно, Л. М. Рутковская и права, объединяя их и считая одновременными, однако полной уверенности в этом нет, поскольку разнотипным жилищам «Стецовки 2» соответствует пестрая по составу керамика: лепная — типа Луки Райковецкой и аналогичная известной по салтовским древностям, а также гончарная — пастырского и канцеровского типов, связанная по происхождению с алано-сарматской средой степного Причерноморья. Последняя составляет не менее 10% общего числа керамики Стецовки⁵, тогда как на других синхронных поселениях среднего Днепра, исключая Пастырское, она отсутствует или встречается лишь в виде единичных фрагментов. Вполне ве-

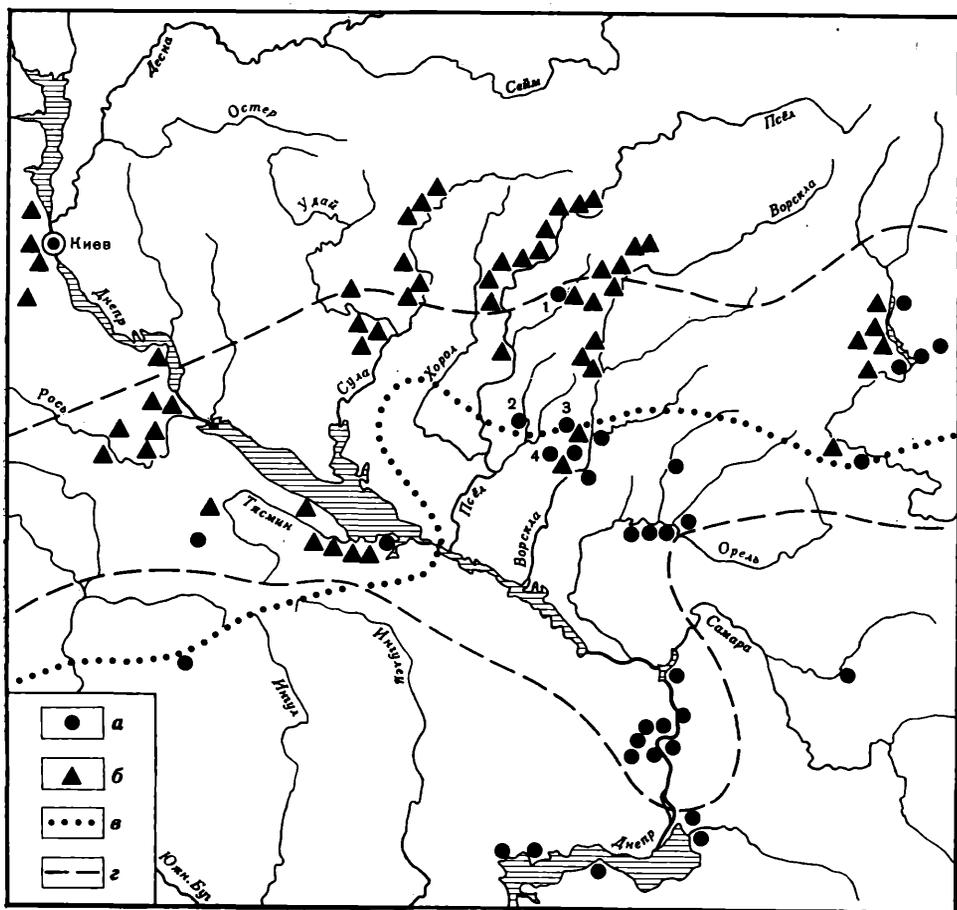

Рис. 1. Размещение памятников VIII—X вв. в Среднем Поднепровье

а — памятники салтовской культуры; *б* — славянские памятники VIII—X вв.; *в* — граница распространения пеньковской культуры; *г* — южная граница лесостепи; 1—4 — памятники салтовской культуры, обследованные Днепровской левобережной экспедицией: 1 — Вовки, 2 — Белоколни, 3 — Лаврики, 4 — Чередники

роятно, что наряду с кочевническим жилищем-юртой она в общей массе представляет особый культурный горизонт, принадлежащий салтовской культуре, точнее, еще не изученному днепровскому ее варианту, существование которого предполагает С. А. Плетнева⁶.

Еще в 50-е годы, выясняя причину зарытия вещевых кладов в конце VII — начале VIII в. в Среднем Поднепровье, Г. Ф. Корзухина пришла к выводу, что ход культурно-исторического процесса в то время здесь был нарушен вторжением степных племен⁷. Сейчас это доказывается и на основе изучения пеньковской культуры, доживающей до начала VIII в., что соответствует времени зарытия кладов. Пеньковская культура в основном своем ареале не имеет прямого продолжения в более поздней, достоверно славянской культуре VIII—X вв. Границы той и другой культур, если не к западу, то к востоку от Днепра, не совпадают — первая располагается к югу от второй (рис. 1). В пеньковском ареале, на левобережье и в Надпорожье, для VIII—IX вв. обнаружены в основном древности салтовского круга. Они, несомненно, заходят и на правобережье среднего Днепра, о чем можно судить по таким поселениям, как Стецовка. Но здесь они не всегда отделяются от славянской культуры типа Луки Райковецкой, датируемой в тех же пределах, что и салтовская.

С вариантом салтовской культуры на правобережье вслед за С. А. Плетневой⁸ можно связать верхний слой Пастырского поселения,

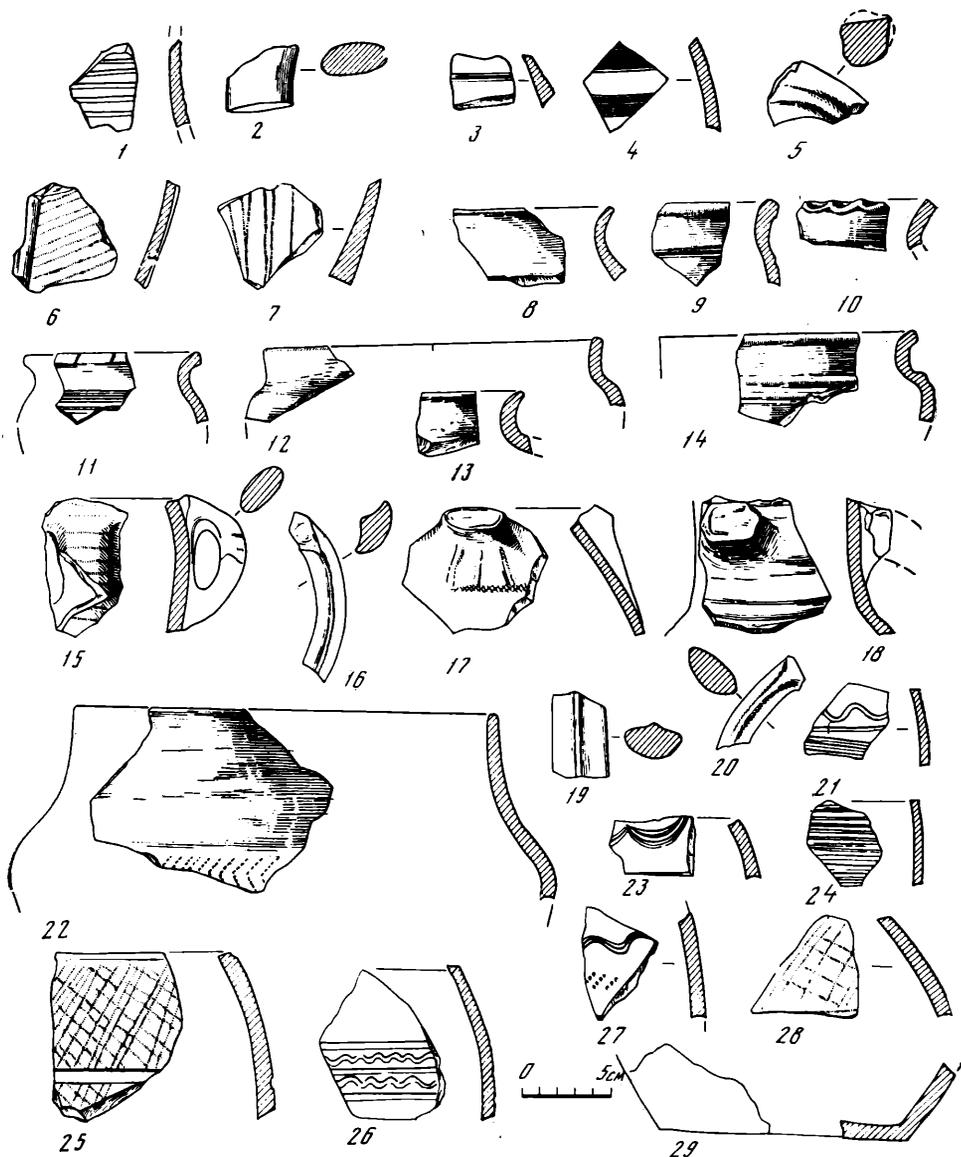

Рис. 2. Керамика салтовских поселений, исследованных Днепровской левобережной экспедицией

1, 2, 6, 7 — Белоконы; 3—5 — Чередники; 8—29 — Вовки

не имеющий ничего чуждого этой культуре ни в керамике, в общей массе «салтоидной» и практически лишенной славянских черт, ни в характере жилищ, хотя их почему-то принято сопоставлять лишь с известными на славянских поселениях.

Салтовская атрибуция очевидна в отношении ряда других комплексов Среднего Поднепровья. К их числу принадлежат гончарные центры в балке Канцерка⁹ и в Тарановом яре близ с. Мачуха¹⁰, некоторые поселения Надпорожья и поречья Орели — Вовниги, Марьевка (пункт 3)¹¹, Богатое, Чернечина¹² и др., а также отдельные погребения¹³.

В конце 70-х годов салтовские поселения были обнаружены на Полтавщине Днепровской левобережной экспедицией ЛОИА. Одно из них находится у с. Белоконы Решетилковского р-на, на краю коренного берега р. Гузская Голтва. При обследовании найдена гончарная серая керамика с «мажущей» поверхностью и орнаментом в виде валиков и проложенных линий (рис. 2, 1, 2, 6, 7). Эта керамика принадлежит главным

образом к типу Канцерки-Мачухи, названному по центрам изготовления такой посуды в степном Поднепровье. Керамика этого типа, по мнению Т. М. Минаевой, получившему общее признание, представляет аланскую культурную традицию и датируется временем не ранее конца VII в.¹⁴

Несколько иной характер имеет керамика двух других обследованных поселений — у с. Лаврики Полтавского р-на и у с. Чередники Решетилковского р-на на р. Полуозерье. Оба поселения находятся на пологом склоне коренного берега реки и занимают площадь не менее 1 га. На них также найдена только гончарная «мажущая» керамика, но не серого, а красновато-розового и оранжевого цвета (рис. 2, 3—5). Кроме того, на этих поселениях преобладают фрагменты амфор, тогда как на поселении у с. Белокопи они лишь единичны. Фрагменты принадлежат в основном стенкам с горизонтальными желобками или зонным рифлением, а также ручкам, овальным в сечении, с продольным ребром на внешней стороне.

Частые широкие желобки, покрывающие тулово, типичны для так называемых салтовских амфор VIII—IX вв. Зонное рифление отличает амфоры северопричерноморского круга того же времени, особенно крымские¹⁵.

В пределах VIII—IX вв. определяется время и четвертого поселения, которое находится у хут. Вовки Зеньковского р-на, на р. Грунь в бассейне Псла. В ходе раскопок обнаружены плохо сохранившиеся полуземляночное жилище и округлые в плане ямы хозяйственного назначения¹⁶. Характер поселения устанавливается по керамике, в основной массе гончарной с «мажущей» поверхностью. Орнамент состоит из проложенных и прочерченных линий, желобков, валиков, отпечатков гребенчатого штампа, зачастую образующих сложные сочетания. Керамика представлена формами, типичными для салтовских древностей и для привозной посуды на левобережных славянских поселениях VIII—IX вв. (рис. 2, 8—29). Отдельные фрагменты принадлежат шаровидным горшкам пастырского типа, кувшинам типа Канцерки-Мачухи, круглодонным амфорам VIII—IX вв.

Итак, в Среднем Поднепровье намечается круг древностей, безусловно связанный с салтовской культурой VIII—IX вв. В исчезновении пеньковской культуры, зарытии «антских» кладов и одновременном появлении салтовской культуры можно видеть свидетельства происшедшего здесь в начале VIII в. этнокультурного сдвига, вызванного вторжением степных алано-болгарских племен и отходом (?) пеньковского населения на север.

¹ Седов В. В. Анты//Проблемы советской археологии. М., 1978. С. 164, 165.

² Русанова И. П. Славянские древности VI—VII вв. М., 1976. С. 96—103; Она же. Памятники типа Пеньковки//Проблемы археологии. Л., 1978. Вып. 2. С. 114—118.

³ Одним из первых на это указал И. И. Ляпушкин. См.: Ляпушкин И. И. Славяне Восточной Европы накануне образования древнерусского государства//МИА. Л., 1968. № 152. С. 9, 39. См. также: Приходнюк О. М., Казанский М. М. Керамічні комплекси поселення Луг I на Тясмині//Археологія. Київ, 1978. Т. 27. С. 43—47.

⁴ Рутковская Л. М. О стратиграфии и хронологии древнего поселения около с. Степовка на р. Тясмине//Раннесредневековые восточнославянские древности. Л., 1974. С. 24—28, 32—34, 39.

⁵ Подсчеты выполнены по материалам, хранящимся в ИА АН УССР.

⁶ Плетнева С. А. От кочевий к городам. М., 1967. С. 7, 186. Рис. 50.

⁷ Корзухина Г. Ф. К истории Среднего Поднепровья в середине I тысячелетия н. э.//СА. М., 1955. Т. XXII. С. 72, 73, 78—81.

⁸ Плетнева С. А. От кочевий к городам. С. 7.

⁹ Сміленко А. Т. Слов'яни та їх сусіди в степовому Подніпров'ї (II—XIII ст.). Київ, 1975. С. 118—157.

¹⁰ Макаренко Н. Е. Археологические исследования 1907—1909 гг.//ИАК. СПб., 1911. Вып. 43. С. 116—118.

¹¹ Разведки А. В. Бодянского в днепровском Надпорожье в 1955, 1958, 1963 гг. Фонды ИА АН УССР.

¹² Юренко С. П. Отчет о работе Полтавского археологического отряда в составе экспедиции «Днепр — Донбасс» в 1973 г.//Архив ИА АН УССР; Юренко С. П., Сухобоков О. В. Раскопки многослойного поселения в Днепрпет-

ровской обл.//АО 1974 г. М., 1975. С. 376, 377.

¹³ Плетнева С. А. От кочевий к городам. С. 101, 102.

¹⁴ Минаева Т. М. Керамика балки Канцера в світлі археологічних досліджень на Північному Кавказі//Археологія. Київ, 1961. Т. 13 С. 122—128. По публикуемому материалу был подготовлен совместный доклад Е. А. Горюнова и М. М. Казанского.

¹⁵ Антонова И. А., Даниленко В. Н., Ива-

шута Л. П., Кадеев В. И., Романчук А. И. Средневековые амфоры Херсонеса//Античная древность и средние века. Свердловск, 1971. Сб. 7. С. 88—90; Кузманов Г. Типология и хронология на рановизантийските амфоры (IV—XI вв.)//Археология. София, 1973. Т. 15, кн. 1. С. 19.

¹⁶ Наряду с салтовским это поселение содержит и другие топографически обособленные культурные горизонты.

М. В. СЕДОВА

ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ НАХОДКИ ИЗ СУЗДАЛЯ

О развитии грамотности в Суздале — одном из крупных центров древнерусской культуры — свидетельствуют в первую очередь следы местного летописания, относящиеся к началу XII и началу XIII в.¹

Общеизвестны такие знаменитые домонгольские памятники эпиграфики, как суздальские золотые врата², суздальский змеевик³, каменный крест в кладке Рождественского собора⁴. В собраниях разных музеев хранятся суздальские предметы мелкой пластики с надписями⁵.

Особый интерес представляют предметы с надписями, обнаруженные в культурном слое горда. Именно они свидетельствуют о распространении грамотности среди городского населения. К сожалению, в культурном слое Суздаля не сохраняются органические остатки, поэтому находок берестяных грамот ожидать здесь не приходится. Но орудия для письма на бересте и воощеных дощечках — писала — найдены. Всего в Суздале обнаружено восемь писал. За исключением одного, они изготовлены из железа. Формы их очень близки аналогичным предметам из других древнерусских городов, в частности Новгорода.

К типу 2 по классификации А. Ф. Медведева⁶ относится писало с полукруглой лопаточкой (рис. 1, 1). Дата подобных писал — середина XI — первая половина XII в. В Суздале оно найдено в заполнении полуземляночного жилища конца XI — начала XII в. на территории окольного города⁷. Два писала имеют лопаточки в виде бокальчиков. Одно из них (рис. 1, 2), с лопаточкой в форме широкого бокальчика, относится к типу 3, датирующемуся XI — первой половиной XIII в.⁸ Оно найдено в подполе наземного жилого дома конца XII — начала XIII в. на территории кремля. Другое писало (рис. 1, 3) ближе к образцам типа 7, у которых лопаточка имеет форму изящного бокальчика с оттянутыми краями. Этот самый распространенный во всей древней Руси тип писал датируется XII — первой половиной XIII в.⁹ Писало найдено также на территории кремля, в подполе наземного дома усадьбы, погибшей при пожаре во время монголо-татарского нашествия 1238 г. В комплекс находок той же усадьбы входят еще два писала. Одно из них (рис. 1, 4) не имеет завершения, а другое (рис. 1, 5), с треугольной лопаточкой, видимо, относится к типу 13, дата которого — XII—XIII вв. Больше всего оно напоминает бронзовое писало XI—XII вв. из Новогрудка¹⁰. Наконец, еще два писала имеют лопаточки в виде Т-образного завершения. Эти писала относятся к типу 8 второй половины XII — середины XIII в.¹¹ Одно из них (рис. 1, 6) обнаружено в предмонгольском слое посада; другое (рис. 1, 7), несколько отличающееся своеобразием ромбического расширения перед лопаточкой, найдено в одном помещении с писалом типа 3 (рис. 1, 2). Близкую аналогию писалу с ромбическим расширением представляет находка в Ярополче Залесском¹².

По-видимому, частью писала является костяное острие с навершием в виде лопаточки¹³, найденное в суздальском кремле в раскопках 1940 г.

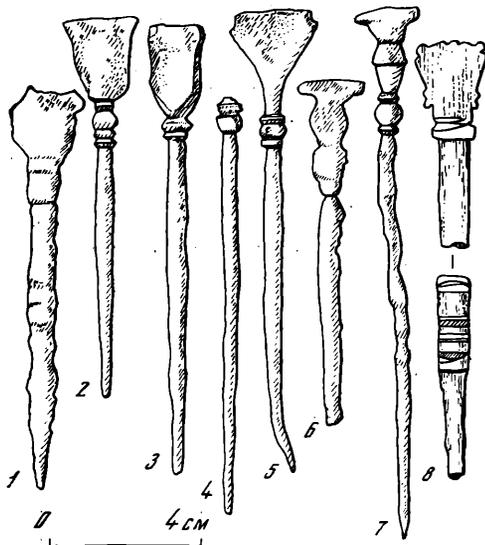

Рис. 1. Стили-писала из Суздаля

1—7 — железо; 8 — кость

А. Ф. Дубынина (рис. 1, 8). Лопаточка имеет расширяющуюся трапециевидную форму с тремя зазубринками с каждой стороны. В Новгороде костяные писала близких форм встречены в слоях середины X — первой половины XI в. Видимо, суздальское костяное писало — наиболее раннее во всей рассмотренной коллекции.

Из предметов с надписями особо следует остановиться на двух находках, происходящих из усадьбы XI в. на территории кремля. Это прежде всего каменная литейная форма из жилища ювелира, которое по комплексу находок и серебряной монете (варварскому подражанию западноевропейскому денарию) датируется концом XI в. Жилище, видимо, погибло в пожаре 1096 г., упоминаемом в летописи. На четырех гранях литейной

формы помещены различные изображения. Древнейшими среди них являются изображения двух круглых фибул. На одной фибуле вырезана фигура скандинавского бога Одина с двумя воронами на плечах, на другой — кольцо из пожирающих друг друга зверей, заключенных в орнаментальную кайму с геометрическим узором. Среди геометрических насечек расположены знаки скандинавского младшерунического алфавита. Надпись, включенная в орнаментальную кайму, читается как «Этот Олавов», т. е. она указывает владельца или заказчика фибулы-бляхи. Аналогии написанию рун хорошо представлены в скандинавских памятниках XI в.¹⁴

Таким образом, в Суздале обнаружен редкий эпиграфический памятник рунической письменности, свидетельствующий о том, что в составе населения города были выходцы из скандинавских стран. Постепенно скандинавы растворялись в славянской среде, вливаясь в ее феодальную верхушку. Об этом процессе можно судить как по изображениям славянских украшений-лунниц на оборотной стороне литейной формы, так и по находке на той же усадьбе южнорусской амфоры с надписью-монограммой. Амфора имеет высоту 41 см, наибольший диаметр тулова 29 см, диаметр горла 7 см. Она изготовлена из хорошо отмученной глины розовато-серого оттенка, ручки выступают над горлом. Надпись процарапана в верхней части сосуда острым предметом уже после обжига. Это монограмма из трех букв ОЛЕ (рис. 2). В. В. Седов считал, что в сосуде хранилось оливковое масло — олеи (олѣи)¹⁵. Но сама надпись, выполненная кириллицей в виде монограммы, скорее всего называет владельца сосуда. Палеографические признаки в начертаниях букв уловить трудно. Можно предположить лишь, что на амфоре написано в славянской транскрипции скандинавское имя Олав.

Стратиграфически в одном слое с амфорой находились многочисленные фрагменты сгоревших деревянных сосудов. В. В. Седов указывает, что на одном из них была надпись, от которой сохранилась лишь последняя буква¹⁶. Что это была за буква, определить не удалось.

Таким образом, из одних и тех же слоев городской усадьбы XI в. происходят три предмета с надписями — литейная форма, амфора и деревянный сосуд, свидетельствующие о довольно значительном развитии грамотности среди обитателей усадьбы. Косвенным доказательством этого может служить и находка свинцовой актовой печати византийско-

го происхождения (рис. 3). Печать была подвешена к какому-то несохранившемуся документу, написанному на пергамене. На лицевой стороне печати помещено изображение Богоматери в рост с младенцем на правой руке и подписью, обозначающей эпитет Одигитрии. Из надписи четко читается лишь альфа. На оборотной стороне — сцена успения Богоматери, на ней — по-видимому, также следы греческой надписи (возможно, Ν ΚΟΙΜΝΣΙC).

Многообразие эпиграфического материала, выполненного скандинавскими рунами, греческим и славянским алфавитами, говорит о широких международных связях жителей усадьбы и подтверждает вывод о том, что хозяин усадьбы относился к верхушке феодальной знати¹⁷. Эти надписи являются древнейшими в Суздале.

К XII в. относятся две свинцовые печати с надписями, также подвешивавшиеся к несохранившимся пергаменным документам. Одна печать найдена в 1939 г. и опубликована Л. А. Голубевой. На лицевой стороне печати помещено погрудное изображение св. Феодосия в ободке, по сторонам — надпись Ο ΘΕ ΟΔΟΣΙΟΣ: на оборотной стороне — изображение Богоматери Знамение с подписью ΜΡ ΘΥ¹⁸.

Другая печать, найденная в 1982 г., имеет на одной стороне

Рис. 2. Амфора с процарапанной монограммой

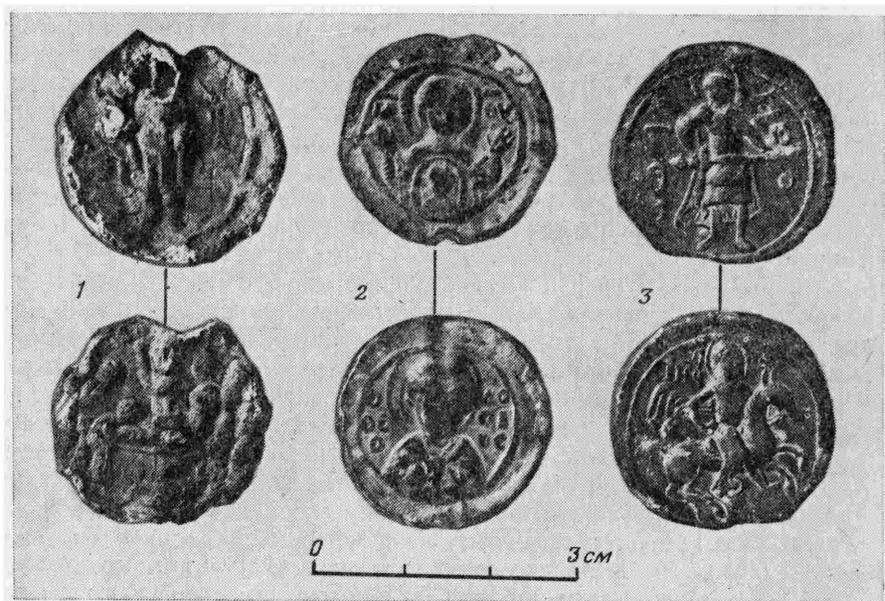

Рис. 3. Актювые печати

1 — византийская печать XI в. с изображением Богоматери с младенцем и Успения; 2 — печать XII в. с изображением Богоматери Знамение и Феодосия; 3 — печать рубежа XII—XIII вв. с изображением Дмитрия и Георгия

изображение св. Дмитрия в рост с подписью О ДМІТРИ, а на другой — изображение конной фигуры св. Георгия и обратной подписью (справа налево) ЄГОРНІ. Обращает на себя внимание русское написание имени Георгия. Характерно для XI—XII вв. написание буквы И в виде современного Н с горизонтальной перекладиной на середине высоты буквы. Буква О узкая, состоящая из двух полуovalов. У буквы Р прямая мачта и полукруглая суженная головка. Буква Є не очень узка, хорошо изогнута, язычок ее не выступает за границы полуovalа. Все перечисленные признаки позволяют датировать подпись XII в.¹⁹ Конечно, активные вислые печати не являются в полном смысле памятниками эпиграфики, они

служат объектом изучения сфрагистики. Но в то же время они косвенно указывают на существование не дошедших до нас письменных документов.

Подлинным памятником вещевой эпиграфики является пряслице из розового шифера с надписью, найденное в 1939 г. в суздальском кремле в раскопках А. Ф. Дубынина и Л. А. Голубевой (рис. 4). Надпись на пряслице не была замечена авторами раскопок и обнаружена мной при знакомстве с коллекцией находок, хранящихся в ГИМ²⁰. Пряслице битрапецидной формы, диаметр его 2 см, сохранилось лишь наполовину высоты. В верхней его части по кругу расположена надпись СЕ ПР.▲СТЛ, т. е. этот пряслень такого-то... Кому именно принадлежало пряслице, осталось неизвестным из-за скола камня. Надписи на пряслицах, показывающие их принадлежность какому-либо лицу, нередко встречаются в средневековых городах. Таковы пряслица из Киева («Потворин пряслень»), Преслава в Болгарии («Лолин пряслень»), Вышгорода под Киевом («Невесточ»)²¹, Витебска («Бабино пряслене»)²², Теробовля («РОМАДИНЪ»)²³. Правда, во всех случаях, когда обозначен сам предмет, он назван «пряслень». На суздальской же находке он назван «пряслень» (через букву Т). Такое написание, видимо, указывает на происхождение слова «пряслень» от «прясть». Палеографические особенности букв в слове выражены слабо. Можно отметить букву Р (расположенную косо, в отличие от остальных букв) с прямой мачтой и треугольной головкой; широкую букву Є с развитой верхней частью; широкую букву ▲ с перпендикулярной черточкой, опускающейся ниже боковых мачт. Эти признаки как будто указывают на XIII в.²⁴

Рис. 4. Предметы с надписями

- 1 — отливка из литейной формы с рунической надписью XI в.;
2 — шиферное пряслице

Видимо, XIII—XIV вв. следует датировать граффити из Рождественского собора. Оно расположено в южной апсиде на северной стене древней арки, которая вела из диаконника в основной объем собора. При ремонте и перестройке собора в начале XVI в. арка была заложена кирпичом и вновь открыта лишь при реставрационных работах, проводившихся в 1940 г. В настоящее время граффити находится на высоте 40—45 см от современного пола (100—120 см от древнего пола). Это скорее всего говорит о том, что человек писал, стоя на коленях. Граффити процарапано на слое штукатурки светлого тона со следами фресковой росписи красновато-коричневого цвета. Узор фресковой росписи составляют растительные побеги, расходящиеся от криновидной пальметки. Фактура слоя штукатурки и краски растительного узора совпадают с фресками, сохранившимися в верхней части диаконника, в оконных проемах и аркосолиях, изображающих растительный узор и святых²⁵. Эти фресковые росписи были сделаны вскоре после перестройки собора из белого камня в 1222—1225 гг. Летопись под 1230 г. сообщает: «Того же лета

ЦЕАΠΖ
 ΜΟ
 ΧΟΒ ΔΙΙΙΟΙΙΟΝΕΧΕ
 ΤΑ ΤΟ Κ Μ Ν ΙΙΙ Ο Ο Τ Η
 0 4cm

Рис. 5. Прорись граффити XIII—XIV вв.

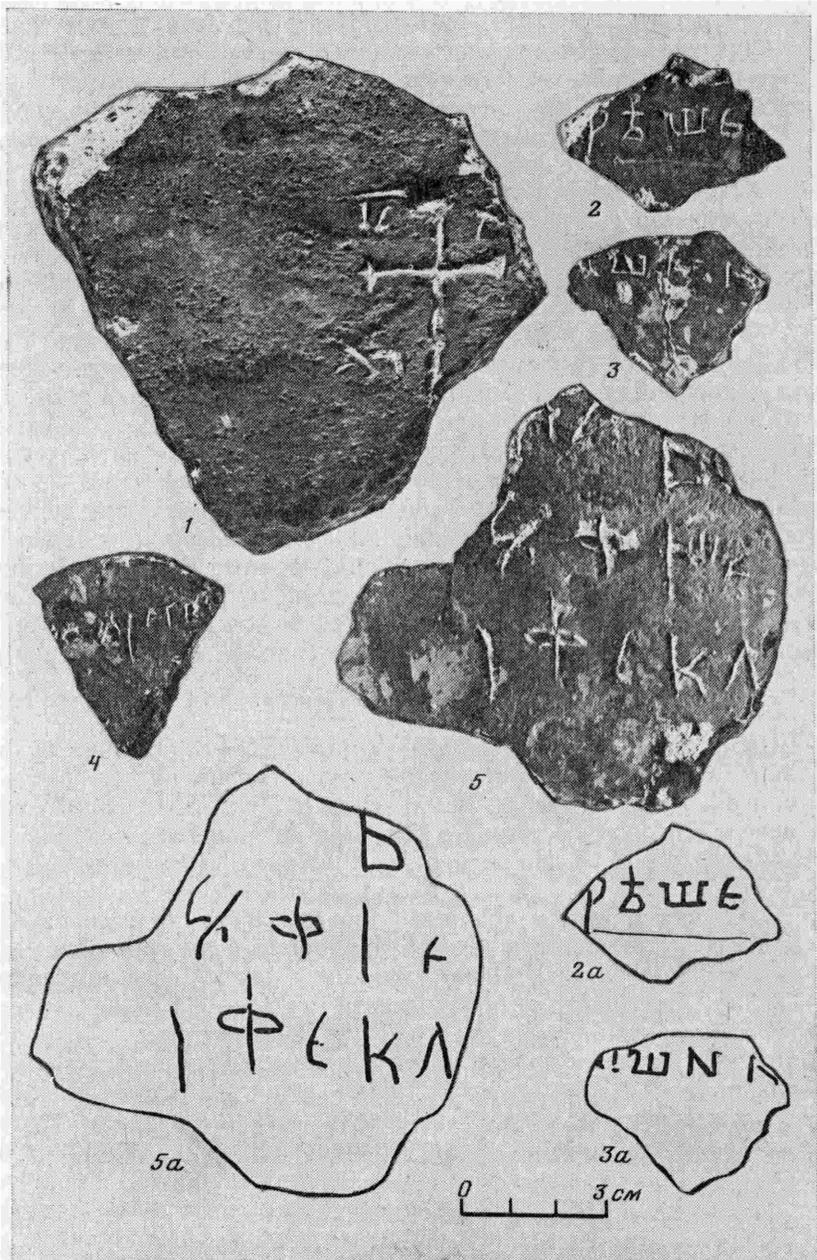

Рис. 6. Фото и прориси граффити из Рождественского собора (1 — 5)

почата бысть писана церковь святыя Богородица в Суждали»; под 1233 г.: «В лето 6741 написана бысть церковь святая Богородица в Суждали»²⁶. Таким образом, граффити не могло появиться на стене раньше 1230—1233 гг.

Трижды в разных местах (рис. 5) повторяется начало одной и той же фразы: СЄ ѠЗ (вместо церковно-славянского СЄ АЗЪ). В палеографическом отношении интерес представляет буква З. Верхняя линия ее горизонтальна, слева ограничена довольно длинной чертой. Наклонная правая черта выходит за воображаемую линию строки, а хвост буквы отклоняется вправо. Такое написание встречается в памятниках письменности XIII в.²⁷

Основная надпись сделана в две строки. Вероятно, это продолжение фразы, от которой сохранилось несколько букв выше и левее ее. Читается в ней лишь отдельные слова, полный смысл фразы неясен: «... было по нечety, то имо прости». Вероятно, это отрывок богослужебного текста. Характерно и современное начертание, что указывает на XIV в. На это же время указывает петля Ъ — большая, почти примыкающая к мачте, что характерно для памятников письменности не ранее XIII в. Буква А написана так, что перпендикулярной черточке и перекладины нет, а прочерчен треугольник. Такое написание встречается в берестяных грамотах XIII—XIV вв.²⁸ В целом, видимо, несмотря на некоторую архаизацию написания отдельных букв, временем появления граффити следует считать вторую половину XIII—XIV в.²⁹

В археологическом материале Суздаля есть еще фрагменты фресок с процарапанными буквами. Происходят они из раскопок А. Д. Варганова и А. Ф. Дубынина в 1937 г. около Рождественского собора. Раскоп был заложен к югу от современной южной стены собора (между южным порталом и апсидой, у второй пилястры). На глубине 2,8—3 м от современного уровня почвы обнаружен темный слой со щебнем, в котором попадались фрагменты фресок. Куски фресок довольно четко различаются по фактуре: у одних окрашенная поверхность имеет гладкий, гляцевый характер, а цвета ярче и гуще; у других поверхность шероховатая, цвет краски матовый и более бледный. На обломках последнего типа, обычно зеленого цвета, имеются процарапанные буквы³⁰. По фактуре штукатурки и цвету фрески близки к росписям XIII в., сохранившимся в диаконнике и аркосалиях. Буквы граффити квадратные, широкие. Сохранилось пять фрагментов. На первом (рис. 6, 1) процарапаны четырехконечный крест и буквы ІС Х Н . На втором фрагменте (рис. 6,

2)—ГРЪШЄ. В этой надписи характерно для XII в. написание буквы с выходящей за уровень строки мачтой и коромыслом на уровне строки. На третьем фрагменте (рис. 6, 3) написано ШНН. Характерной особенностью почерка второго и третьего фрагментов являются ограничительные черточки у буквы Ш. На четвертом фрагменте (рис. 6, 4) процарапано НОУНВ и, наконец, на пятом (рис. 6, 5) — ФІЄФЄКЛ, т. е. имя Фекла. В написании имени допущена ошибка — оно должно было писаться через фиту. В целом в манере написания букв отличимы черты, присущие почеркам XII—XIII вв. Учитывая дату создания фресок (1230—1233 гг.), граффити следует отнести к XIII в.

Весь рассмотренный выше эпиграфический материал позволяет с большей конкретностью судить о развитии грамотности в городской среде Суздаля в XI—XIII вв. и о том общем фоне развития культуры в предмонгольский период, когда были созданы такие шедевры прикладного искусства и эпиграфики, как суздальские золотые врата и другие памятники.

¹ Лимонов Ю. А. Летописание Владимиро-Суздальской Руси. Л., 1967. С. 185, 186; Воронин Н. Н. К вопросу о начале ростово-суздальского летописания//

Археографический ежегодник за 1964 г. М., 1965. С. 38, 39.

² Овчинников А. Н. Суздальские золотые врата. М., 1978.

- ³ Филимонов Г. Д. Змеевик суздальского Рождественского собора//Вестник Общества древнерусского искусства при Московском публичном музее. М., 1875. Отд. IV. Смес. С. 73—75; Щепкина М. В. О происхождении Успенского собора//Древнерусское искусство. М., 1972. С. 74—77.
- ⁴ Воронин Н. Н. Новые памятники русской эпиграфики XII в.//СА. М., 1940. Т. VI. С. 309—315.
- ⁵ Николаева Т. В. Древнерусская мелкая пластика из камня//САИ. М., 1983. Вып. Е1-60. С. 120, 121; Воронин Н. Н. Археологические заметки//КСИИМК. М., 1956. Вып. 62. С. 26, 27. Рис. 14.
- ⁶ Медведев А. Ф. Древнерусские писала X—XV вв.//СА. М., 1960. № 2. С. 72.
- ⁷ Седова М. В., Беленькая Д. А. Окольный город Суздаля//Древнерусские города. М., 1981. С. 99. Рис. 5, 5.
- ⁸ Медведев А. Ф. Древнерусские писала... С. 76. Рис. 1, 6, 7.
- ⁹ Там же. С. 76. Рис. 3, 2, 3.
- ¹⁰ Там же. С. 78. Рис. 5, 4.
- ¹¹ Там же. С. 78. Рис. 3, 4—6.
- ¹² Седова М. В. Ярополч Залесский. М., 1978. С. 131. Табл. 2, 4.
- ¹³ Ивановский музей, № И СЗ/40 89.
- ¹⁴ Мельникова Е. А., Седова М. В., Штыхов Г. В. Новые находки скандинавских рунических надписей на территории СССР//Древнейшие государства на территории СССР. М., 1981. С. 182—186. Рис. 1; 2.
- ¹⁵ Седов В. В. Исследования в Суздале//АО 1970 г. М., 1971. С. 87, 88.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Седов В. В., Седова М. В. Древний Суздаль: Археологическое исследова-
- ние//Вестник АН СССР. М., 1983. № 1. С. 135.
- ¹⁸ Голубева Л. А. Новый образец свинцовой печати из Суздаля//КСИИМК. М., 1949. Вып. 29. С. 109—111.
- ¹⁹ Щепкин В. Н. Русская палеография. М., 1967. С. 113, 114; Карский Е. Ф. Славянская кирилловская палеография. Л., 1928. С. 181—210.
- ²⁰ ГИМ, № 80345/473-18д.
- ²¹ Рыбаков Б. А. Ремесло древней Руси. М., 1948. С. 197—202.
- ²² Алексеев Л. В. Три пряслица с надписями из Белоруссии//КСИИМК. М., 1955. Вып. 57. С. 129—132.
- ²³ Алексеев Л. В. Еще три шиферных пряслица с надписями//СА. М., 1959. № 2. С. 242—245.
- ²⁴ Карский Е. Ф. Славянская кирилловская палеография. С. 208; Черепнин Л. В. Русская палеография. М., 1956. С. 253.
- ²⁵ Варганов А. Д. Фрески XI—XIII вв. в Суздальском соборе//КСИИМК. М., 1940. Вып. 5. С. 38—40.
- ²⁶ ПСРЛ. М., 1962. Т. 1. Стб. 455, 460.
- ²⁷ Карский Е. Ф. Славянская кирилловская палеография. С. 191; Черепнин Л. В. Русская палеография. С. 251.
- ²⁸ Черепнин Л. В. Русская палеография. С. 253.
- ²⁹ Пользуюсь случаем принести благодарность А. А. Медынцева за помощь в анализе граффити.
- ³⁰ Дубынин А. Ф. Отчет по археологическим исследованиям в Ивановской обл. за 1937 г.//Архив ЛОИА. Ф. 2. Оп. 1. № 205. Фрески хранятся во Владимиро-Суздальском музее-заповеднике (СЗ-С/37, № 59, 136, 137, 139, 141).

Т. А. ЧУКОВА

ДРЕВНЕРУССКИЕ КЕРАМИЧЕСКИЕ ПОЛИВНЫЕ ПЛИТКИ

Одним из важнейших элементов убранства древнерусского интерьера были керамические поливные плитки. Они использовались на Руси начиная с первой каменно-кирпичной постройки — Десятинной церкви, а в XII в. стали наиболее распространенным материалом для покрытия полов. Большая часть поливных древнерусских плиток происходит из каменных храмов, но использовались они и в убранстве деревянных церквей¹, каменных дворцов². Известны находки плиток и в рядовых жилищах³, хотя они единичны и недостоверны⁴.

Проблема изучения древнерусской поливной строительной керамики впервые поставлена в работе М. К. Каргера, посвященной архитектурному оформлению интерьера, в частности полам⁵. В статье М. К. Каргера использован материал, полученный в результате археологического изучения памятников древнерусской архитектуры, разбросанный по страницам отдельных отчетов и публикаций. Однако статья не преследовала цель создания полного свода, и некоторые данные остались неучтенными. Со времени появления работы М. К. Каргера стало известно много новых находок, которые пока не обобщены, хотя отдельные

темы, связанные с древнерусской поливной строительной керамикой, поднимались в ряде исследований.

Применения плиток, технологии их изготовления, обжига, нанесения поливы касается Б. А. Рыбаков в работе «Ремесло древней Руси»⁶. Т. И. Макарова рассматривает вопросы происхождения, развития и использования поливной керамики на Руси⁷. Химический состав древнерусской поливы приведен в работе Ю. Л. Шаповой⁸, способам укладки плиток посвящена статья И. Г. Сахаровой⁹. В статье А. Р. Тищенко предлагается реконструкция способов нанесения фоновых и орнаментирующих полив¹⁰.

При рассмотрении поливных керамических плиток, применявшихся в убранстве полов в X—XIII вв., можно, учитывая форму, наличие и характер орнаментации, а также устойчивую встречаемость плиток, отмеченных этими признаками, выделить пять видов основных наборов: 1) квадратные и треугольные одноцветные плитки (редко встречаются плитки ромбической формы); 2) квадратные и треугольные орнаментированные плитки; 3) фигурные одноцветные плитки; 4) фигурные орнаментированные плитки; 5) плитки с рельефным орнаментом.

Сочетание форм первого набора объясняется способом укладки пола: квадратные плитки клали под углом 45° к оси здания, треугольные образовывали кайму у стен, столбов. Этот набор наиболее распространен и встречается в памятниках всех архитектурных школ, в которых применялась поливная строительная керамика. Монохромные квадратные и треугольные плитки были использованы уже при строительстве Десятинной церкви. Таким образом, плитки первого набора (вида) появились на Руси с конца X в. Они продолжали бытовать до самого монголо-татарского нашествия и были одинаково популярны на всех этапах развития древнерусского зодчества (табл. 1). Цветовая гамма плиток невелика: желтые, зеленые, коричневые. Редко встречается полива других цветов (красная, белая, синяя, черная).

Плитки второго набора также имеют квадратную или треугольную форму, но, в отличие от плиток первого набора, они полихромные — орнаментированы поливой разных цветов. Этот вид плиток менее распространен как хронологически, так и территориально. Такие плитки появляются на Руси в конце XI в. и продолжают применяться в XII—XIII вв. Орнаментация древнерусских поливных плиток выполнялась в технике надглазурной росписи. По цветовой гамме полихромные плитки близки монохромным: преобладающими остаются желтый, зеленый, коричневый цвета. С середины XII в. появляются также синий и красный цвета (церковь Петра и Павла в Смоленске, Боголюбовский собор и др.).

Третий набор — фигурные монохромные плитки. Они найдены в памятниках киевского круга, владими́ро-суздальской, гродненской, галицкой, полоцкой архитектурных школ, на Волыни и в Пинске, пока не отмеченном исследователями ни к одной из архитектурных школ. Скопление фигурных плиток в слое конца XI — начала XII в. на Замковой горе в Пинске дает уже большое количество форм (более 30)¹¹. Всего же известны 43 формы фигурных плиток. Формы плиток гродненской архитектурной школы (Нижняя церковь в Гродно, Коложская церковь)¹² особенно разнообразны.

В первой половине XII в. появляются фигурные полихромные плитки (четвертый набор). Они встречены лишь в Киеве, Смоленске и Полоцке.

Плитки с рельефным орнаментом (пятый набор) найдены в Галицкой земле и (одна плитка) в Коложской церкви в Гродно. Галицкие и гродненская плитки стилистически различны. Орнаментация галицких плиток разнообразна и сложна. Так, только в ходе раскопок в Галиче в 1955 г. были найдены 184 плитки, сформованные в 12 матрицах с разными рисунками¹³.

Таблица 1
Хронологическое распределение наборов поливных плиток

Период	Памятники *	Наборы				
		1	2	3	4	5
Конец X—XI в.	Церковь Богородицы (Десятинная). Киев	+				
	Церковь Бориса и Глеба. Вышгород	+	+			
	Большой храм. Зарубницы	+				
	Церковь Михаила. Переяслав-Хмельницкий	+				
	Церковь на Советской ул. Переяслав-Хмельницкий	+	+			
Начало — третья четверть XII в.	Спасская церковь. Переяслав-Хмельницкий	+	+	+		
	Церковь Богородицы (Десятинная; помы XII в.). Киев					+
	Кирилловская церковь. Киев	+				
	Малый храм. Зарубницы	+				
	Воскресенская церковь. Переяслав-Хмельницкий	+				
	Борисоглебский собор. Чернигов	+				
	Успенский собор Елецкого монастыря. Чернигов	+	+	+		
	Борисоглебский собор. Старая Рязань	+				
	Успенский собор. Старая Рязань	+				
	Церковь Спаса. Владимир		+			
	Собор Рождества Богородицы. Боголюбово	+	+			
	Церковь Покрова на Нерли	+				
	Успенский собор. Ростов	+				
	Спасо-Преображенский собор. Переславль-Залесский	+	+			
	Церковь Благовещения на городище. Новгород	+				
	Успенский собор. Смоленск	+				
	Борисоглебский собор Смядынского монастыря. Смоленск	+	+	+		
	Церковь Петра и Павла. Смоленск	+	+			
	Бесстолпная церковь в детинце. Смоленск	+				
	Церковь Ивана Богослова. Смоленск	+				
	Храм-усыпальница в Евфросиньевом монастыре. Полоцк	+	+	+	+	
	Церковь Бориса и Глеба. Новогрудок	+		+		
	Успенский собор. Владимир-Волынский			+		
	«Старая Кафедра». Владимир-Волынский	+	+	+		
	Храм близ Васильевской церкви. Владимир-Волынский	+	+	+		
	Успенский собор. Крылос	+				+
	Церковь Спаса. Галич	+				+
	«Полигон». Галич	+				+
	Церковь. Звенигород-Галицкий	+				
	Церковь Иоанна. Перемышль	+		+		
Конец XII — начало XIII в.	Церковь на Вознесенском спуске. Киев	+				
	Малый храм. Белгородка	+	+			
	Церковь Апостолов. Белгородка	+	+			
	Благовещенская церковь. Чернигов	+	+			
	Пятницкая церковь. Чернигов	+				
	Собор Спасского монастыря. Новгород-Северский	+	+			
	Успенский собор. Владимир	+				
	Успенский собор Княгинина монастыря. Владимир			+		
		+				
		+				

Таблица 1 (окончание)

Период	Памятники *	Наборы				
		1	2	3	4	5
Конец XII — начало XIII в.	Собор Рождества Богородицы. Суздаль	+	+	+		
	Церковь Спаса-Нередицы. Новгород	+				
	Собор Троицкого монастыря на Кловке. Смоленск	+				+
	Галерея Борисоглебского собора Смядынского монастыря. Смоленск					+
	Церковь у устья р. Чуриловка. Смоленск	+				
	Собор Спасского монастыря у д. Чернушки. Смоленск	+	+			
	Церковь на Окопном кладбище. Смоленск	+				+
	Церковь на Большой Краснофлотской ул. Смоленск	+				+
	Церковь в детинце. Полоцк		+			+
	Нижняя церковь. Гродно	+			+	
	Борисоглебская церковь на Коложе. Гродно	+			+	+
	Церковь. Василёв	+				
	Благовещенская церковь. Галич	+			+	

* В таблицу включены только те памятники, виды плиток которых известны. Все данные о памятниках см. в кн.: Раппопорт П. А. Русская архитектура X—XIII вв.//САИ. М.; Л., 1982. Вып. Е1-47.

Пола из поливных плиток в XI в. часто сочетались с мраморными, мозаичными, кирпичными, полами из известняковых и шиферных плит (иногда шиферная плита инкрустировалась смальтой). Поливные плитки покрывали пол в боковых частях здания, а в наиболее парадных помещениях пол украшали мозаикой, мрамором.

В XII в. наступает новый этап в развитии древнерусской архитектуры. Упрощается объемное построение здания, его внутреннее пространство. По-новому решается и вопрос убранства интерьера: мозаику заменила фреска, богатые мозаичные и мраморные полы — майолика. Теперь майоликовые плитки применяются для убранства и основных помещений здания — из них набирают полы центральных нефов, алтарей, княжеских хор. Боковые же нефы, галереи, приделы часто мостят бесполитыми плитками, плинфой, каменными плитами, залитыми цемяночным раствором. Во многих церквах весь пол покрывают поливными плитками. В убранстве одного здания применяется несколько наборов. В этом случае почти все помещения церкви выстилают плитками «простого» набора, а пол в подкупольном квадрате, апсидах набирают из полихромных или фигурных плиток. Например, в Коложской церкви нефы и боковые апсиды были вымощены монохромными квадратными и треугольными плитками, а пол центральной апсиды выложен из крестообразных плиток¹⁴. Церковь Апостолов в Белгородке также была убрана плитками «простого» набора, а ее алтарь — плитками, украшенными орнаментом¹⁵.

Известны случаи использования для полов, кроме поливных керамических плиток, и покрытой поливой плинфы. Такая плинфа (в том числе и с разноцветной поливой) найдена по сведениям П. А. Раппопорта, например, в Спасском соборе в Новгороде-Северском.

Как отмечалось выше, сочетание форм плиток в первом наборе объясняется способом укладки пола, когда квадратные плитки кладут под углом 45° к оси здания, дополняя их треугольниками. Плитки разных цветов обычно размещали так, что одноцветные ряды, чередуясь, шли параллельно стенам здания — от западного входа к алтарю, два ряда

одного цвета разделялись рядом другого. Так были уложены полы, например, в бесстолпной церкви в Смоленске¹⁶, церкви Апостолов в Белгородке¹⁷, Благовещенской церкви в Чернигове¹⁸. В апсиде плитки чаще клали параллельно стенам (церковь на Окопном кладбище в Смоленске)¹⁹. В церкви Спаса в Галиче использованы только треугольные плитки, выложенные параллельными полосами²⁰.

Во время раскопок в Смоленске найден кирпич, одна из сторон которого расчерчена по сырой глине. Рисунок состоит из квадратов и треугольников: кирпич разбит на поперечные участки, каждый из которых оконтурен каймой треугольников. Возможно, мастер набросал на сырой плитке рисунок будущего майоликового пола строящегося здания. По сведениям П. А. Раппопорта, известны примеры, когда количество найденных треугольных плиток равнялось количеству квадратных, как и должно быть при использовании такого рисунка.

Могла быть применена и более сложная система укладки. Например, в галерее Борисоглебского собора в Чернигове плитки лежали параллельными стенам рядами: пол галереи делился на участки, в которых цветные дорожки шли в диагональном направлении, при этом в каждом следующем участке направление дорожек менялось²¹.

Среди фигурных плиток чаще всего встречаются щитково-крестообразные. Они укладывались таким образом, что верхняя лопасть каждой плитки оказывалась между нижними лопастями двух других. Эта форма позволяла набирать красивый рисунок и без введения каких-либо других форм. Из щитково-крестообразных плиток, например, был набран пол в Коложской церкви. Найдены здесь и плитки других форм — в виде кольца, треугольника с вогнутыми сторонами²². Вероятно, из них был набран квадратный коврик. В апсиде Коложской церкви обнаружены и половинки крестообразных плиток (продольные и поперечные), при помощи которых квадратная композиция могла быть легко вставлена в пол из крестообразных плиток.

Из фигурных плиток набирался также «звездчатый» рисунок. Его составляли из трех форм — круг, прямоугольник с вогнутыми короткими и выгнутыми длинными сторонами и квадрат, все стороны которого вогнуты. Пол, набранный из таких плиток, встречен в памятниках владимиро-суздальской архитектурной школы. Фрагмент его найден *in situ* в апсиде Успенского собора во Владимире. Этот же рисунок был, вероятно, повторен в убранстве пола собора Рождества Богородицы в Суздале²³.

Большую серию форм дали поливные плитки, найденные на Замковой горе в Пинске. В статье, посвященной этой находке, дана реконструкция пяти композиций, составленных из найденных в Пинске плиток²⁴.

Таким образом, фигурные плитки давали большие возможности для составления разнообразных рисунков пола.

Главное место в убранстве интерьера церкви занимало подкупольное пространство. В подкупольном квадрате пол часто набирали в виде круга — омфалия. Омфалии выкладывались разными способами. Например, в «Старой Кафедре» во Владимире-Волынском омфалий был выложен из равнобедренных треугольников (в подкупольном квадрате найдены только треугольные плитки; судя по порядку их укладки, они образовывали круг)²⁵; в церкви Бориса и Глеба в Новогрудке — из плиток квадратных, треугольных и прямоугольных с выгнутой стороной²⁶. Пол с омфалием был и в храме-усыпальнице в Евфросиньевом монастыре в Полоцке. Здесь найден целый набор плиток разных форм: в виде трапеций с вогнуто-выгнутыми сторонами; дугообразные одноцветные; расчерченные на треугольники, окрашенные в разные цвета; орнаментированные²⁷. Были найдены и разных размеров квадратные плитки, из которых могли набирать в подкупольном квадрате и разнообразные прямоугольные композиции.

Таблица 2
Использование наборов плиток в памятниках отдельных архитектурных школ

Архитектурные школы	Наборы					Архитектурные школы	Наборы				
	1	2	3	4	5		1	2	3	4	5
Киевская *	+	+	+	+		Галицкая	+		+		+
Полоцкая	+	+	+	+		Гродненская	+		+		+
Владими́ро-Суздальская	+	+	+			Новгородская	+				

* К киевской школе отнесены и памятники Смоленской земли.

Особо отметим поливной пол Нижней церкви в Гродно, частично сохранившийся и реконструированный М. В. Малевской²⁸. Сочетание квадратных и фигурных плиток позволило мастерам создать сложную композицию, отличающуюся разнообразием форм орнамента.

Плитки «простого» набора иногда сочетались в убранстве пола с плитками с рельефным орнаментом (Успенский собор в Галиче)²⁹.

В сложении композиций поливных полов немалое значение имели вкусы, традиции, художественные особенности архитектурных школ домонгольской Руси (табл. 2). Самой своеобразной в этом отношении является галицкая архитектурная школа, что, очевидно, связано с особенностями ее сложения. Только в Галицкой земле найдены богато орнаментированные (с изобразительными композициями) рельефные плитки.

В памятниках киевского круга найдены плитки четырех видов — монокромные квадратные и треугольные, орнаментированные цветными поливами, одноцветные и орнаментированные фигурные плитки.

Во Владимиро-Суздальской земле отмечены плитки первых трех наборов. Отличительными чертами владимирских плиток являются сложность и изящество форм, своеобразие рисунка, богатство цветовой гаммы. Из плиток, орнаментированных поливой, только на владимирских встречены изобразительные сюжеты.

Для гродненской архитектурной школы наиболее характерны фигурные плитки (они встречены в Нижней и Коложской церквях в сочетании с плитками «простого» набора). Это единственная архитектурная школа, в которой строительная майолика применялась не только в убранстве полов, но и при оформлении фасада здания³⁰.

По богатству форм поливных плиток гродненскую архитектурную школу можно сравнить с Пинском и полоцкой школой. С полоцкими памятниками связаны и интересные образцы орнаментированных фигурных плиток.

В новгородских храмах майоликовые полы настилались из «простых» одноцветных плиток. Такая простота убранства пола связана с художественным образом новгородского храма, для которого характерны простота форм, лаконичность декора. В ряде новгородских памятников полы были выполнены из известняковых плит (церковь Параскевы Пятницы) или просто обмазаны толстым слоем известкового раствора (памятники XII в. в Старой Ладогe, церковь Благовещения на Мячине).

Рассматривая наборы плиток, их территориальную и хронологическую распространенность, можно говорить о характерности того или иного набора для отдельных земель. Таким образом, особенности убранства поливных полов вносят еще один штрих в создание художественного облика памятников, подчеркивают своеобразие древнерусских архитектурных школ.

- ¹ Тимошук Б. А. Декоративные плитки XII—XIII вв. из Васильева//КСИА. М., 1969. Вып. 120. С. 112; Иоаннисян О. М., Могилыч И. Р., Свешников И. К. Церковь Параскевы Пятницы в Звенигороде на Белке — памятник деревянного зодчества домонгольской Руси//Памятники культуры. Новые открытия. Л., 1983. С. 497—501; Седова М. В., Беленькая Д. А. Окольный город Суздаля//Древнерусские города. М., 1981. С. 106, 107.
- ² Раппопорт П. А. Древнерусское жилище//САИ. Л., 1975. Вып. Е1-32. С. 113.
- ³ Хвойка В. В. Древние обитатели Среднего Приднепровья. Киев, 1913. С. 86; Кучера М. П. Древний Пліснеск//АП. Київ, 1962. Т. XII. С. 51, 52.
- ⁴ П. А. Раппопорт считает, что плитки попадали в заполнение жилища после разрушения находившихся вблизи церквей. См.: Раппопорт П. А. Древнерусское жилище. С. 79.
- ⁵ Каргер М. К. К вопросу об убранстве интерьера в русском зодчестве домонгольского периода//Тр. Всероссийской академии художеств. Л., 1947. Т. 1. С. 15—50.
- ⁶ Рыбаков Б. А. Ремесло древней Руси. М., 1948. С. 359—362.
- ⁷ Макарова Т. И. Поливная керамика в древней Руси. М., 1972. С. 5—12.
- ⁸ Шапова Ю. Л. Плитчатый пол вновь открытой церкви на Соборной горе Смоленска//Культура древней Руси. М., 1966. С. 302—306.
- ⁹ Сахарова И. Г. О технике настилки майоликовых полов//КСИИМК. М., 1957. Вып. 69. С. 138—141.
- ¹⁰ Тищенко А. Р. К вопросу о технике изготовления древнерусских поливных керамических плиток//Археология. Київ, 1970. Т. 24. С. 75—84.
- ¹¹ Равдина Т. В. Поливные керамические плитки из Пинска//КСИА. М., 1963. Вып. 95. С. 110—112.
- ¹² Воронин Н. Н. Древнее Гродно//МИА. М., 1954. № 41. С. 96—98, 113; Малевская М. В. К реконструкции майоликового пола Нижней церкви в Гродно//
- Культура древней Руси. М., 1966. С. 147. Рис. 1.
- ¹³ Каргер М. К. Основные итоги раскопок Галича в 1955 г.//КСИА. М., 1960. Вып. 81. С. 64; Малевская М. В., Раппопорт П. А. Декоративные керамические плитки древнего Галича//Slovenska archeologia. Bratislava, 1978. Т. XXVI. S. 87—91.
- ¹⁴ Воронин Н. Н. Древнее Гродно. С. 96, 97.
- ¹⁵ Каргер М. К. К вопросу об убранстве интерьера... С. 37, 38.
- ¹⁶ Воронин Н. Н., Раппопорт П. А. Зодчество Смоленска XII—XIII вв. Л., 1979. С. 97.
- ¹⁷ Каргер М. К. К вопросу об убранстве интерьера... С. 37, 38.
- ¹⁸ Рыбаков Б. А. Древности Чернигова//МИА. М., 1949. № 11. С. 73.
- ¹⁹ Воронин Н. Н., Раппопорт П. А. Зодчество Смоленска... С. 292.
- ²⁰ Иоаннисян О. М. Галицкое зодчество XII — первой половины XIII в.//Архив ЛОИА. С. 76.
- ²¹ Холостенко Н. В. Исследования Борисоглебского собора в Чернигове//СА. М., 1967. № 2. С. 190—200.
- ²² Воронин Н. Н. Древнее Гродно. С. 96—98.
- ²³ Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси. М., 1961. Т. 1. С. 477—484.
- ²⁴ Равдина Т. В. Поливные керамические плитки... С. 110—112.
- ²⁵ Раппопорт П. А. «Старая Кафедра» в окрестностях Владимира-Волынского//СА. М., 1977. № 4. С. 260.
- ²⁶ Раскопки Галицко-Волынской экспедиции 1964—1965 гг. Фотоархив ЛОИА. № 02579.34.
- ²⁷ Раппопорт П. А. Полоцкое зодчество XII в.//СА. М., 1980. № 3. С. 148, 149.
- ²⁸ Малевская М. В. К реконструкции майоликового пола... С. 146—151.
- ²⁹ Иоаннисян О. М. Галицкое зодчество... С. 118—122.
- ³⁰ Воронин Н. Н. Древнее Гродно. С. 97, 98.

Ю. А. КРАСНОВ

РАЛО ИЗ БРЕСТА

В 1975 г. при раскопках в Бресте в слое XIII в.¹ обнаружен фрагмент деревянного пахотного орудия, опубликованный Т. Н. Коробушкиной и справедливо интерпретированный ею как рало². Однако при публикации находки не были в должной степени затронуты вопросы реконструкции и особенностей работы орудия³.

Кратко напомним основные черты устройства брестского рала (рис. 1, 1). Его основа изготовлена из дуба таким образом, что обработанная со всех сторон часть ствола служила грядилем, а отходящий в сторону сук, также довольно тщательно отесанный, образовывал рабочую часть — ральник. Грядиль, округлый в поперечном сечении, сохранился целиком. Он очень короткий, длина его от переднего до заднего конца орудия составляет всего 1,55 м⁴. В разных концах грядиля в вер-

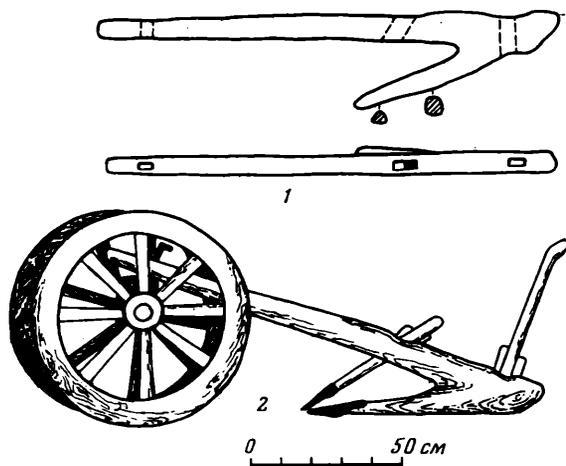

Рис. 1. Рало из Бреста

1 — общий вид; 2 — опыт реконструкции

тикальной плоскости проделаны три прямоугольных сквозных отверстия. Одно из них размерами $6,5 \times 4$ см расположено в заднем конце грядиля и, бесспорно, предназначалось для приставной рукояти, которая не сохранилась. Заметим, что ось этого отверстия перпендикулярна грядилю. Второе отверстие размерами $9,5 \times 5,5$ см находится на расстоянии около 0,55 м от заднего конца грядиля, впереди того места, где от этого последнего отходит ральник. Оно проделано с наклоном вперед, под углом около 22° к вертикали. По мнению Т. Н. Коробушкиной, в это

отверстие, закрепляясь в нем клиньями, вставлялось чересло. Третье отверстие размерами $6,5 \times 4$ см находится примерно в 15 см от переднего конца грядиля; ось его перпендикулярна последнему. Т. Н. Коробушкина предположила, что это отверстие «предназначалось для соединения с дополняющей его (грядиль.— Ю. К.) деталью»⁵, допуская, таким образом, что грядиль брестского рала был составным. Конец ральника несколько фрагментирован, сохранившаяся длина его 45 см. Поперечное сечение ральника в средней части круглое, на переднем конце — неправильно полуовальное. Последнее обстоятельство может свидетельствовать, что орудие применялось с железным наральником⁶. Направление грядиля и ральника совпадает лишь частично: последний немного отогнут вправо от оси грядиля, что нередко встречается у древних рал⁷ и рал недавнего прошлого⁸. В данном случае это явление объясняется естественной изогнутостью дерева, из которого орудие было изготовлено. Рабочий угол, т. е. угол между осями грядиля и ральника в вертикальной плоскости, у брестского рала очень мал и составляет всего 28° .

По общей схеме конструкции, характерной чертой которой является объединение в одно целое грядиля и рабочей части, брестское рало должно быть отнесено к семейству грядильных, одному из древнейших в Старом Свете⁹. В Восточной Европе грядильные рала известны с первой половины II тысячелетия до н. э.¹⁰ По наличию прямого грядиля оно относится к типу прямогрядильных¹¹. Есть некоторые основания предполагать, что в Восточной Европе грядильные прямогрядильные рала появились не позднее первой половины I тысячелетия н. э.¹² Еще в прошлом веке рала такой конструкции местами применялись на Волины¹³, в Белоруссии, где именовались «сошками»¹⁴, в некоторых районах Эстонии¹⁵, а также, возможно, на севере Молдавии¹⁶, причем повсюду — в разновидности с наклонно поставленной по отношению к почве рабочей частью.

От большинства грядильных прямогрядильных рал, известных в различных районах Старого Света по этнографическим и древним иконографическим данным, и от всех рал такой конструкции, применявшихся в недавнем прошлом на востоке Европы, брестское рало отличается прежде всего величиной рабочего угла. Малый рабочий угол рассматриваемого орудия свидетельствует, что оно не могло применяться при наклонном положении ральника по отношению к почве, т. е. как рало без полоза. Если допустить это, то даже при длине грядиля 4 м (максимальная длина этой детали рал, засвидетельствованная этнографическими данными) повышение передней части грядиля над поверхностью

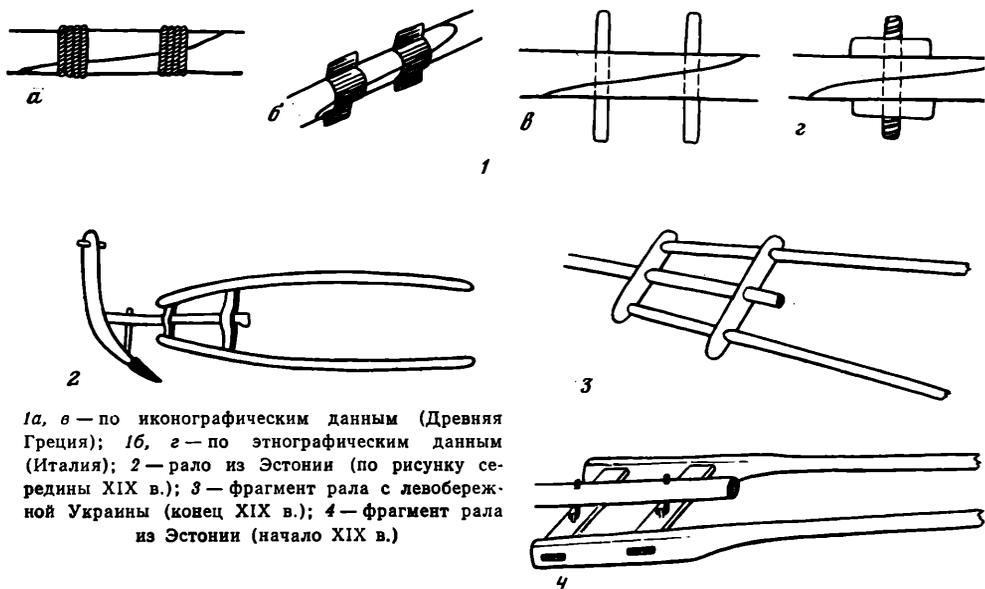
почвы будет слишком мало (около 0,5 м), чтобы грядиль мог соединяться с ярмом, положенным на шею тягловых животных, хотя бы очень малорослых¹⁷. К тому же, у бесполозных рал со столь малым рабочим углом не будут обеспечены условия для нормального вхождения рабочей части в почву и устойчивого движения орудия. Не случайно бесполозные рала недавнего прошлого имели рабочий угол не меньше 40—45°¹⁸.

С точки зрения механики работы брестское рало может быть понято, таким образом, лишь как орудие с горизонтальным или близким к горизонтальному положением рабочей части, т. е. как рало с полозом. В этом случае его прямой грядиль отходил вверх от полоза под углом около 30°. При такой его реконструкции становится понятным и расположение оси отверстия для рукоятки перпендикулярно грядилю. Известно, что рукоять у рал обычно бывает несколько наклонена назад для удобства управления орудием¹⁹. Будучи вставленной в отверстие, перпендикулярное грядилю, поднимающемуся под углом к горизонтали, рукоять брестского рала также оказывалась несколько наклоненной назад. Подобные грядильные прямогрядильные рала с горизонтальным положением рабочей части и поднимающимся вверх грядилем по иконографическим данным были известны еще в эпоху Римской империи²⁰. Есть и этнографические свидетельства их применения, но вне пределов Восточной Европы (например, о. Готланд или Афганистан)²¹.

Как уже отмечалось, Т. Н. Коробушкина предположила, что грядиль брестского рала был составным и, следовательно, более длинным, чем у сохранившейся части орудия. Такое предположение кажется, однако, маловероятным. Дело в том, что при любых известных по иконографическим и этнографическим данным вариантах соединения частей составного грядиля пахотных орудий — путем связывания его частей (рис. 2, 1а)²², скрепления их металлическими кольцами (рис. 2, 1б)²³, при помощи двух штырей (рис. 2, 1в)²⁴ или одного винта (рис. 2, 1г)²⁵ — эти части всегда подтесывались для более плотного прилегания друг к другу. У брестского рала следов такой подтески нет. Нельзя не отметить также, что ни этнографические, ни древние иконографические материалы не знают примеров, когда составным был бы прямой грядиль. И это не случайно. У кривогрядильных орудий изготовление грядиля составным обуславливалось трудностями подыскания сильно искривленного дерева нужной длины, хотя составной грядиль был менее прочным, чем цельный. Найти же подходящее дерево для прямого грядиля было намного легче.

Маловероятным представляется и соединение короткого грядиля брестского рала с оглоблями, которое, судя по этнографическим данным²⁶, могло осуществляться либо посредством двух планок с отверстиями для грядиля и оглобель, которые набивались на грядиль (рис. 2, 2, 3)²⁷, либо при помощи съемных досок с прикрепленными к ним оглоблями, присоединявшимися к грядилю крюками, штыри которых проходили через грядиль (рис. 2, 4)²⁸. В последнем случае на грядиле должны были остаться отверстия от штырей, в первом — наблюдаться сильная потертость поверхности грядиля. Ни того, ни другого грядиль брестского рала не имеет. К тому же, сравнительно большое прямоугольное отверстие, имеющееся на его переднем конце, для соединения с оглоблями не нужно. Заметим также, что длина грядиля у рал, приспособленных к одноконной запряжке с оглоблями, обычно бывала меньше, чем у брестского рала, — около 1 м²⁹.

Следует исключить, по-видимому, и возможность того, что к короткому грядилю брестского рала цепью или веревкой присоединялся валец, за который тягловые животные влекли орудие при помощи постромок. Распределение сил в движущемся пахотном орудии показывает, что при наличии у него прямого грядиля, направленного под углом вверх, такое орудие при рассматриваемом способе запряжки будет стремиться к опрокидыванию вперед, а его устойчивый ход будет сильно затруднен,

1а, в — по иконографическим данным (Древняя Греция); 1б, г — по этнографическим данным (Италия); 2 — рало из Эстонии (по рисунку середины XIX в.); 3 — фрагмент рала с левобережной Украины (конец XIX в.); 4 — фрагмент рала из Эстонии (начало XIX в.)

Рис. 2. Способы крепления частей составного грядиля (1) и наращивания короткого грядиля оглоблями (2—4)

если не невозможен. Не случайно пахотные орудия с таким устройством тяги обычно имели изогнутый грядиль, передний конец которого был значительно отогнут вниз³⁰.

Остается предположить, что передний конец короткого грядиля брестского рала при работе был положен на какую-то опору, которой в данном конкретном случае мог быть только двухколесный передок³¹, колеса которого имели диаметр около 0,7 м (рис. 1, 2). С таким предположением вполне согласуются размеры и форма отверстия на переднем конце грядиля брестского рала, допускающие свободное положение в нем штыря, которым грядиль скреплялся с передком. О том, что пахотные орудия на Руси могли иметь колесный передок еще в домонгольское время, свидетельствует известное изображение плуга на миниатюре Радзивилловской (Кенигсбергской) летописи, по мнению ряда исследователей, восходящее к оригиналу начала XIII в.³² Пахотные орудия с коротким, круто поднимающимся вверх грядилем, укрепленным на колесном передке, каким представляется нам брестское рало, известны в средневековом западноевропейском иконографическом материале. Таковы, например, орудия, изображенные на миниатюре брюссельской рукописи XIII в. или французской миниатюре, датированной временем около 1380 г.³³ Правда, они имели иное устройство основы.

Трудно согласиться и с мнением, что брестское рало имело чересло, вставлявшееся в отверстие грядиля недалеко от места, где от этого последнего отходит ральник. Этнографические и древние иконографические данные свидетельствуют, что чересла у пахотных орудий никогда не располагались так далеко от рабочего конца полоза. Это и понятно. Назначение чересла — разрезать сверху пласт земли перед тем как он будет поднят полозом и раздвинут по обе стороны орудия (у рал) или отвален на одну сторону (у плугов с односторонним отвалом). Поэтому чересло должно устанавливаться в грядиле впереди рабочей части или непосредственно у ее рабочего конца. Оптимальная величина угла, под которым чересло должно входить в землю, составляет около 100—120°³⁴. У брестского же рала при реконструкции его как орудия с горизонтальной рабочей частью чересло должно было входить в землю под углом более 150°, что исключает нормальное разрезание дернового пласта. Нельзя не отметить в этой связи, что в средневековом археоло-

гическом материале основной части Белоруссии нет находок чересел; единственное чересло найдено в Хотомеле, южнее Припяти³⁵.

Опираясь на имеющиеся археологические, древние иконографические и этнографические данные³⁶, с большой вероятностью можно предположить, что в отверстие в средней части грядила брестского рала вставлялось не чересло, а дополнительный ральник. Это подтверждает и угол, под которым указанное отверстие проходит к горизонтали, если принять, что брестское рало было полозным. Основное назначение дополнительного ральника — взрыхлить землю перед тем как полоз поднимет ее снизу и расширит сделанную борозду, увлечь поднятую землю за собой, разрыхляя и разбивая ее при движении.

В восточноевропейском археологическом материале имеется довольно представительная группа черешковых и втульчатых наконечников, которые предназначались для таких дополнительных ральников. Втульчатые наконечники, имевшие такое назначение, отличаются небольшой шириной втулки (от 3,8 до 5 см), округлой в поперечном сечении и имеющей равную ширину по всей длине; лопасть у них прямая в продольном сечении; пропорции обычно более удлиненные, чем у обычных наральников³⁷. Один из таких втульчатых наконечников происходит с территории Белоруссии, из Гомеля, где был найден в слое XIII в.³⁸, т. е. он одновременен брестскому ралу (рис. 3). Что же касается наконечника, которым оснащался полоз брестского рала, то он мог быть узколопастным, того типа, который был широко распространен на памятниках Белоруссии X—XIII вв.³⁹

Таким образом, кажется наиболее вероятным, что брестское рало было довольно совершенным пахотным орудием, имевшим колесный передок, полоз, оснащенный узколопастным железным наральником, и дополнительный ральник с широколопастным наконечником. Колесный передок придавал орудью большую устойчивость хода, ограничивая его колебания в вертикальной и горизонтальной плоскостях, обеспечивая в то же время возможность копирования неровностей вспахиваемой почвы. Наличие полоза и колесного передка свидетельствует, что брестское орудие применялось на однородных в механическом отношении почвах, не имевших посторонних включений. В лесной зоне такими могли быть прежде всего давно обрабатываемые земли старопахотных полей. Применение дополнительного ральника улучшало качество вспашки, способствовало приданию почве мелкокомковатой структуры, что было особенно важно при недостатке удобрений. Устанавливая дополнительный ральник так, чтобы лопасть его наконечника была наклонена в ту или иную сторону, можно было добиться частичного оборачивания пласта. Брестское рало, таким образом, не только проводило борозды, но и хорошо разрыхляло землю, могло в какой-то степени отваливать ее на одну сторону. С функциональной точки зрения такие рала следует считать разрыхляющими или, применяя терминологию Д. К. Зеленина, пашущими орудиями⁴⁰.

Анализ устройства брестского рала еще раз подчеркивает, с одной стороны, что средневековые восточноевропейские рала были значительно более разнообразными по устройству и функциональным возможностям, чем известные на этой территории по этнографическим данным, а с другой — что в древней Руси колесными были не только плуги, но и некоторые разновидности рал.

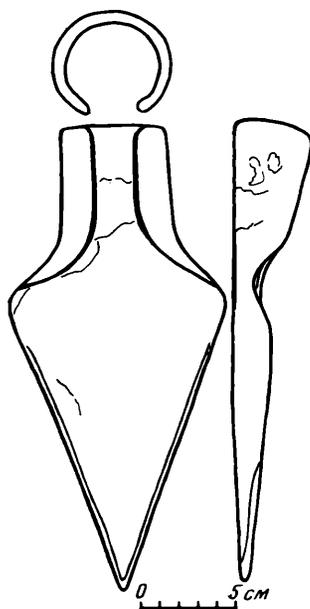

Рис. 3. Наконечник дополнительного ральника из Гомеля (слой XIII в.)

- ¹ Раскопки и датировка слоя П. Ф. Лысенко.
- ² *Корбушкина Т. Н.* Земледелие на территории Белоруссии в X—XIII вв. Минск, 1979. С. 16, 17. Рис. 1, 1.
- ³ Брестское рало является второй находкой деревянных частей пахотных орудий времени древней Руси. Первая — двузубая рессоха, или плёттина, от сохи, найденная при дореволюционных работах в Старой Ладоге. См.: *Равдоникас В. И.* Старая Ладога//СА. М., 1950. Т. XII. С. 48; *Орлов С. Н.* Остатки сельскохозяйственного инвентаря из Старой Ладоги//СА. М., 1954. Т. XXI. С. 344, 349. В настоящее время утрачена. Уже эти обстоятельства определяют огромное значение брестской находки для изучения истории древнерусских пахотных орудий.
- ⁴ Для сравнения укажем, что длина грядил у рал, предназначенных для парной бычьей запряжки, по этнографическим данным достигала 3—4 м. См.: *Горленко В. Ф., Бойко И. Д., Куницкий О. С.* Народна землеробська техніка українців. Київ, 1971. С. 32. Длина грядила у наиболее хорошо сохранившихся древних рал из европейских торфяников составляла 2,5—3 м. См.: *La Baume W.* Die vorgeschichtliche Pflüge//Blätter für deutsche Vorgeschichte. Berlin, 1937. H. 11. S. 5—8; *Шрамко Б. А.* Найдавнішні орні знаряддя на території України//Питання історії народів СРСР. Харків, 1969. Вип. 6. Рис. 2; *Поболь Л. Д.* Древнее рало из торфяника у д. Капранович//Acta Baltico-Slavica. Vjalostok. 1967. T. V. Fig. 1.
- ⁵ *Корбушкина Т. Н.* Земледелие... С. 17.
- ⁶ *Мамонов В. С.* Старинные орудия для обработки почвы из с. Староселье на Днепре//СЭ. М., 1952. № 4. С. 74, 76.
- ⁷ Например, у рал из Токаревского торфяника (*Шрамко Б. А.* К вопросу о технике земледелия у племен скифского времени в Восточной Европе//СА. М., 1961. № 1. Рис. 1; 2; *Краснов Ю. А.* Рало из Токаревского торфяника//КСИА. М., 1981. Вып. 164. С. 62) и Веббеструпа (*Glob P. V.* Ard og plov i Nordens Oldtid. Aarhus, 1951. Fig. 9; 10) ральник отогнут вправо от оси грядила, у рал из Съебека и Низума (*Glob P. V.* Ard og plov... Fig. 12; 14) — влево.
- ⁸ *Краснов Ю. А.* К вопросу о существовании плуга у племен черняховской культуры//КСИА. М., 1971. Вып. 128. С. 7, 8.
- ⁹ *Краснов Ю. А.* Древнейшие упряжные пахотные орудия. М., 1975. С. 30—32, 108—118, 178—181.
- ¹⁰ *Лихачев В. А.* Рало из погребения у с. Верхняя Маевка//Древности степного Поднепровья. Днепропетровск, 1982.
- ¹¹ *Краснов Ю. А.* Древнейшие упряжные пахотные орудия. С. 29—31.
- ¹² *Краснов Ю. А.* Древние и средневековые рала Восточной Европы//СА. М., 1982. № 3. С. 77. Рис. 10.
- ¹³ *Парфенов П.* Письма о сельском хозяйстве в юго-западной России//Русский вестник. М., 1873. Т. VIII. С. 640; *Мамонов В. С.* Старинные орудия... С. 87, 88. Рис. 26.
- ¹⁴ *Сержпутовский А. К.* Земледельческие орудия белорусского Полесья//Материалы по этнографии России. СПб., 1910. Т. 1. С. 42.
- ¹⁵ *Феоктистова Л. X.* Земледелие у эстонцев: XVIII — начало XX в. М., 1980. С. 123, 124.
- ¹⁶ *Демченко Н. Д.* Земледельческие орудия молдаван XVIII—XIX вв. Кишинев, 1967. С. 47—49.
- ¹⁷ По данным В. И. Цалкина (*Цалкин В. И.* Материалы для скотоводства и охоты древней Руси//МИА. М., 1956. № 51), средний рост в холке древнерусского крупного рогатого скота составлял 106,3 см.
- ¹⁸ *Горленко В. Ф., Бойко И. Д., Куницкий О. С.* Народна землеробська техніка... С. 34. Табл. 1, 1, 2, 4; *Феоктистова Л. X.* Земледелие у эстонцев... С. 59.
- ¹⁹ См., например: *Феоктистова Л. X.* Земледелие у эстонцев... Рис. 2; 7; 9; 11; 13.
- ²⁰ *Gow A. S. F.* The ancient Plough//Journal of Hellenic Studies. London, 1914. V. 34. P. 252. Fig. 2. *Краснов Ю. А.* Древнейшие упряжные пахотные орудия. Рис. 55, 7.
- ²¹ *Вавилов Н. И., Букин Д. Д.* Земледельческий Афганистан. Л., 1929. Рис. 136; *Краснов Ю. А.* Древнейшие упряжные пахотные орудия. Рис. 53, 2.
- ²² Иконографические примеры см.: *Gow A. S. F.* The ancient Plough. Fig. 3 (изображения рал на так называемой вазе Никосфена конца VI — начала V в. до н. э.); *Neuberger A.* Die Technik des Altertums. Leipzig, 1921. S. 86. Fig. 140 (беотийская ваза с изображением Триптолема конца V — начала IV в. до н. э.) и др. Этнографические примеры см.: *Краснов Ю. А.* Древнейшие упряжные пахотные орудия. Рис. 53, 6 (Испания), 7 (о. Пердик в Мраморном море).
- ²³ Рало XIX в. из северной Месопотамии см.: *Краснов Ю. А.* Древнейшие упряжные пахотные орудия. Рис. 53, 8.
- ²⁴ Этот способ скрепления частей составного грядила наиболее распространен как в древности, так и в недавнем прошлом. Он был известен еще в Древнем Востоке (*Краснов Ю. А.* Древнейшие упряжные пахотные орудия. Рис. 7, 6—9), использовался в архаической и классической Греции (*Gow A. S. F.* The ancient Plough. P. 266. Fig. 15), в древнем Риме (например, изображение рала на статуэтке из Чивитта-Кастелляно. См.: *Rostowzeff M.* Economic and sozial history of the Roman Empire. Oxford, 1926. P. 20. Tab. 3), дожил до недавнего времени (*Carven E. C., Hatt G.* Plough and Pasture. N. Y. 1953. Fig. 6; *Leser P.* Entstehung und Verbreitung des Pflüges. Münster, 1931. Fig. 212).
- ²⁵ Таковы некоторые рала XIX в. из Италии. См.: *Краснов Ю. А.* Древнейшие упряжные пахотные орудия. Рис. 53, 3.
- ²⁶ Древние и средневековые иконографические данные о пахотных орудиях с коротким грядилем, наращенным оглоблями, отсутствуют.
- ²⁷ См., например: *Горленко В. Ф., Бойко И. Д., Куницкий О. С.* Народна земле-

- робська техніка... Табл. I, 2, 3; II, 6; *Феокистова Л. Х.* Земледелие у эстонцев... Рис. 5, 2; 10, 2; 12, 2; 13, 1.
- ²⁸ См., например: *Феокистова Л. Х.* Земледелие у эстонцев... Рис. 2а, 6; 13, 2.
- ²⁹ *Горленко В. Ф., Бойко I. Д., Куницкий О. С.* Народна землеробська техніка... С. 32, 34.
- ³⁰ Например, плуги на миниатюрах из английской библии XIV в. (*Podwinska Z.* Technika uprawy roli w Polsce sredniowiecznej. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1962. Rys. 131) и английской рукописи около 1380 г. (*Leser P.* Entstehung und Verbreitung des Pflüges. Fig. 42) или один из вариантов так называемого мекленбургского рала (*Краснов Ю. А.* Древнейшие упряжные пахотные орудия. Рис. 50, 5).
- ³¹ Одно небольшое колесико или башмак, подпиравшие передний конец грядиля, по этнографическим данным встречаются только у пахотных орудий с положением грядиля, близким к горизонтальному. См.: *Leser P.* Entstehung und Verbreitung des Pflüges. Fig. 44; 45; 125; *Podolak J.* Príspevor k studiu oracích nástrojov na Slovensku//Slovenska narodopis. Bratislava, 1956. N 1. Rys. 6; *Urbančvova V.* K vyoju slovenskeho orneho paradia na zaklade materialy z museálnich zbírok//Slovenska narodopis. Bratislava, 1960. N 1. Rys. 21; 22; 27; *Горленко В. Ф., Бойко I. Д., Куницкий О. С.* Народна землеробська техніка... Табл. XVIII, 5, 6; XXII, 3.
- ³² *Арциховский А. В.* Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944. С. 5; *Чернецов А. В.* Сцена пахоты на миниатюре Радзивилловской летописи//КСИА. М., 1977. Вып. 160.
- ³³ *Haudricourt A. G., Delamarre M. J.-B.* L'homme et la charrue à travers le monde. Paris, 1955. Fig. 146; 147.
- ³⁴ *Тезр А.* Описание новейших и общепользных земледельческих орудий. М., 1834; См. также: *Краснов Ю. А.* Рало из Токаревского торфяника. С. 61, 64.
- ³⁵ *Коробушкина Т. Н.* Земледелие... С. 12—40.
- ³⁶ Соответствующие данные см.: *Краснов Ю. А.* Древнейшие упряжные пахотные орудия. С. 131, 132. Рис. 50; *Он же.* Об одном типе пахотных орудий древней Руси//КСИА. М., 1976. Вып. 146; *Он же.* Рало из Токаревского торфяника.
- ³⁷ *Краснов Ю. А.* Об одном типе...; *Он же.* Опыт построения классификации наконечников пахотных орудий (по археологическим материалам Восточной Европы)//СА. М., 1978. № 4. С. 103, 104, 109. Рис. 2, 3, 10; *Он же.* Рало из Токаревского торфяника. С. 63, 64. Рис. 2.
- ³⁸ *Раскопки М. А. Ткачева.* Материалы Ин-та истории АН БССР. С интерпретацией указанного наконечника как обычного широколопастного наральника от рала с полозом (*Коробушкина Т. Н.* Земледелие... С. 19, 20. Рис. 2, 1) нельзя согласиться. См. об этом: *Краснов Ю. А.* [Рецензия]//СА. М., 1983. № 2. С. 277.—Рец. на кн.: *Коробушкина Т. Н.* Земледелие на территории Белоруссии в X—XIII вв. Минск, 1979.
- ³⁹ См., например: *Коробушкина Т. Н.* Земледелие... Рис. 1, 2; 2, 2, 3 и др.
- ⁴⁰ *Зеленин Д.* Русская соха, ее история и виды. Вятка, 1907. С. 11, 13.

В. В. БЕБРЕ

ТИПЫ КОЖАНОЙ ОБУВИ РИГИ XII—XIV ВВ. И ИХ АРЕАЛЫ

За последние десятилетия в результате систематических раскопок средневековых памятников, особенно городов, накоплен значительный материал по кожаной обуви. Однако работ, в которых анализируется этот археологический источник, пока еще мало. Обычно публикуются отдельные, наиболее хорошо сохранившиеся образцы. В большинстве же работ только упоминается о наличии кожаных изделий в комплексах. Порой иллюстративный материал дает слабое представление о форме и конструкции, поскольку публикуются только фотографии реставрированной обуви или реконструкции, а не полные выкройки. Обобщающие исследования средневековой кожаной обуви принадлежат польским¹ и немецким² археологам, но, к сожалению, они ограничены материалами узкого региона, параллели для более широкой территории в них не приводятся.

Задача нашей работы состоит в создании типологии и определении ареала мягкой кожаной обуви, найденной при археологических исследованиях Риги в 1971—1980 гг. в слоях XII—XIV вв.³, и сравнении типов обуви с опубликованными материалами из городов Северной, Западной и Восточной Европы.

В работе использованы ранее опубликованные нами материалы, по-

лученные на четырех раскопчных объектах Старой Риги в 1971—1976 гг. (378 фрагментов и деталей обуви и 489 обрезков кожи) ⁴. Вводится и новый материал из раскопок 1977—1980 гг. на ул. Даугавас, где найдено около 670 фрагментов обуви и более 2100 обрезков кожи. В данной работе проведен предварительный анализ по определению видов обуви, в том числе и ранее не учтенных.

По форме верха, высоте, общему виду обувь обычно разделяется на поршни, башмаки, туфли, сапоги и пр. У них может быть одинаковая технология изготовления. По разработанному Е. И. Ояевой технологическому принципу ⁵ вся обувь по количеству главных деталей делится на цельнокроеную и детальнокроеную; последняя по покрою подошвы разделяется на две группы: 1) обувь, у которой подошва с круглым носком и узкой удлиненной пяточной частью; 2) обувь, у которой нормальная подошва, т. е. круглые носок и пятка. По покрою верха обуви второй группы выделено несколько разновидностей.

В Риге из цельнокроеной обуви найдены только простые поршни. К детальнокроеной обуви с подошвой первой группы можно отнести только один фрагмент подошвы и два фрагментарных верха одного вида башмаков. Обувь второй группы наиболее разнообразна. В нее входят башмаки, туфли, сапоги. В средневековой Риге самым распространенным видом обуви были туфли.

По месту расположения разрезов и способу крепления обуви на ноге выделяется несколько ее разновидностей. Удалось выделить 14 видов (рис. 1).

Сравнительный анализ показал, что самым распространенным видом в XII—XIV вв. на территории Северной, Западной и Восточной Европы была обувь со свободным и шнурованным передним разрезом и подошвой второй группы. Для обуви такого вида применялся термин «башмаки». Соединительный шов у обуви этого вида расположен на внутренней стороне. Уже с XIII в. прослеживается тенденция к выкраиванию верха не из одного цельного куска, а с применением небольших, разных по форме и величине дополнительных деталей (от одной до трех и более), которые вшивались с внутренней стороны. Концы цельнокроеной части башмаков заканчивались по-разному, от их общей формы зависела форма, величина и количество дополнительных деталей. Такие башмаки исследователи относят пока к единому типу, поскольку по внешнему виду и конструктивному решению обувь с таким верхом сходна и отличается лишь количеством и формой дополнительных деталей. Спереди, на подъеме ноги, у этих башмаков оставлен открытый разрез длиной 4—8 см для удобства надевания. В той части верха, которая охватывает щиколотку, обычно делалось четыре—шесть, а иногда и больше глазков, очевидно, для продевания ремешка, стягивавшего обувь на ноге (рис. 1, 2). Башмаки со свободным передним разрезом найдены в археологических материалах XI—XIV вв. Наибольшее количество аналогий рижской обуви рассматриваемого вида ⁶ имеется в Кокнесе ⁷, Вильнюсе ⁸, во многих древнерусских ⁹, польских ¹⁰, немецких ¹¹ и в отдельных скандинавских ¹² городах (рис. 2).

Обувь со шнурованным разрезом впереди найдена в Риге ¹³, Вильнюсе ¹⁴, Минске ¹⁵, Новгороде ¹⁶, Гданьске ¹⁷, Франкфурте-на-Одере ¹⁸, Осло ¹⁹, Орхусе ²⁰, Кальмаре ²¹. Такая обувь крепилась на ноге только путем шнуровки разреза, который находился на подъеме (рис. 1, 3).

Кроме башмаков, в городах Восточной Европы была распространена обувь еще двух типов — простые поршни и сапоги с верхом, скроенным из двух деталей. В Риге в слоях XII—XIV вв. из цельнокроеной обуви найдена самая простая конструктивно — стянутые поршни. Представлено три вида кроя: 1) вытянутый четырехугольник, 2) вытянутый четырехугольник с закругленным носком, 3) нерегулярной круглой формы. У такой обуви по краю носка, пятки и по бокам делались прорезы для затяжек (рис. 1, 14) ²². Похожие поршни, которые также изготавливались из четырехугольного куска кожи и стягивались, на территории Латвии

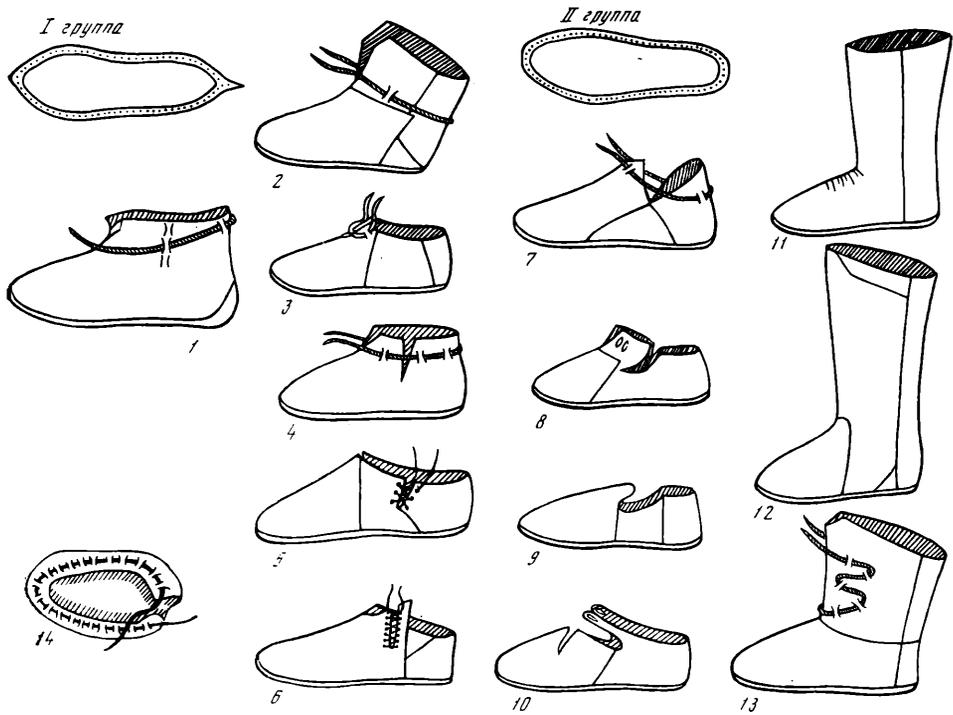

Рис. 1. Типы кожаной обуви Риги XII—XIV вв.
 1—13 — детальнокроеная; 14 — цельнокроеная

найжены еще в Кокнесе²³. Они встречены также в слоях XI—XIII вв. в древнерусских городах — Белоозере²⁴, Гродно²⁵, Москве²⁶, Минске²⁷, Новгороде²⁸, Пскове²⁹. Надо отметить, что для изготовления псковских простых поршней так же, как и для большинства рижских, использовалась вторично кожа от лучше сохранившихся частей ношеной детальнокроеной обуви.

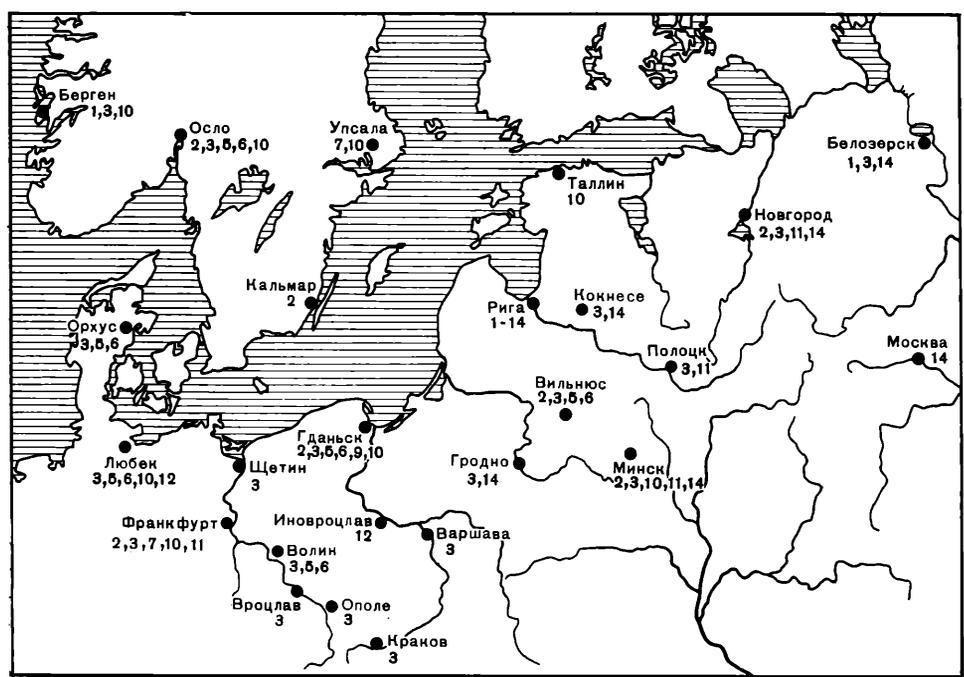

Рис. 2. Распространение типов кожаной обуви

Еще одним типом обуви, распространенным в рассматриваемом районе, были сапоги, у которых верх состоял из двух деталей — передней части голенища, выкроенного вместе с головкой, и задней его части (рис. 1, *II*; 3, *IV*). Соединительные швы идут по бокам обуви. Близкие сапоги выявлены в археологическом материале XIII в. Полоцка³⁰, Минска³¹, Новгорода³². Полоцкий и минский сапожки, которые по конструкции схожи с рижскими, имеют дополнительный ремешок вокруг щиколотки.

В восточноевропейских и отдельных скандинавских городах обнаружена и обувь с подошвой первой группы. Это башмаки с цельнокроеным верхом и соединительным швом сзади³³. Концы верха внизу закруглены. При пошиве сзади образовывалась треугольная выемка, в которую вшивалась вытянутая часть пятки. Такая обувь на ноге завязывалась кожаным ремешком, пропущенным через несколько прорезей на боках верха или сквозь сплошной ряд прорезей на высоте щиколотки. Аналогичные по крою верха башмаки, найденные в Пскове³⁴ и Белоозере³⁵, датируются XI—XIII вв. В Боргунде (Норвегия) обувь такого вида относится к XI—XII вв.³⁶ Шире были распространены башмаки с цельнокроеным верхом и соединительным швом сбоку. В Риге они пока не обнаружены, но найдены в Кокнесе³⁷, во многих древнерусских³⁸, польских³⁹ и скандинавских⁴⁰ городах. Сравнительный анализ археологического материала показывает, что вся обувь с подошвой первой группы встречается в основном до XII в., а в XIII в. ее постепенно сменяет обувь с подошвой второй группы.

Для городов прибалтийских стран характерны туфли с боковыми разрезами, туфли со специальными боковыми ремешками, туфли без какого-либо крепления, а также сапоги, состоявшие из голенища и головки. В рижском материале есть несколько разновидностей туфель с боковыми разрезами (рис. 1, 4, 6, 9), в частности, с треугольными вырезами глубиной 8,5 см с двух сторон обуви⁴¹. Туфли на ноге затягивались ремешком или шнурком, для которых делались два круглых глазка на язычке и два — на заднике. Близкие по покрою и внешнему виду туфли выявлены в материале XIII в. из Упсалы⁴² и Франкфурта-на-Одере⁴³.

В Риге, Гданьске⁴⁴ и Лунде⁴⁵ найдены туфли с эллипсоидными боковыми разрезами и дугообразным язычком спереди, на подъеме (рис. 1, 9; 3, *III*). Обувь этого вида свободно облегалa ногу.

Довольно поздно появляются туфли со шнурованным боковым разрезом. Разрез делался с наружной стороны обуви, крепившейся на ноге при помощи шнуровки разреза (рис. 1, 5, 6). В Риге⁴⁶, Вильнюсе⁴⁷, Орхусе⁴⁸ подобные туфли относятся к XIII—XIV вв., в Любеке они датируются серединой XIII в.⁴⁹, в Осло — XIII в.⁵⁰, в Гданьске — серединой XIV в.⁵¹ Лишь самая ранняя форма туфель такого вида, найденных в Волине⁵², относится к XII в.

Более распространенной обувью в прибалтийских городах были туфли с боковыми ремешками для крепления на ноге. Верх их шит из двух и более деталей, соединительный шов обычно бывает на внутренней стороне. По обоим бокам имеются одинаковой длины и формы ремешки с глазком на конце для вдевания кожаного или лыкового шнурка, который завязывался на подъеме (рис. 3, *I*). Аналогии таким туфлям, найденным в Риге, известны среди обуви XIII в. Таллина⁵³, Минска⁵⁴, Гданьска⁵⁵, Упсалы⁵⁶, Боргунда⁵⁷, Осло⁵⁸, Франкфурта-на-Одере⁵⁹ и Любека⁶⁰.

На этой же территории распространены и сапоги, подобные найденному в Риге образцу⁶¹. Сапог состоит из подошвы, головки и цельнокроеного голенища со швом на одной стороне. У верхнего и нижнего краев имеются мелкие дополнительные детали. Верхний край голенища — с косым разрезом. Спереди голенища, внизу, сделан вырез (глубина 3×10 см), в который вшивалась головка (рис. 1, *12*). Возможно несколько конструктивных решений, исходя из различных вариантов головки и голенища. Сходные по конструкции сапоги найдены в Лунде⁶²,

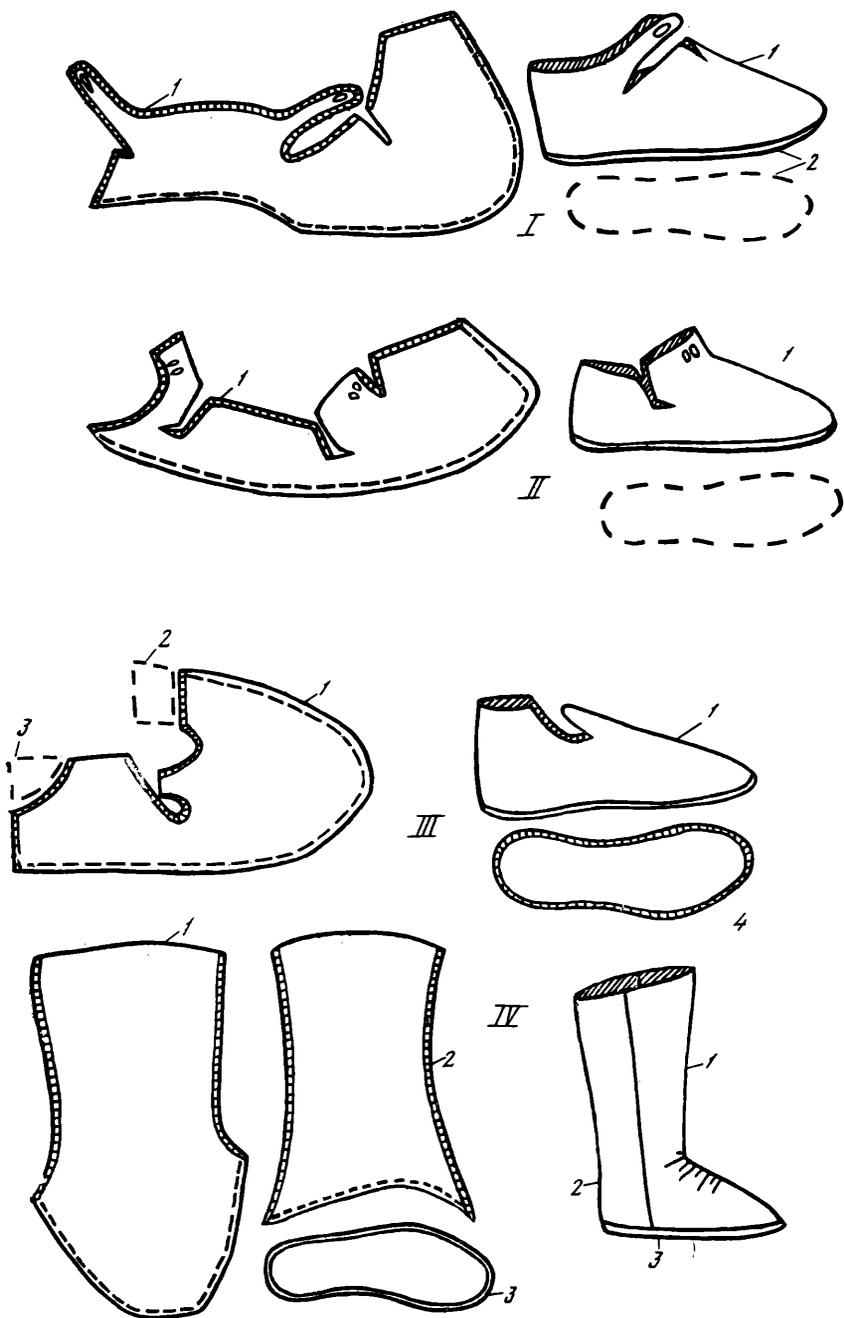

Рис. 3. Новые виды обуви, найденной в Риге (ул. Даугавас)

I—III — туфли; IV — сапог

Франкфурте-на-Одере⁶³, Любеке⁶⁴, Иновроцлаве⁶⁵. В отличие от рижского сапога, у некоторых из них имеется пропущенный вокруг голенища или просто обвязанный несколько раз вокруг ноги кожаный ремешок. В древнерусских городах более распространены сапоги, в которых верх изготовлен из трех главных деталей — головки, голенища (одно- или двухдетального) и задника. Вообще целые сапоги при археологических раскопках находят редко. По-видимому, кожу изношенных сапог использовали вторично для пошива новой обуви и починки старой.

В рижском материале имеются некоторые виды обуви, которым пока не удалось найти прямых аналогий. Это туфли двух видов и сапоги одного вида. Первый вид туфель представлен экземпляром с одним свободным боковым разрезом с наружной стороны. Глубина разреза 4,5 см. Туфли крепились на ноге при помощи кожаного ремешка, пропущенного сквозь четыре пары глазков вокруг обуви (рис. 1, 4)⁶⁶. Второй вид туфель имеет боковые углообразные разрезы с обеих сторон. На подъеме сделан небольшой разрез с парой глазков у края. Это свидетельствует о том, что обувь на ноге крепилась также с помощью ремешка (рис. 1, 8; 3, II). Интересен по покрою детский сапожок, который состоит из подошвы, союзки и двух деталей голенища. Соединительный шов союзки находится на боку, а голенища сшиты сбоку и спереди. На каждой детали голенища имеется пять пар удлиненных глазков, из них три расположены вертикально один под другим, вдоль переднего шва. Два остальных глазка находятся посредине голенища. Сапог, по-видимому, затягивался кожаным ремешком, продетым через эти глазки, и завязывался спереди или сзади (рис. 1, 13)⁶⁷. Эти три вида обуви вряд ли характерны только для Риги. Скорее всего эта обувь была в XII—XIV вв. мало распространенным видом.

Сравнивая кожаную обувь Риги с аналогичными находками средневековых прибалтийских городов и древней Руси, можно сделать вывод, что в Риге как в транзитном торговом центре было распространено несколько различных видов обуви. Это свидетельствует как о смешанном этническом составе населения, так и о высоком уровне кожевенно-сапожного ремесла, и о взаимодействии различных культур в XII—XIV вв.

- ¹ Materiały wczesnośredniowieczne. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1969. Т. 6. С. 475—517.
- ² Vons-Comis S. Y. Das Leder von Lübeck, Grabung Heiligen-Geist-Hospital, Koberg 9—11//Lübecker Schriften zur Archäologie und Kulturgeschichte. Bonn, 1982. Bd 6. S. 239—250.
- ³ Caune A. Arheologiskie pētījumi Rīgā laikā no 1969. līdz 1980//Arheologia un ethnogrāfija. Rīgā, 1983. Т. 14. 86—124 lpp.
- ⁴ Bebre V. Adas apavi Rīgā 13—14 gs.//Arheologija un ethnogrāfija. Rīgā, 1983. Т. 14. 125—141 lpp.
- ⁵ Оятева Е. И. К методике изучения древней кожаной обуви//АСГЭ. Л., 1973. Вып. 15. С. 105—111.
- ⁶ Bebre V. Adas apavi... 128 lpp. 3 att.; Pāvele T. Pārskats par arheologiskajiem izrakumiem Rīgā 1957. gadā. Rīgā, 1959. 19—38 lpp. 11 att.
- ⁷ Zariņa A. Seno latgalu apģērbs. Rīgā, 1970. 110 lpp. 67 att.
- ⁸ Navickas K. Vilniaus gyventojų apavas XIII—XIV a.//Iš Lietuvių kultūros istorijos. Vilnius, 1964. Т. 4. Р. 189—191.
- ⁹ Оятева Е. И. Белозерская кожаная обувь//Голубева Л. А. Весь и славяне на Белом озере X—XIII вв. М., 1973. С. 199. Рис. 35—37; Она же. Обувь и другие кожаные изделия Пскова//АСГЭ. Л., 1962. Вып. 4. С. 81. Рис. 1, 4; Изюмова С. А. К истории кожевенного и сапожного ремесел Новгорода Велико-го//МИА. М., 1959. № 65. С. 212. Рис. 8, 5; Шут К. П. Обувь древнего Минска//Материалы IX конференции молодых ученых. Минск, 1965. С. 76; Штыхов Г. В. Древний Полоцк IX—XIII вв. Минск, 1975. С. 77. Рис. 35—37; Воронин Н. Н. Древнее Гродно//МИА. М., 1954. № 41. С. 62. Рис. 26.
- ¹⁰ Materiały... S. 490. Ryc. 24; Sprawozdania archeologiczne. Warszawa, 1972. Т. 24. S. 185. Ryc. 10; Gdańsk wczesnośredniowieczny. Gdańsk, 1967. Т. 6. S. 149. Ryc. 8.
- ¹¹ Vons-Comis S. Y. Das Leder... S. 242. Abb. 85; Huth E. W. Die Entstehung und Entwicklung der Stadt Frankfurt (Oder) und ihr Kulturbild vom 13. bis zum frühen 17. Jahrhundert auf Grund archäologischer Befunde. Berlin, 1975. Taf. 120; 121.
- ¹² Larsen A. Skomaterialet fra utgravingene i Borgund på sunnmøre, 1954—1962//Årbok for universitetet i Bergen. Bergen, 1970. Humanistik ser. T. 1. S. 61. Pl. VII; Sohia E. Laermateriale//De arkeologiske utgravninger i Gamlebyen. Oslo (Bergen); Tromsø, 1979. S. 50.
- ¹³ Bebre V. Adas apavi... 128, 129 lpp. 4 att.
- ¹⁴ Navickas K. Vilniaus gyventojų... P. 189. Pav. 1.
- ¹⁵ Шут К. П. Обувь древнего Минска. С. 79.
- ¹⁶ Изюмова С. А. К истории... С. 201. Рис. 3.
- ¹⁷ Gdańsk... S. 152. Ryc. 14.
- ¹⁸ Huth E. W. Die Entstehung... Taf. 119, 3.
- ¹⁹ Sohia E. Laermaterialet. S. 52.
- ²⁰ Andersen H., Crabb P., Madsen H. Århus Sondervold. København, 1971. S. 181.
- ²¹ Jäfvrt E. Skor och skomakerileknik under medeltiden//Fornvännen. Stockholm, 1937. S. 44. Fig. 15.
- ²² Bebre V. Adas apavi... 125, 126 lpp. 1 att.
- ²³ Zariņa A. Seno latgalu... 110 lpp. 66 att.
- ²⁴ Оятева Е. И. Белозерская кожаная обувь. С. 201. Рис. 73, 13—17.
- ²⁵ Воронин Н. Н. Древнее Гродно. С. 61. Рис. 26, 4.

- ²⁶ Рабинович М. Г. О древней Москве. М., 1964. С. 286—288. Рис. 124, 4.
- ²⁷ Шут К. П. Обувь древнего Минска. С. 75, 76.
- ²⁸ Изюмова С. А. К истории... С. 212. Рис. 8, 6.
- ²⁹ Оятева Е. И. Обувь и другие кожаные изделия... С. 80. Рис. 1, 2.
- ³⁰ Штыхов Г. В. Древний Полоцк... С. 79. Рис. 38, 1, 2.
- ³¹ Шут К. П. Обувь древнего Минска. С. 79, 80.
- ³² Изюмова С. А. К истории... С. 212. Рис. 8, 7.
- ³³ Bebre V. Adas apavi... 126, 127 lpp. 2 att.
- ³⁴ Оятева Е. И. Обувь и другие кожаные изделия... С. 80. Рис. 1, 5.
- ³⁵ Оятева Е. И. Белозерская кожаная обувь. С. 200. Рис. 71, 9.
- ³⁶ Larsen A. Skomaterialet... S. 59. Pl. V.
- ³⁷ Zarina A. Seno latgaļu... 110 lpp. 67 att.
- ³⁸ Оятева Е. И. Обувь и другие кожаные изделия... С. 80, 81; Она же. Белозерская кожаная обувь. С. 199, 200. Рис. 72, 2.
- ³⁹ Materialy... S. 488. Рис. 5.
- ⁴⁰ Larsen A. Skomaterialet... S. 60. Pl. VI.
- ⁴¹ Bebre V. Adas apavi... 129 lpp. 5 att.
- ⁴² Jäfvvert E. Skor och skomakerileknik... S. 34. Fig. 5.
- ⁴³ Huth E. Die Entstehung... Taf. 126, 1.
- ⁴⁴ Gdańsk... S. 148. Рис. 6.
- ⁴⁵ Jäfvvert E. Skor och skomakerileknik... S. 42. Fig. 13.
- ⁴⁶ Bebre V. Adas apavi... 131 lpp. 7; 8 att.
- ⁴⁷ Navickas K. Vilniaus gyventojų... P. 191. Pav. 5.
- ⁴⁸ Andersen H., Crabb P., Madsen H. Århus Sondervold. S. 180.
- ⁴⁹ Vons-Comis S. Y. Das Leder... S. 241. Abb. 81.
- ⁵⁰ Sohia E. Laermaterialet. S. 56.
- ⁵¹ Gdańsk... S. 145. Рис. 3.
- ⁵² Materialy... S. 487.
- ⁵³ Тараканова С. А., Саадре О. В. Результаты археологических раскопок 1952 и 1953 гг. в Таллине//Muistsed Asulad ja Linnuised: Arheoloogiline kogamik. Tallin, 1955. Т. I. Lk. 29. J. 11.
- ⁵⁴ Шут К. П. Обувь древнего Минска. С. 77.
- ⁵⁵ Gdańsk... S. 156. Рис. 18.
- ⁵⁶ Jäfvvert E. Skor och skomakerileknik... S. 37. Fig. 8.
- ⁵⁷ Larsen A. Skomaterialet... S. 13. Fig. 3. Pl. VIII.
- ⁵⁸ Sochia E. Laermaterialet... S. 54.
- ⁵⁹ Huth E. W. Die Entstehung... Taf. 123, 3.
- ⁶⁰ Vons-Comis S. Y. Das Leder... S. 241. Abb. 81.
- ⁶¹ Bebre V. Adas apavi... 131 lpp. 10 att.
- ⁶² Jäfvvert E. Skor och skomakerileknik... S. 43. Fig. 14.
- ⁶³ Huth E. W. Die Entstehung... Taf. 122.
- ⁶⁴ Vons-Comis S. Y. Das Leder... S. 242, Abb. 82.
- ⁶⁵ Sprawozdania archeologiczne. Wrocław, 1972. Т. 24. S. 172. Рис. 5.
- ⁶⁶ Bebre V. Adas apavi... 129, 130 lpp. 6 att.
- ⁶⁷ Ibid. 131 lpp. 9 att.

В. В. ЖУЛКУС

ОСОБЕННОСТИ ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВА ЛИТОВСКОГО ПОМОРЬЯ В XI—XVII ВВ.

Средневековое деревянное строительство в Литве еще мало исследовано. Истории жилища посвящено лишь несколько статей¹ и небольшая монография². Это объясняется прежде всего сравнительной скудостью фактического материала. В настоящей статье домостроительство Литовского Поморья (рис. 1) рассматривается на новейших материалах.

В I тысячелетии н. э. на территории Литвы были только постройки столбового типа, отапливаемые открытыми очагами³. Судя по вскрытым на городище Экете остаткам, столбовые жилища достигали значительных размеров⁴. На поселении у городища Лайстай обнаружены следы трехкамерного дома столбовой конструкции размерами 9,5×3—3,1 м. Посреди каждого из трех помещений был небольшой углубленный в землю очаг. Следы столбов свидетельствуют, что дом был перекрыт двускатной крышей⁵.

На рубеже I и II тысячелетий в Литве появляются срубные дома. На селище при городище Имбаре открыты срубные четырехугольные постройки с печами-каменками в углу (рис. 2, 3). Жилые дома здесь, как правило, были однокамерными, небольшими (в среднем до 14—16 кв. м)⁶.

По В. В. Седову в начале II тысячелетия н. э. в Литве и в соседних землях пруссов возводились и столбовые постройки⁷. Новейшие исследования подтвердили это предположение. В Паланге, у городища Би-

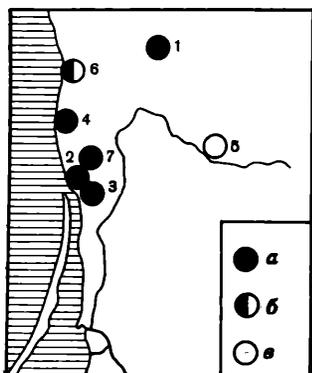
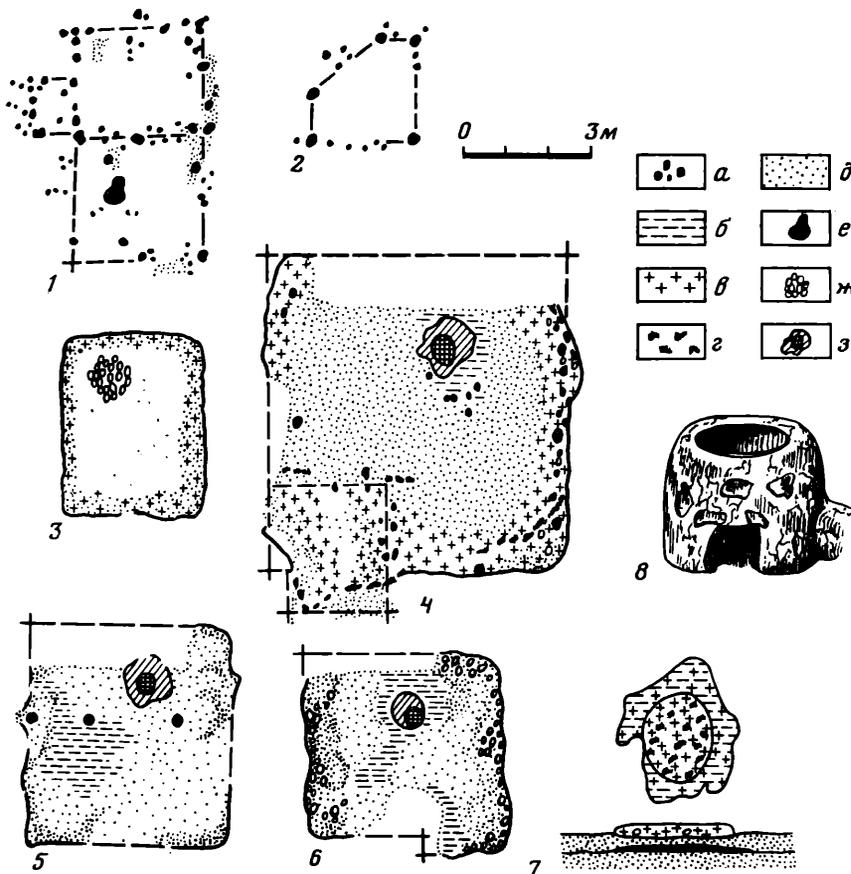

Рис. 1. Местонахождение жилищ второй половины I — середины II тысячелетия в западной Литве

a — селища; *b* — наблюдения; *v* — этнографические аналогии;
1 — Имбаре; 2 — Клайпеда; 3 — Лайстай; 4 — Паланга;
5 — Сталгена; 6 — Швянтойи; 7 — Экете

Рис. 2. Типы западнолитовских жилищ X—XIV вв.

a — столбовые ямы; *b* — глина; *v* — обожженная глина; *г* — угли; *д* — песок; *e* — очаг в яме; *ж* — печь-каменка; *з* — глинобитная купольная печь; 1, 2, 4—6 — Паланга; 3 — Имбаре (по В. Даугудису); 7 — Паланга, план и разрез глинобитной купольной печи; 8 — Сталгена, печь XIX в. из камня и глины (по К. Чербуленасу)

рутес калнас, на поселении рыбаков и мореходов открыты остатки 17 построек второй половины X—второй половины XIV в.⁸ Из-за плохой сохранности дерева восстановлены планы только пяти жилищ, позволившие проследить смену типов южнокуршских домов. В X—XI вв. здесь было неукрепленное поселение на берегу моря, занимавшее площадь около 2000 кв. м, а в XIII в., после постройки валов и мощной деревянной стены с башнями, территория его уменьшилась до 600—700 кв. м.

В слоях второй половины X—начала XI в. обнаружены следы четырех столбовых и одного срубного жилища. В слое второй половины XIII в. было два столбовых и три срубных дома, а в слоях XIV в. обнаружены только срубные дома. Полностью открыты две столбовые постройки начала XI в.— жилой дом и хозяйственное строение. Жилой дом

был двухкамерным (5,4×3,3—3 м) с небольшими закрытыми сенями сбоку (рис. 2, 1). В холодном помещении был один вход — из сеней, а в отопляемом очагом — еще и в торцовой части. Эта дверь была защищена от юго-западных ветров небольшой стенкой. Почти в середине отопляемого помещения найден углубленный на 3,5 см в песок и вымощенный булыжником очаг с небольшой приочажной ямой (подобные очаги были и в других столбовых постройках). Размеры очага 80×50 см. Стены дома между столбами, очевидно, заполнялись горизонтальными бревнами. Следы столбов на оси постройки позволяют предполагать, что крыша была двускатной. В 3 м от жилого дома стояла хозяйственная постройка необычной пятиугольной формы размерами 2,7×2,4 м (рис. 2, 2). Углы ее подпирались столбами, а стены, возможно, были плетеными. Вход располагался на скошенном углу. Видимо, это был хлев, под высокой многоскатной крышей которого, под жердяным перекрытием, могли храниться и запасы корма.

Все срубные дома XI—XIV вв., вероятно, были сходной конструкции. Лучше сохранились постройки XIII—XIV вв. Дома эти были одно- и двухкамерными, разной величины. Самый большой (7,5×7 м) построен в последней четверти XIII в. (рис. 2, 4). В северо-западном углу его имелись небольшие закрытые сени, продолжавшиеся и внутри дома, где образовывали помещение шириной 2 м. Обломки нескольких больших горшков, грузила от вертикального ткацкого станка и пряслица указывают на то, что это помещение использовалось для хозяйственных нужд. Нижний венец сруба лежал в неглубокой канаве на кладке из булыжника — своеобразном фундаменте. Стены дома были обмазаны глиной. Ряды столбов вдоль боковых стен внутри здания поддерживали сруб и вместе со столбами в центральной части дома подпирали продольные слои двускатной крыши. Слой затвердевшей глины с характерными отпечатками убедительно доказывает, что крыша дома поверх досок или расколотых бревен была обмазана глиной. Пол дома состоял из песка с глиной. Посредине торцовой стены, напротив входа, обнаружен под овальной глинобитной купольной печи размерами 1,2×1 м (рис. 2, 7). От стены она отстояла на 1,4 м. Под печи — глиняный с небольшими камушками — незначительно возвышался над полом. Под подом обнаружено кострище. Так как подобные кострища найдены под всеми глинобитными печами, нужно полагать, что они имели ритуальное значение.

Два других сруба (5,5×5; 5,5×4 м), соответственно первой и второй половины XIV в., были однокамерными и сходной планировки. Пол первого дома глинобитный, посреди задней от входа стены, на расстоянии 1 м от нее, лежал под глинобитной купольной печи диаметром около 1 м (рис. 1, 4). Следы обмазки стен и глиняного слоя, покрывавшего крышу, отсутствовали. Крыша, судя по столбам поперек дома, имела слеговую конструкцию. Сруб второй половины XIV в. стоял на примитивном фундаменте, сложенном из небольших разрозненных камней в один ярус. В юго-западном углу дома было небольшое крыльцо. Пол жилища глинобитный. Глинобитная купольная печь находилась напротив входа, на расстоянии 1 м от стены (рис. 2, 5). Столбы внутри дома отсутствовали, поэтому нужно предположить, что крыша покоилась не на слечах, а на стропилах.

Если предполагаемая расшифровка остатков жилищ в Паланге верна, нужно допустить, что в середине и второй половине XIV в. существенно менялась конструкция крыш срубных построек — слеговые крыши заменялись стропильными. Столбовые постройки на Палангском поселении существовали еще во второй половине XIII в., а временем их окончательного исчезновения надо считать рубеж XIII и XIV вв. Срубные дома, появившиеся здесь не позже второй половины X в., во второй половине XIII в. уже составляли большинство. В Латвии, Эстонии, на Руси в первых веках II тысячелетия н. э. жилые дома были почти исключительно срубными, и только в приморских городах Польши в это время еще сравнительно часто строились и столбовые жилые дома⁹. В скан-

динавских и германских землях столбовое строительство тогда еще преобладало¹⁰. Таким образом, ареал, где до конца XIII в. в строительстве жилых домов применялась и столбовая техника, следует распространить и на южнокуршские земли, по крайней мере до р. Швянтойи, включая сюда и древнепрусские земли, где традиции столбового строительства были особенно живучими¹¹. Обнаруженные в слое второй половины X в. Палангского поселения следы тесаных столбов и подобные находки в Гданьске и Волине¹² надо интерпретировать как результат культурных связей со скандинавскими народами.

Глинобитные полы, выявленные в пяти домах Палангского поселения, в Литве до сих пор не были известны. По данным В. В. Седова глинобитные полы в постройках X—XIII вв. служат этническим признаком латгалов и, кроме их земель, встречены только на смежных территориях¹³. Они встречаются к востоку от Чудского озера, изредка — в землях восточных славян¹⁴ и весьма часто — на поселениях западных славян¹⁵.

Неизвестны в Литве и круглые глинобитные купольные печи. В Латвии такие печи с подом из камней, дерева и глины чаще всего обложены булыжником. Они строились вплоть до XV в.¹⁶ П. А. Раппопорт установил, что купольные глинобитные печи в X в. появились в Припятском Полесье, а в X—XI вв. уже строились во всей лесостепной полосе¹⁷. Он указал три направления, по которым распространялась традиция постройки печей этого типа: вдоль современной границы Польши и Украины, по левобережью Днепра, в Румынии и Болгарии. В землях западных славян такие печи были известны уже в IX в. и строились продолжительное время¹⁸. На Палангском поселении следы таких печей обнаружены в слое второй половины X — начала XI в. Поэтому можно предположить, что идея куполообразных глинобитных печей с западнославянских земель достигла Прибалтики еще и по четвертому пути — по Балтийскому морю и, возможно, через прусские земли. Время исчезновения глинобитных печей точно определить трудно. Видимо, их заменили печи из горшкового и изразцового кафеля в XV и первой половине XVI в. Так, среди пятен жилых домов, подмываемых морем в Швянтойи, уже во множестве встречается горшковый и изразцовый кафель XVI и XVII вв. Печам-каменкам есть и этнографическая параллель — западнолитовский *piūgis* из д. Сталгенай (Плунгский р-н Литовской ССР). Это печь из камня и глины с впущенным сверху котлом и топкой сбоку (рис. 2, 8)¹⁹. Похожей, видимо, была и раннесредневековая глинобитная печь с отверстием для установки горшка²⁰.

Необычно местоположение этих печей около середины противоположной входу стены, на расстоянии 1—1,4 м от нее. В раннесредневековых жилых постройках Прибалтики печи, как правило, стояли посреди помещения или в углу. Печи посредине стены известны только в земгальской Межотне²¹ и Риге²². Не характерно такое положение печей и для восточных славян. В Новгороде у середины стены печи обнаружены только в мастерских ремесленников²³. Первичным такое местоположение печей было только в западнославянских землях²⁴.

Из сказанного следует, что такие характерные черты домостроительства, как местоположение печей, их конструкция и форма, устройство пола, в жилищах приморских поселений Прибалтики или поселений, расположенных вблизи торговых путей, могли появиться в результате культурных связей с западными славянами.

Иначе процесс развития домостроительства протекал в районе Клайпеды, где с середины XIII в. возникли замок и город-форбург Ливонского ордена. Слои XIII—XV вв. в городе почти не сохранились, поэтому можно говорить лишь о постройках Клайпеды начала XVI в. Так как в XVI—XVII вв. в городе господствовало фахверковое строительство, вероятно, что оно преобладало и в более раннее время. О размерах построек XVI—XVII вв. позволяют судить сохранившиеся части полуподвалов и нижних обвязок фахверковых стен. Земельные участки начала XVI в. здесь достигали в среднем 12×12 м. Их величина обуславливала и принципы

застройки, и величину построек. Остатки построек XVI—XVII вв., вскрытые в центральной части старого города²⁵, показали, что там стояли дома разной величины. Постройка начала XVI в. имела размеры 12,4×7,6 м, а постройка конца XVI в. была меньше—9,5×6,6 м. В жилых домах обычно имелось два, реже — три помещения. Чаще всего внутренние перегородки строились поперек дома, в трехкамерных домах, кроме того, встречаются и продольные стены (рис. 3, 1). В двухкамерных домах одно помещение было жилым, другое служило кухней и передней одновременно. Такая планировка фахверковых домов в средневековье была известна в Латвии²⁶, на землях пруссов²⁷, в Польше²⁸, на германских территориях²⁹. В трехкамерных домах, возможно, было два жилых помещения, или же одно из них служило для хозяйственных нужд. Иногда к небольшим жилым домам примыкали пристройки. На участке Пергалес 6А обнаружен дом середины XVI в. размерами 6,6×3,1 м, выходящий на улицу торцовым фасадом. Сбоку к дому была сделана пристройка размерами 6,4×6,3 м, половину которой занимало помещение неизвестного назначения. В остальной части крыши, образующую большой навес, подпирали лишь круглые столбы (рис. 3, 2).

Фахверковые постройки иногда имели полуподвалы, которые строились или под всем домом, или под его частью. Ввиду сильно увлажненного грунта они углублялись только на 0,8—1 м. Основной скелетной конструкции полуподвалов служили массивные (24—29×25,5—34 см) брусья нижней обвязки с вертикальными стойками в гнездах, расположенными с интервалом 0,6—2,2 м. Стены полуподвалов были сложены из горизонтальных досок, реже — горбылей, давлением грунта прижимаемых к стойкам. Стабильность нижней части здания обеспечивали перегородки в полуподвалах и связанные в углах балки насадки. Перегородочные стены полуподвалов, как правило, образовывал каркас из обвязки и насадки с пазами. Они забирались вертикально поставленными досками (рис. 3, 3). Подобная конструкция, широко применявшаяся в фахверковых постройках Западной Европы, в XIII—XIV вв. уже была известна и в Риге³⁰. Фахверковые конструкции бесподвальных построек мало отличались от описанных. Нижние венцы лежали на подкладках, только в более увлажненных местах углы домов покоились на столбах. Обвязка фахверка обычно достигала в ширину около 30 см, но в некоторых случаях применялась и спаренная обвязка с гнездами на стыке. В таких случаях толщина стен достигала 52—56 см. Вертикальные стойки ставились через 1,1—1,5 м, в углах зданий были косые подпорки (рис. 3, 4). Снаружи в нижней части некоторых фахверковых построек сохранилась облицовка из досок, что указывает на наличие завалинок из грунта. Между стойками фахверка помещались дверные проемы, ширина которых в жилых домах составляла 0,8—0,9 м, а в хозяйственных — 1,55 м³¹. Каркас фахверка заполнялся глиной, перемешанной с соломой, кирпичом. Большие скопления чистой глины рядом с фахверковым каркасом указывают на то, что стены забирались и сырцовым кирпичом, как это делалось в средневековой Германии³², а также в этнографических постройках Клайпедского края³³.

В Клайпедке встречаются постройки и других конструкций. На ул. Юратес обнаружены остатки жилого дома первой половины XVI в., одна часть которого была кирпичной, а другая — деревянной³⁴. Балки (ширина 30 см) этой стены закладывались между двумя столбами (диаметр 27 и 35 см). Печь стояла в помещении с кирпичными стенами (рис. 3, 5).

Некоторые склады и заборы в XVI в. возводились в столбовой конструкции. Для этого порой применялись огромные (диаметр до 70 см) столбы с продольными пазами. Столбы под землей иногда опирались пятой на горизонтальные парные балки. Стены забирались продольными горбылями (рис. 3, 6)³⁵.

Клайпедские жилые дома в XVI—XVII вв. отапливались печами из горшкового и изразцового кафеля, являвшимися важным декоративным элементом интерьера³⁶.

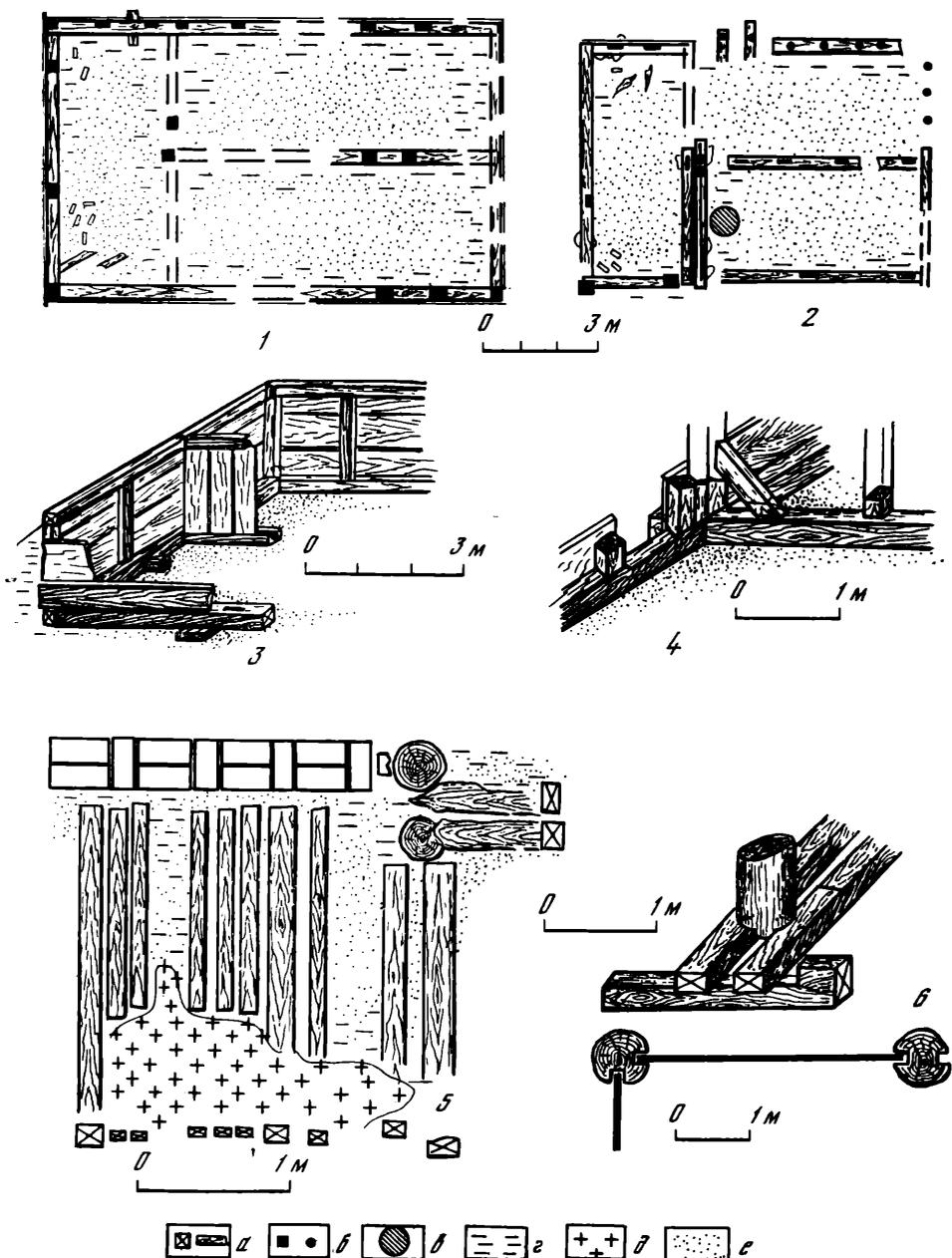

Рис. 3. Планы и конструкции клайпедских построек XVI—XVII вв.

a — балки; *b* — столбы; *v* — дренажная бочка; *г* — глина; *д* — пережженная глина; *e* — песок; 1, 2 — планы фахверковых домов на уровне полуподвалов; 3 — полуподвал фахверкового дома (реконструкция); 4 — фахверковая конструкция бесподвального дома; 5 — остатки дома смешанной конструкции; 6 — столбовая конструкция

В клайпедских конструкциях XVI—XVII вв. встречаются некоторые приемы, широко использовавшиеся в Прибалтике и во всей Восточной Европе уже в средневековье. К ним следует отнести закладку стены бревнами или балками между двумя столбами³⁷, столбовую конструкцию, которая в раннем средневековье применялась в жилых домах, а позже (как и в Клайпеде) — в хозяйственных постройках, заборах, полуподвалах³⁸. В фахверковых постройках Клайпеды наряду с типичными приемами можно выделить ряд особенностей. Проявлением провинциализма следует считать, что в XVI—XVII вв. клайпедские постройки еще не име-

ли фундамента и лежали на деревянных подкладках или отдельных камнях, в то время как в некоторых немецких городах уже в начале XVI в. обвязку поднимали на 1,5 фута над землей³⁹. Анахронизмом является традиция стыковки (без связки) в углах обвязки полуподвалов. Так в средневековые делалось в срубных постройках⁴⁰. В фахверковых строениях углы обвязки тщательно соединялись уже в XIII—XIV вв.⁴¹

Своеобразна конструкция стен полуподвалов. В рижских постройках XIII—XIV вв. они обычно делались из вертикальных досок или горбылей⁴². Стены из широких горизонтальных досок в полуподвалах клайпедских построек XVI—XVII вв., возможно, следует рассматривать как дальнейший этап развития этой конструкции. В клайпедских строениях XVI—первой половины XVII в. конструкции из дубовой древесины составляют около 85%, и только с середины XVII в. резко возрастает применение хвойной древесины. Это исключительное явление, так как и в остальной части Литвы⁴³, и в Риге⁴⁴, и в северо-западной части Руси⁴⁵ уже в раннем средневековье для строительных нужд использовались почти только хвойные породы дерева. Строительство фахверка из дуба в то время применялось в Польском Поморье⁴⁶ и в северогерманских землях⁴⁷. Клайпеду, таким образом, можно считать самой северной точкой ареала, где в средневековом строительстве преобладала дубовая древесина.

Со II тысячелетия н. э. в жилых постройках Литовского Поморья выступают своеобразные черты, выделяющиеся на фоне всего литовского домостроительства. Возможно, это было явлением локальным, свойственным лишь части южнокуршских земель. С середины XIII в., после захвата Клайпеды Ливонским орденом, процесс развития домостроительства раздвоился. В землях, не занятых Орденом, традиционное домостроительство развивалось своим чередом, на что указывают многие этнографические параллели. В Клайпед и ее округе укрепились перенесенные из Западной Европы строительные традиции, с течением времени приобретшие некоторые черты региональности и провинциализма.

¹ *Tautavičius A.* Iš XIV a. Vilniaus gyven-tojų buities/Iš Lietuvių kultūros istorijos. Vilnius, 1958. T. 1. P. 94—103; *Idem.* Vilniaus pilies teritorijos archeologiniai kasėjimai//Valstybinės LTSP architek-tūros paminklų apsaugos inspekcijos met-raštis. Vilnius, 1960. T. 11. P. 3—48; *Седов В. В.* Жилища юго-восточной Прибалтики (I—начало II тысячеле-тия н. э.)//Древнее жилище народов Восточной Европы. М., 1975. С. 276—301.

² *Daugudis V.* Senoji medinė statyba Lie-tuvoje. Vilnius, 1982.

³ *Седов В. В.* Жилища юго-восточной Прибалтики... С. 280—286; *Daugudis V.* Senoji medinė statyba... P. 46, 50—55.

⁴ *Меркевичюс А., Станкус Й.* Раскопки городища Экете//АО 1972 г. М., 1973. С. 376, 377.

⁵ *Zulkus V.* Laistų gyvenvietės žvalgomieji kasėjimai//Archeologiniai tyrinėjimai Lietuvoje 1982 ir 1983 metais. Vilnius, 1984. P. 41—43.

⁶ *Daugudis V.* Senoji medinė statyba... P. 95, 96.

⁷ *Седов В. В.* Жилища юго-восточной Прибалтики... С. 286—296, 299.

⁸ *Zulkus V.* Birutės kalno ir gyvenvietės tyrinėjimai//Archeologiniai tyrinėjimai Lietuvoje 1982 ir 1983 metais. Vilnius, 1984. P. 43—46.

⁹ *Цауне А. В.* Жилища Риги XII—XIV вв. Рига, 1984. С. 53.

¹⁰ *Radig W.* Frühformen der Hausentwick-lung in Deutschland. Berlin, 1958. S. 96—140.

¹¹ *Седов В. В.* Жилища юго-восточной Прибалтики... С. 299.

¹² *Gdańsk wczesnośredniowieczny.* Gdańsk, 1974. T. 8. S. 22—24; *Materiały zachod-niopomorskie.* Szczecin, 1962. T. 8. S. 47—50.

¹³ *Седов В. В.* Жилища юго-восточной Прибалтики... С. 297.

¹⁴ *Селиранд Ю. Я.* О домостроительстве XI—XII вв. на городище Охярве// ПИДД. С. 47; *Раннопорт П. А.* Древне-русское жилище//Древнее жилище на-родов Восточной Европы. М., 1975. С. 132.

¹⁵ *Gdańsk...* S. 44, 56.

¹⁶ *Latvijas PSR archeologija.* Rīgā, 1974. 257 lpp.; *Седов В. В.* Жилища юго-во-сточной Прибалтики... С. 296, 301; *Му-гуревич Э. С.* Жилища в средневековых поселениях Латвии//ПИДД. С. 67; *Цау-не А. В.* Жилища Риги... С. 67.

¹⁷ *Раннопорт П. А.* Древнерусское жили-ще. С. 122, 126—128, 137.

¹⁸ *Gdańsk...* S. 78.

¹⁹ *Cerbulėnas K.* Namas («numas») — pir-minis lietuvių gyvenamojo pastato ti-pas//Iš Lietuvių kultūros istorijos. Vil-nius, 1958. T. 1. P. 124, 125. Pav. 19.

²⁰ *Раннопорт П. А.* Древнерусское жили-ще. С. 115. Рис. 1.

²¹ *Седов В. В.* Жилища юго-восточной Прибалтики... С. 261, 301.

²² *Цауне А. В.* Жилища Риги... С. 70.

²³ *Засурцев П. И.* Усадьбы и постройки древнего Новгорода//Жилища древне-го Новгорода. М., 1963. С. 38.

- ²⁴ Gdańsk... S. 74; *Materiaty*... S. 52; *Herrmann J.* Die Beitrag der Ausgrabungen in Tornow, Kr. Calau zur germanischen und slawischen Siedlungs, Wirtschafts und Kulturgeschichte//*Zeitschrift für Archäologie.* Berlin, 1970. Bd 4. S. 74. Abb. 6; *Donat P.* Haus, Hof und Dorf in Mitteleuropa vom 7. bis 12. Jahrhundert. Berlin, 1980. S. 128, 131, 145.
- ²⁵ РКІА, 2974, 3060.
- ²⁶ *Цауне А. В.* Жилища Риги... С. 135.
- ²⁷ *Detlefsen R.* Stadt- und Landhäuser Ostpreussen. München, 1918. S. 9—10.
- ²⁸ Gdańsk... S. 25, 35, 43.
- ²⁹ *Klöckner K.* Alte Fachwerkbauten. München, 1981. S. 18.
- ³⁰ *Цауне А. В.* Жилища Риги... С. 95.
- ³¹ *Цауне А. В.* Жилища Риги... С. 95, 96; РКІА, 3556.
- ³² *Klöckner K.* Alte Fachwerkbauten. S. 24.
- ³³ *Tatoris J.* Fachverkas Klaipedos kraste// *Dailėtyra.* Vilnius, 1981. P. 233.
- ³⁴ РКІА, f. 5, 747A.
- ³⁵ РКІА, f. 5, 1543.
- ³⁶ *Zulkus V.* Genus J. Klaipėdos XV—XVII a. krosnys (archeologiniai duomenys)// *Muziejai ir paminklai.* Vilnius, 1984. T. 6. P. 56—63.
- ³⁷ *Čerbulėnas K.* Senoji lietuvių liaudies medinių pastatų konstrukcija//*Valstybinės LTSR architektūros paminklų apsaugos inspekcijos metraštis.* Vilnius, 1958. T. 1. P. 81; Gdańsk... S. 108. Р. 8; *Цауне А. В.* Жилища Риги... С. 38, 51, 52. Р. 37.
- ³⁸ *Tautavičius A.* Iš XIV a. Vilniaus gyvenotojų buities.. P. 97; Gdańsk... S. 108; *Цауне А. В.* Жилища Риги... С. 38, 51—54; *Загорюльский Э. М.* Возникновение Минска. Минск, 1982. С. 172, 179; *Калединский А. В., Ткачев М. А.* Строительная техника и строительные материалы средневекового Витебска// ПИДД. С. 19, 20; *Мугуревич Э. С.* Жилища... С. 28; *Седов В. В.* Домостроительство кривичско-словенского региона в VIII—X вв.//ПИДД. С. 45.
- ³⁹ *Klöckner K.* Alte Fachwerkbauten. S. 15.
- ⁴⁰ Gdańsk... S. 23, 24.
- ⁴¹ *Цауне А. В.* Жилища Риги... С. 89, 90.
- ⁴² Там же. С. 88, 89.
- ⁴³ *Lietuvių liaudies architektūra.* Vilnius, 1965. 44 lpp.
- ⁴⁴ *Цауне А. В.* Жилища Риги... С. 89.
- ⁴⁵ *Колчин Б. А., Черных Н. Б.* Дендрохронология. Восточной Европы. М., 1977. С. 42, 47, 51, 54, 58.
- ⁴⁶ *Цауне А. В.* Жилища Риги... С. 90.
- ⁴⁷ *Klöckner K.* Alte Fachwerkbauten. S. 18.

ПУБЛИКАЦИИ

И. В. ИСЛАНОВА

АНАЛИЗ РАСПОЛОЖЕНИЯ СОПОК В БАССЕЙНАХ МОЛОГИ И ВЕРХНЕЙ МСТЫ

Несмотря на увеличившееся в последнее десятилетие внимание к сопкам¹, спорными остаются проблемы их происхождения, соотношения с предшествующими и последующими памятниками. Ограниченные из-за трудоемкости раскопок возможности изучения высоких насыпей ставят на первый план анализ системы размещения памятников, выявление составных частей (уровней) этой системы, ее первичных ячеек.

Такая работа проведена для восточной части ареала сопок — бассейна Мологи и верхнего течения Мсты. В конце 70—80-х годов эта территория была охвачена широкими разведками². Исследования существенно дополнили и уточнили уже имеющиеся материалы³. Было обследовано более 80% известных здесь сопок, уточнены их размеры, топография, открыты новые могильники и поселения. Все ныне известные могильники (рис. 1) датируются в целом VIII—X вв.

После измерения расстояний между всеми ближайшими сопками построен график (рис. 2)⁴. Пики графика соответствуют наиболее типичным расстояниям между сопками. Сопоставление результатов графика с конкретными материалами по топографии каждого памятника позволяет вычленить несколько уровней группировки сопок: расстояния 0—220 м — могильник; 220—800 м — скопление могильников; 800—4000 м — округ; 4—10 км — микрорайон; 10—12 км — регион⁵.

На рассматриваемой территории насчитывается свыше 110 могильников, каждый из которых содержит от одной до 18 сопок. По числу насыпей могильники делятся на три группы: малые — одна-две сопки; средние — три-семь; крупные — более семи. Как правило, могильник принадлежал населению одного поселения.

В средних и крупных могильниках часто прослеживается и более дробное деление — на группы сопок, состоящие из одной, двух, трех и т. д. насыпей (рис. 3). Возможно, этот уровень отражает социальное деление внутри одного поселка.

Скопления образуют не все могильники. Их зафиксировано 15: Бежиды, Рашино, Борис-Глеб, Мокшицы, Молдино — Треть-Молдино, Мерлугино, Федово — Подшевелиха, Парьево — Бирюльки, Мотыли — Маслово, Мотыли — Сарагожское, Спас-Преображенское — Куземкино — Аньково, Пестово, Климовщина, Устье на р. Кеза, Белохово. В основном скопления представлены могильниками, расположенными напротив друг друга на разных берегах реки. Скопления могли быть центральными пунктами округов, микрорайонов, регионов. Нужно полагать, они оставлены группами населения, связанными постоянным общением.

Округ включает несколько могильников или скопление и несколько могильников. Выделяется 19 округов (рис. 1). Они охватывали берега озер или участок реки протяженностью 1—9 км. Часто ближайшие могильники округа находятся в пределах видимости. Особенно распространены округа на озерах и реках бассейна Сарагожи и верхней Мсты.

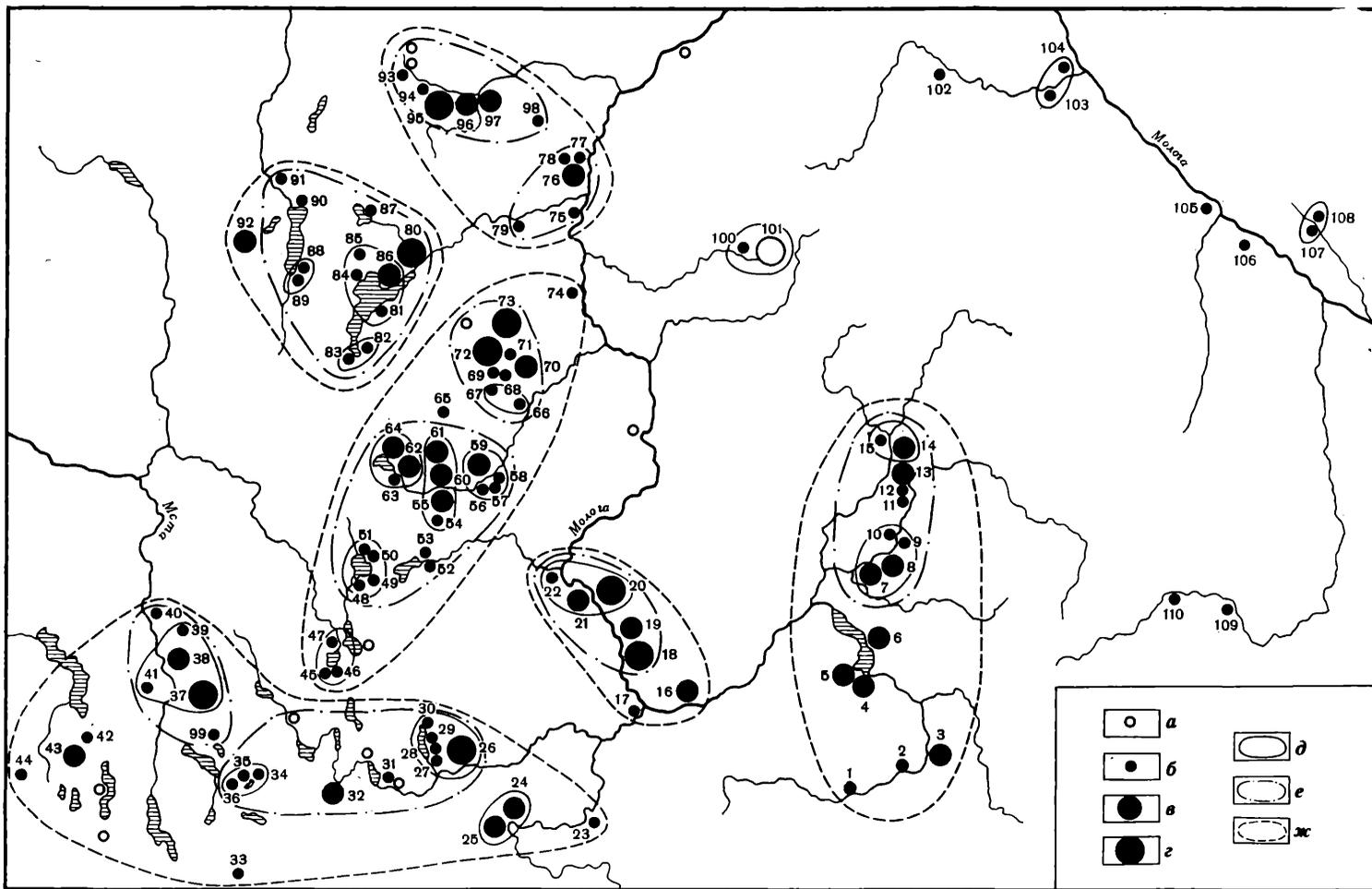
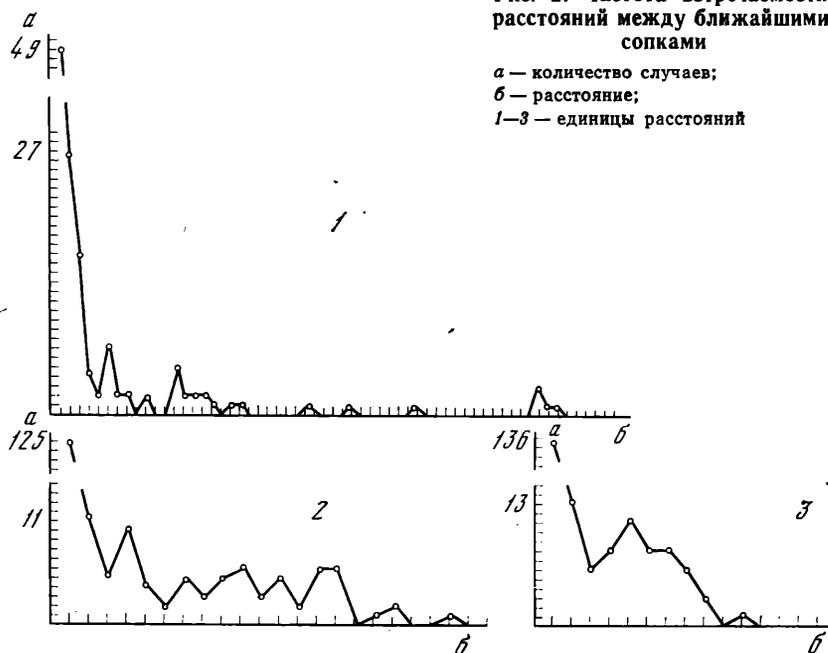

Рис. 2. Частота встречаемости расстояний между ближайшими сопками

Вполне возможно, что этот уровень отражает процесс освоения небольшого участка. Например, из поселка у д. Белохово расселение могло идти по восточному берегу оз. Наволок, где сооружено по одной сопке в двух могильниках (д. Курово).

Микрорайон состоит из округа или округов и отдельных могильников. Зафиксировано девять микрорайонов (рис. 1), каждый протяженностью 12—30 км. Все памятники в них находятся преимущественно в бассейне одной реки и связаны речными путями.

Рис. 1. Погребальные памятники культуры сопкок в бассейнах Мологи и верхней Мсты

а — сведения о могильниках неточны; б — могильники из одной-двух сопкок; в — могильники из трех-семи сопкок; г — могильники свыше семи сопкок; д — округ; е — микрорайон; ж — регион; 1 — Дрюцково; 2 — Спас-Талицы; 3 — Любодия; 4 — Бежицы, восточный могильник; 5 — Бежицы, западный могильник; 6 — Узмень; 7 — Рашино, западный могильник; 8 — Рашино, восточный могильник; 9 — Бор Шалашев; 10 — Гастерачка; 11 — Борис-Глеб, южный могильник; 12 — Борис-Глеб, центральный могильник; 13 — Борис-Глеб, северный могильник; 14 — Малая Мотолоша; 15 — Белый; 16 — Рыбинское; 17 — Селицы; 18 — Мокшицы, южный могильник; 19 — Мокшицы, северный могильник; 20 — Огрызково; 21 — Топальское; 22 — Усть-Кеза; 23 — Кулачыха; 24 — Медведково, восточный могильник; 25 — Медведково, западный могильник; 26 — Воронцово; 27 — Молдино; 28 — Треть-Молдино; 29 — Шептуново; 30 — Поддубье; 31 — Карзово; 32 — Овсищи; 33 — Осечино; 34 — Ухаб; 35 — Дудиха; 36 — Почаево; 37 — Степурино; 38 — Млево; 39 — Манихино; 40 — Кожино; 41 — Поляны; 42 — Подшевелиха; 43 — Федово; 44 — Любинец; 45 — Мерлугино, западный могильник; 46 — Мерлугино, восточный могильник; 47 — Троица; 48 — Белсово, южный могильник; 49 — Белохово, северный могильник; 50 — Курово, южный могильник; 51 — Курово, северный могильник; 52 — Устье (Заречье), р. Кеза; 53 — Устье (Обухово); 54 — Бирюльки; 55 — Парьево; 56 — Мотыли, южный могильник; 57 — Маслово; 58 — Мотыли; 59 — Сарагожское; 60 — Рыжно; 61 — Подборовье; 62 — Дворищи, левобережный могильник; 63 — Дворищи, правобережный могильник; 64 — Овсянниково; 65 — Ворониха; 66 — Свищево; 67 — Угрюмова Гора; 68 — Куземкино, восточный могильник; 69 — Куземкино, западный могильник; 70 — Спас-Преображенское, восточный могильник; 71 — Спас-Преображенское, центральный могильник; 72 — Спас-Преображенское, западный могильник; 73 — Аньково; 74 — Полонское; 75 — Попово; 76 — Пестово VI; 77 — Пестово III; 78 — Пестово II; 79 — Охона; 80 — Устье (оз. Меглино); 81 — Морозово; 82 — Петрово; 83 — Семенкино; 84 — Базарово; 85 — Игнатьевская; 86 — Сопки (оз. Меглино); 87 — Сопки (оз. Черное); 88 — Угол, северный могильник; 89 — Угол, южный могильник; 90 — Дроблино; 91 — Овинец; 92 — Поздеево; 93 — Драчево; 94 — Климовщина, западный могильник; 95 — Климовщина III; 96 — Климовщина I; 97 — Климовщина II; 98 — Брякуново; 99 — Пуйга; 100 — Лукино; 101 — Городищи; 102 — Малыгино; 103 — Бодачево; 104 — Перемут; 105 — Юрьевская; 106 — Прозорово; 107 — Заречье; 108 — Перекладная; 109 — Алешино; 110 — Боженки

Следующий уровень размещения сопок — регион. В бассейнах Мологи и верхней Мсты намечается шесть регионов (рис. 1). Ближайший находится в верховьях р. Уверь. Регион обычно включает один-два микрорайона, отдельные округа и отдельные могильники. Этот уровень охватывает довольно большой участок, протяженностью иногда до 90 км. Как правило, это часть бассейна одной крупной реки или близко расположенных рек с нешироким водоразделом. Естественными границами регионов служат непригодные для заселения болотистые пространства.

Выделенные уровни группировки погребальных памятников позволяют более строго анализировать и сравнивать древности культуры сопок.

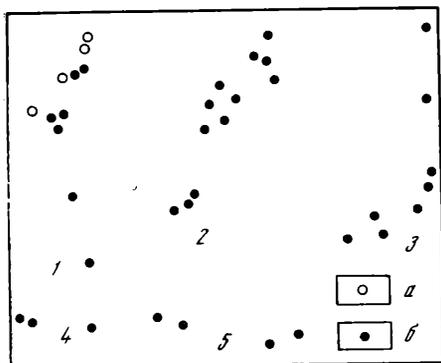

Рис. 3. Схематичный план расположения сопок в могильнике

- а** — насыпи разрушенные или отнесенные к сопкам предположительно;
б — сопки;
 1 — Мокшицы, южный могильник;
 2 — Воронцово;
 3 — Спас-Преображенское, западный могильник;
 4 — Медведково, восточный могильник;
 5 — Рашино, восточный могильник

Возможна и предварительная социальная интерпретация выявленных уровней. Группа сопок, могильник и скопление могильников — погребальные комплексы совокупности людей, связанных общением, совместным проживанием, родством. Округ, микрорайон, регион — уровень социальной группы, объединенной культурно-исторически. Интересные результаты по социальной структуре населения, по этапам расселения можно получить после раскопок всех или большинства сопок отдельного округа или микрорайона.

¹ *Седов В. В.* Новгородские сопки//САИ. М., 1970. Вып. Е1-8; *Лебедев Г. С.* Начало Верхней Руси по данным археологии//Проблемы истории и культуры северо-запада РСФСР. Л., 1977. С. 90—95; *Лебедев Г. С., Рябинин Е. А.* Сопки и жальники//Проблемы археологии. Л., 1978. Вып. 2. С. 152—161; *Носов Е. Н.* Некоторые общие вопросы изучения погребальных памятников второй половины I тысячелетия н. э. в Приильменье//СА. М., 1981. № 1. С. 1; *Пронин Г. Н.* Сопки, курганы и жальники: К вопросу о преемственности//КСИА. М., 1981. Вып. 166. С. 11—16.

² Автор признателен Е. В. Бодунову, В. М. Воробьеву, А. Е. Леонтьеву, Г. Н. Пронину, Ю. Н. Урбану, И. Н. Черныху за

предоставленную возможность использовать в работе материалы их разведок.

³ *Плетнев В. А.* Об остатках древности и старины в Тверской губернии: К археологической карте губернии. Тверь, 1903; *Романцев И. С.* О курганах, городищах и жальниках Новгородской губернии. Новгород, 1911; *Чернягин Н. Н.* Длинные курганы и сопки//МИА. М.: Л., 1941. № 6; *Седов В. В.* Новгородские сопки.

⁴ Масштаб расстояний на графике менялся (т. е. уплотнялись предыдущие сведения), когда на каком-то этапе измерений резко уменьшалось число одинаковых или близких расстояний.

⁵ Выбор терминов для обозначения уровней сугубо произволен.

ВОЛЫНЦЕВСКИЙ ГОРИЗОНТ ПОСЕЛЕНИЯ ВОВКИ

Многослойное поселение Вовки (Зеньковский р-н Полтавской обл.) известно в археологической литературе прежде всего как один из немногочисленных памятников Среднего Поднепровья, содержащих материалы постзарубинецкой культуры II—III вв.¹ Между тем, основной культурный горизонт Вовков принадлежит поселению волынцевского типа. К нему относятся пять жилищ и около 40 хозяйственных ям, выявленных в ходе раскопок под руководством Е. А. Горюнова в 1975 и 1977 гг.² Здесь также обнаружены материалы, относящиеся к скифскому времени и к середине и третьей четверти I тысячелетия н. э.

Поселение находится на берегу р. Грунь, левого притока р. Псел, и является, таким образом, самым южным из исследованных волынцевских памятников. Оно расположено в топографических условиях, характерных для поселений этого типа, и занимает возвышенность в основании правого коренного берега реки. Площадь поселения составляет приблизительно 8000 кв. м, раскопками охвачена его десятая часть. Культурный слой нарушен глубокой распашкой, стратиграфически не расчленен, а в центральной части поселения поврежден дренажными сооружениями и кладбищем XIX в.

К волынцевскому периоду относится более 700 фрагментов амфор, лепных и гончарных сосудов. Амфоры (21% от общего числа керамики) представлены фрагментами двуручных круглодонных сосудов так называемого салтовского типа, с характерным бороздчатым туловом красновато-оранжевого цвета, иногда со светлым ангобом на внешней поверхности (рис. 1, 36—38; 2, 20). Широко распространенные в Крыму и Подонье, они встречаются на волынцевских и роменских памятниках и датируются VIII—IX вв.³

Доля гончарной керамики в комплексе культурного слоя выше, чем на других поселениях волынцевского типа⁴, и достигает 22%. Половину определимых форм составляют горшки волынцевского типа с высоким прямым венчиком, плечистым туловом и узким дном, изготовленные из хорошо отмученной глины с примесью мелкого кварцевого песка, с гладкой поверхностью, часто украшенной сплошным лощением, сеточкой или полосами пролощенных линий. Наряду с лощением для орнаментации широко использовались в разных сочетаниях отпечатки гребенчатого штампа, углубленные прямые и волнистые линии. Диаметр горла подобных горшков колеблется от 15 до 23 см (рис. 1, 32, 33; 2, 17, 18).

Ко второму типу относятся открытые круглодонные миски-сырницы с отверстиями в нижней части и уплощенным сверху, выступающим внутрь сосуда венчиком — характерная форма для поселений волынцевского типа, где они встречаются не только в гончарном, но и в лепном варианте (рис. 2, 19).

Лепная посуда представлена фрагментами с обильной примесью крупного шамота в тесте, с шероховатой грубой поверхностью. Они принадлежат горшкам с отогнутыми венчиками и сковородкам с высоким бортиком. Срез венчика горшка и край бортика сковородки нередко орнаментированы пальцевыми вдавлениями с отпечатком ногтя или без него, оттисками боковой стороны круглой палочки. На нижней стороне массивных шероховатых дниц иногда встречаются отпечатки круглых зерен и мякины. К такой керамике относится половина всех лепных фрагментов из культурного слоя, однако сковороды с высоким бортиком составляют только пятую часть всех определимых сковородок и дисков, а горшки с отогнутым венчиком — одну треть всех определимых лепных горшков. Внутри этой группы половина общего количества сосудов орнаментирована. Несмотря на фрагментарность материала, определение культурной принадлежности первой группы не вызывает сомнений. Подобная кера-

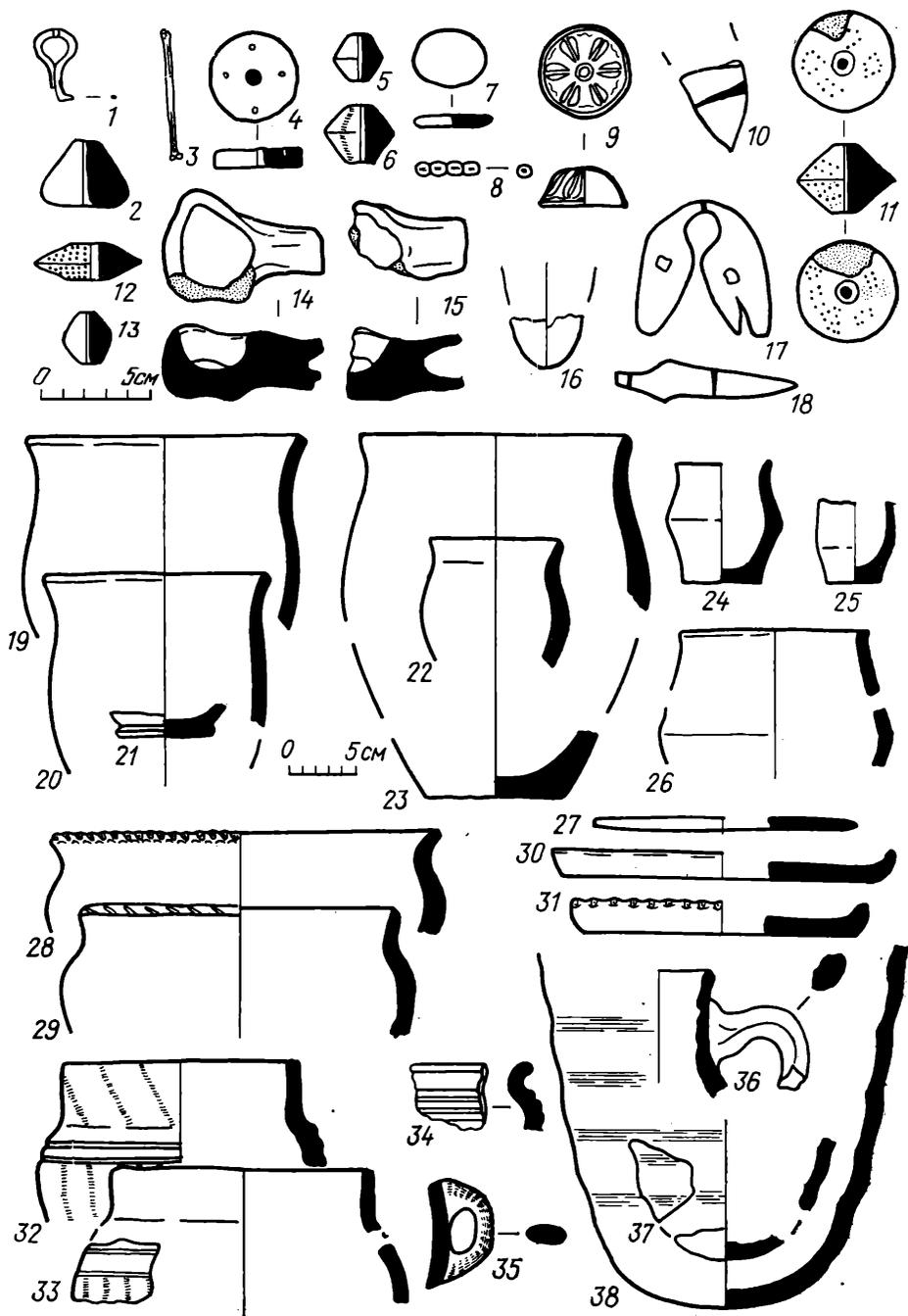

Рис. 1. Находки на поселении Вовки

1—3 — яма 41; 4—6, 23 — жилище I; 7, 8, 29—31 — жилище II; 9—21, 26—28, 32—38 — культурный слой; 22 — жилище IV; 24 — яма 17; 25 — яма 29; 1, 9 — бронза; 2, 5—7, 11—16 — глина; 3, 4 — кость; 8 — стекло; 10, 17, 18 — железо; 19, 20, 22—31 — лепная керамика; 21, 32—35 — гончарная керамика; 36—38 — амфоры

мика является основной составляющей керамического комплекса волынцевских памятников.

Очевидно, к волынцевскому комплексу керамики принадлежит и какая-то часть округлобких и биконических сосудов и дисков, характерных для позднего этапа пеньковской культуры. Керамика пеньковского облика обнаружена в слое и жилищах Волынцева⁵, Ходосовки, Роища, где она входит в состав керамического комплекса волынцевского типа.

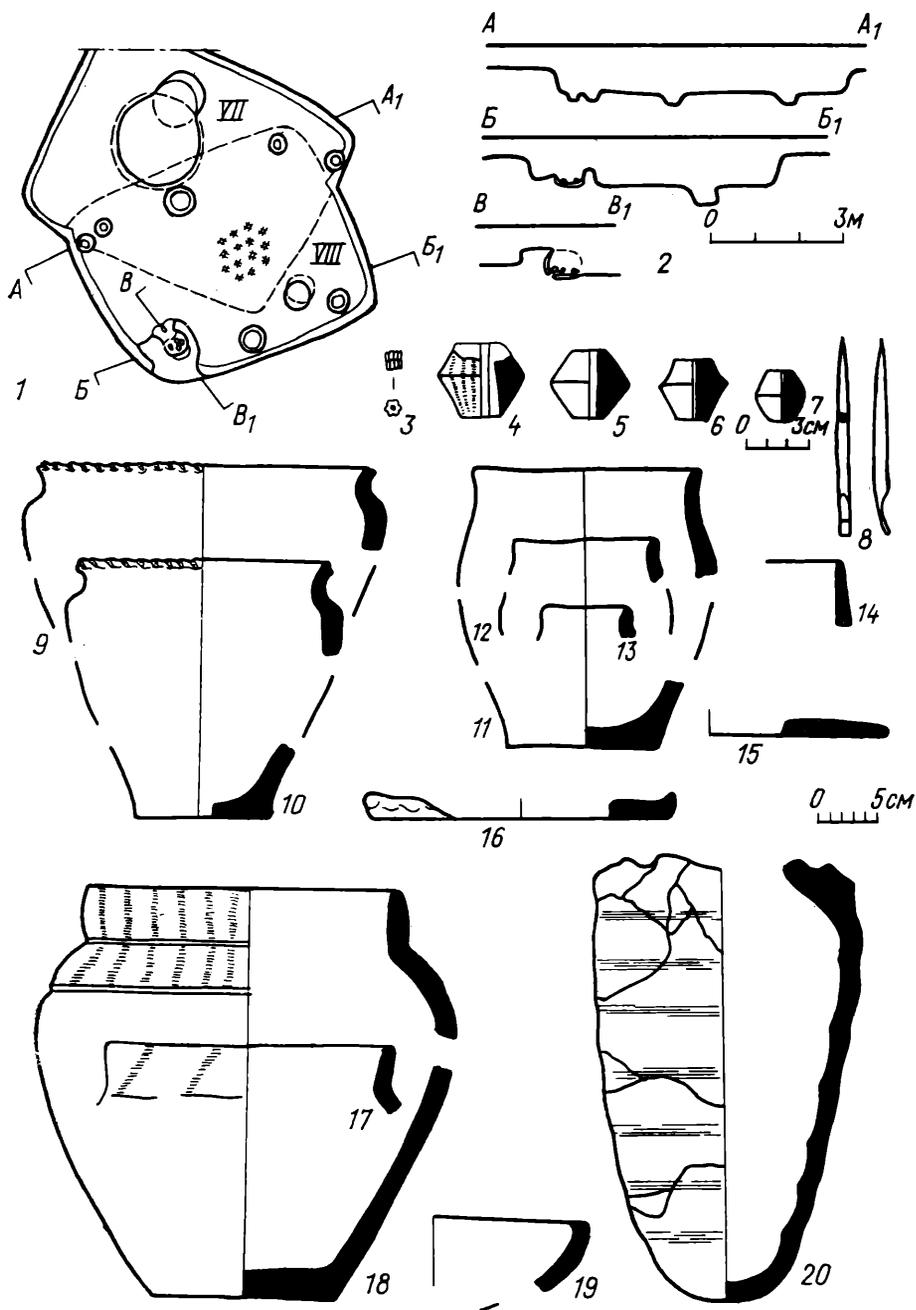

Рис. 2. Жилища VII и VIII

1, 2 — план и разрезы; 3 — бусина; 4—7 — пряслица; 8 — острие; 9—20 — керамика; 3 — стекло; 4—7, 9—20 — глина; 8 — железо

Фрагменты такой посуды найдены и на полу жилищ волынцевского периода Вовков (рис. 1, 22, 23, 27; 2, 11—15). Однако в волынцевских жилищах не обнаружено ранних тюльпановидных форм, а единственный гончарный фрагмент черняховского сосуда извлечен из потревоженного заполнения жилища I.

Кроме керамики, в культурном слое поселения обнаружены глиняные биконические и округлобокие пряслица (рис. 1, 13), грузики, керамические бусы, точильные камни и терочки. Привлекает внимание группа находок из центральной части поселения, в которую входят три фрагмен-

тированных тигля, одна целая и две разбитые глиняные льячки (рис. 1, 14—16) и два кусочка бронзового шлака. Эти находки указывают на существование на поселении бронзолитейного дела. О сельскохозяйственных занятиях населения свидетельствуют находки обломка пахотного орудия (рис. 1, 10) и части крупного каменного жернова со следами сработанности с внутренней стороны. Кроме того, в культурном слое найдены железное ушко кочевнического котла (рис. 1, 17) и бронзовая полусферическая бляшка с отверстием, украшенная изображением листьев (рис. 1, 9). В хозяйственной яме 41 вместе с глиняным пряслищем обнаружены подвеска-амулет из длинной пястной кости зайца (рис. 1, 3) и бронзовый крючок для крепления лука к ноге во время верховой езды (рис. 1, 1). Эти типы характерны для салтовской культуры второй половины VIII — начала IX в.⁶ Вместе с амфорами они позволяют суммарно датировать волынцевский горизонт поселения VIII — началом IX в.

Все жилища, относящиеся к волынцевскому времени, — полуземляночные.

Жилище I размерами 5,2×3,6 м, глубиной 0,3 м в северо-восточной части разрушено погребениями XIX в. Оно имело ровный материковый пол с одной неглубокой ямой возле северо-восточной стены. От печи сохранился лишь глиняный валеk из свода. В заполнении встречены также одно целое и три фрагментированных глиняных биконических пряслица, одно из которых украшено полосами ногтевых царапин; цилиндрический глиняный грузик; круглая костяная накладка со сквозным отверстием в центре; ребро животного со следами сработанности (рис. 1, 4—6). Керамика представлена 32 фрагментами лепной и гончарной посуды. Гончарные фрагменты амфор и горшков волынцевского типа составляют треть всей керамики, кроме них встречен один фрагмент черняховского сосуда. Восстанавливается лепной округлобокий горшок пеньковского типа (рис. 1, 23).

Жилище II, частично нарушенное поздним перекопом, было квадратным, площадью 16 кв. м и глубиной 0,2 м. Оно ориентировано углами по сторонам света. Пол ровный материковый. С жилищем связывается столбовая яма в середине юго-западной стены. По-видимому, в южном углу жилища находилась печь, от которой сохранились лишь три глиняных валька свода и остатки жаровни с высоким бортом, а также фрагменты толстого керамического диска с отверстием в центре. В заполнении обнаружены четырехчастная голубая стеклянная бусина и миниатюрная глиняная лепешечка (рис. 1, 7, 8). Из 30 фрагментов керамики пять принадлежат красноглиняным амфорам, шесть — гончарным сосудам волынцевского типа. В лепной керамике наиболее выразительно представлены фрагменты лепных горшков, украшенных по венчику пальцевыми вдавлениями или отпечатками сломанного конца щепочки, и две сковородки с высоким бортиком (рис. 1, 29—31).

Жилищем IV частично перекрыто более раннее жилище V. Площадь жилища IV составляла примерно 16 кв. м, глубина — 0,3—0,4 м. Жилище ориентировано по сторонам света, в его северо-западном углу находилась вырезанная в материковом останце печь размерами 1,8×1,2 м. Устье печи развернуто на восток, стенки овальной топки и под обмазаны глиной. В заполнении печи обнаружены конусы от свода и фрагменты жаровни с высоким бортом. Около печи и в центре противоположной стены находились столбовые ямы. Кроме обломка глиняного пряслица, в жилище найдено девять фрагментов гончарных и лепных сосудов, причем два принадлежат небольшим округлобоким горшочкам со слабоогнутым венчиком (рис. 1, 23).

Жилища VII и VIII близки по размерам и планировке, их пол лежит на одном уровне (рис. 2, 1, 2), находки однотипны. Возможно, перестройка жилища VII была связана с разрушением печи, следы которой отмечены в виде развала обожженной глины, и между периодами обитания в жилищах VII и VIII не было значительного временного разрыва. Оба жилища имели столбовую конструкцию, в полу были вырыты хозяйст-

венные ямы. Основная масса находок происходит из жилища VIII: два точильных бруска, пряслице, ребра животных со следами сработанности, железное орудие, бронзовый шлак, кусочек пластины из перламутровой раковины и выразительная коллекция керамики, в том числе маленькая амфора (рис. 2, 5—20). В жилище VII найдены бусина (рис. 2, 3), пряслице (рис. 2, 4) и нижняя часть гончарного сосуда волынцевского типа.

Помимо фрагментов сосудов, относящихся к волынцевскому комплексу, в керамике культурного слоя Вовков выделяется группа, принадлежащая к типам, характерным для пеньковской культуры. Это биконические и округлобокие горшки с максимальным расширением в середине тулова, со слабоотогнутым венчиком и без него, а также открытые тюльпановидные сосуды (рис. 1, 19, 20). Они изготовлены из глины с примесью шамота и песка, имеют подглаженную поверхность, не орнаментированы. К пеньковскому керамическому комплексу относятся и диски, плоские или с чуть приподнятым краем. К этой группе принадлежит около половины лепной керамики, причем 40% определенных форм составляют диски, 25% — ребристые сосуды с конической верхней частью, 5% — тюльпановидные и 30% — округлобокие горшки.

Сочетание этих типов пеньковской посуды и находки отдельных фрагментов черняховских гончарных сосудов позволяют связать рассматриваемую керамику с ранним этапом пеньковской культуры, который датируется V — первой половиной VI в.⁷ На днепровском левобережье он представлен такими памятниками, как Жовнин⁸, Сенча, Хитцы⁹. К пеньковскому горизонту Вовков следует отнести миниатюрные сосуды из хозяйственных ям 17 и 29 (рис. 1, 24, 25) и биконические уплощенные глиняные пряслица, украшенные наколами (рис. 1, 11, 12), так как подобные изделия находят многочисленные аналогии на памятниках пеньковской культуры и синхронных им.

Пеньковская керамика равномерно распределяется по площади раскопа. Не обнаружено ни одного комплекса, в котором данная группа керамики была бы встречена в «чистом» виде. По-видимому, с пеньковским горизонтом связано лишь несколько хозяйственных ям, а также полуземляночная постройка V, впоследствии перекрытая тремя ямами и жилищем IV волынцевского времени. Следы отопительного сооружения не сохранились, а в заполнении постройки среди разнородной керамики преобладают фрагменты пеньковских горшков. Встречено дно черняховского сосуда на кольцевом поддоне.

Еще одна группа керамики, которая, как и раннепеньковская, по всей вероятности, не может быть связана с волынцевским периодом исследуемого памятника, происходит из культурного слоя его северо-восточной части. Это мелкие, не дающие представления о форме сосуда фрагменты гончарной керамики ярко-оранжевого цвета с пачкающей поверхностью. Найдены отдельные фрагменты серолощенных округлобокых сосудов, напоминающих керамику пастырского типа, которая до сих пор ни разу не встречалась на поселениях волынцевского типа и относится к более раннему времени. Выделены и не характерные для волынцевских поселений формы гончарной лощеной и нелощеной посуды (рис. 1, 34, 35). Стенки амфор, обнаруженные в этой части поселения, сильно фрагментированы, но по цвету и тесту не отличаются от прочих. Находки керамики с пачкающей поверхностью связываются с постройкой IX, открытой в шурфе в северо-восточной части поселения. Постройку размерами 3,4×3,1 м и глубиной 0,3 м почти полностью перекрыли восемь ям волынцевского времени.

Группа памятников, откуда происходит в основном гончарная керамика, близкая к описанной, открыта разведками Днепровской левобережной экспедиции южнее Полтавы, на реках Голтва и Полуозерье (Белокони, Лаврики, Чередники)¹⁰. По всей вероятности, они представляют собой поселения неславянского населения, которое появляется на этой территории в конце VIII в. О пребывании здесь носителей культуры, близкой салтовской, свидетельствует и гончарный центр в балке Таранов

яр близ с. Мачуха под Полтавой¹¹. На поселении Вовки культурный горизонт, к которому относится постройка IX с салтоидной керамикой, стратиграфически предшествует волынцевскому.

В настоящее время генетическая связь волынцевских памятников с пеньковской и близкими ей культурами третьей четверти I тысячелетия н. э. в Среднем Поднепровье отмечается рядом исследователей¹². Известны поселения (Хитцы, Обухов II), на которых горизонт волынцевского типа представляет один из этапов развития памятника и связан с предшествующими горизонтами третьей четверти I тысячелетия н. э.¹³ В то же время привозные салтовские вещи и характерная гончарная чернолощенная керамика являются отличительными чертами славянских в своей основе памятников волынцевского типа. Поселение Вовки — пока единственный памятник, где волынцевскому горизонту предшествует культурный горизонт салтоидного облика, представленный постройкой IX и относящийся, по-видимому, к концу VII — первой половине VIII в. Пеньковские материалы Вовков принадлежат первому этапу пеньковской культуры V — первой половины VI в., и поселение этого времени, по всей вероятности, топографически не вполне совпадает с волынцевским. Исследование малоизвестных салтоидных памятников Среднего Поднепровья и их связей с синхронными пеньковскими и более поздними, волынцевскими, позволяет уточнить и конкретизировать данные о контактах между славянским и алано-болгарским населением в последней четверти I тысячелетия н. э.¹⁴

¹ Горюнов Е. А. Ранние этапы истории славян днепровского левобережья. Л. 1981. С. 38, 108.

² Горюнов Е. А., Казанский М. М., Пескова А. А., Усова Г. А. Исследования на Полтавщине//АО 1975 г. М., 1976. С. 318; Горюнов Е. А., Казанский М. М. Исследование памятников I тысячелетия н. э. на Полтавщине//АО 1977 г. М., 1978. С. 314.

³ Якобсон А. Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврии. Л., 1979. С. 29—31. Рис. 12; 13, 1—3; Плетнева С. А. От кочевий к городам. М., 1967. С. 129.

⁴ Березовец Д. Т. Слов'яни і племена салтівської культури//Археологія. Київ, 1965, Т. 19. С. 59.

⁵ Сухобоков О. В. Славяне днепровского левобережья. Киев, 1975. С. 33. Рис. 10; Юренко С. П. Исследования раннеславянского поселения у с. Волынцево//АО 1980 г. М., 1981. С. 327, 328. Она же. Работы Волынцевского отряда//АО 1981 г. М., 1982. С. 337.

⁶ Плетнева С. А. От кочевий... С. 144, 149, 154, 172, 173. Рис. 38, 10; 39, 9; 47, 15; Красильников К. И. Изделия из кости салтовской культуры//СА. М., 1979. № 2. С. 87; Генинг В. Ф., Халиков А. Х. Ранние болгары на Волге. М., 1964. С. 48, 49.

⁷ Горюнов Е. А., Казанский М. М. Спорные вопросы изучения пеньковской культуры//КСИА. М., 1981. Вып. 164. С. 14.

⁸ Рутковська Л. М. Дослідження поблизу с. Жовни Черкаської обл.//Археологічні дослідження на Україні в 1969 г. Київ, 1972. Т. 4. С. 224—229.

⁹ Горюнов Е. А. Ранние этапы... С. 56—59.

¹⁰ Горюнов Е. А., Казанский М. М., Усова Г. А. Работы на Полтавщине//АО 1978 г. М., 1979. С. 320. См. также статью Е. А. Горюнова в настоящем выпуске.

¹¹ Макаренко Н. Е. Археологические исследования 1907—1909 гг.//ИАК. СПб., 1911. Вып. 43.

¹² Горюнов Е. А. Ранние этапы... С. 90; Юренко С. П. Днепровское лесостепное левобережье в VII—VIII вв. н. э.: Волынцевская культура: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Киев, 1983. С. 216.

¹³ Кравченко Н. М. Исследование славянских памятников на Стугне//Славяне и Русь. Киев, 1979. С. 89.

¹⁴ Сухобоков О. В., Юренко С. П. Этнокультурные процессы на территории левобережья Украины в I тысячелетии н. э.//Проблемы этногенеза славян. Киев, 1978. С. 138—140.

ГОРОДИЩА-УБЕЖИЩА ДРЕВНЕЙ КОРЕЛЫ

В изданной в конце прошлого века работе Я. Аппельгрена было названо более 90 древнекарельских укрепленных поселений¹. Дальнейшие исследования показали, однако, что пункты, отмеченные Я. Аппельгреном, далеко не во всех случаях действительно являются памятниками. А. М. Тальгрэн говорит уже примерно о 20 местах в Карелии, где зафиксированы оборонительные сооружения². Таким образом, сведения о наличии памятника в каждом случае требуют проверки³. В 1983—1984 гг. Приладожский археологический отряд Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР обследовал два городища, упомянутых в сводке Я. Аппельгрена, — Сур-Микли и Линнамьяки на о. Мякисало⁴.

На городище Сур-Микли Я. Аппельгрэн раскопал несколько возвышений из песка и камня, не содержавших иных находок, кроме фрагментов белоглиняной керамики, осколков кремня и кварца. Из района д. Микли происходят также две овальновыпуклые фибулы карельского типа⁵.

Памятник находится в Лахденпохском р-не Карельской АССР, к югу от д. Микли, на южном берегу зарастающего озера Киркколампи, и занимает верхнюю площадку берега. С юго-востока и северо-запада к площадке примыкают болотистые низины, так что, возможно, еще в средневековые мыс вдавался в озеро. Сравнительно легкий подъем возможен лишь с востока. Верхняя площадка размерами 70×30—40 м имеет овальные очертания и вытянута по линии северо-запад — юго-восток. На южном и восточном краях этой площадки отчетливо виден местами задернованный развал основания стены из валунного камня. Кладка сильно разрушена, кое-где полностью разобрана или намечена отдельными сохранившимися камнями. Лишь некоторые валуны остались уложенными в несколько рядов без связующего раствора, но и там высота кладки не превышает полуметра. Проем въезда на городище, отмеченный на плане Я. Аппельгрена в юго-восточной части стены⁶, в настоящее время не прослеживается. При строительстве укреплений были использованы оборонительные качества местности. У юго-западного края площадки каменная кладка прослеживается только в ложбине между двумя уступами высотой около 2 м, служащими ее естественными продолжениями. По всей вероятности, здесь кладка сnivelировала поверхность, по которой проходили деревянные укрепления (рис. 1).

На площадке городища и на небольшой примыкающей с востока лежащей ниже терраске за пределами развала укреплений был зафиксирован серый слой слабогумусированной супеси мощностью 5—15 см, концентрировавшийся в основном в естественных западинах. Два небольших разведочных раскопа общей площадью 56 кв. м показали, однако, что этот слой отложился позднее времени функционирования городища. Вещевые находки на всей раскопанной площади представлены лишь кремешком от огня (раскоп I) и десятком фрагментов близкой к современности керамики с поливой (раскоп II). В раскопе I, заложенном в самой высокой части площадки, в двух местах вскрыты каменные кладки аморфных очертаний, залегающие в принесенном со стороны светлом песке с примесью отдельных угольков. Поскольку эти разрушенные сооружения, аналогичные исследованным Я. Аппельгреном восьми «холмам», не были перекрыты слоем серой супеси, можно с уверенностью сказать, что и они не связаны с оборонительными сооружениями.

Сохранившиеся остатки каменных оснований стен не позволяют сомневаться в том, что здесь некогда располагалось городище, но его следует отнести к числу редко использовавшихся убежищ.

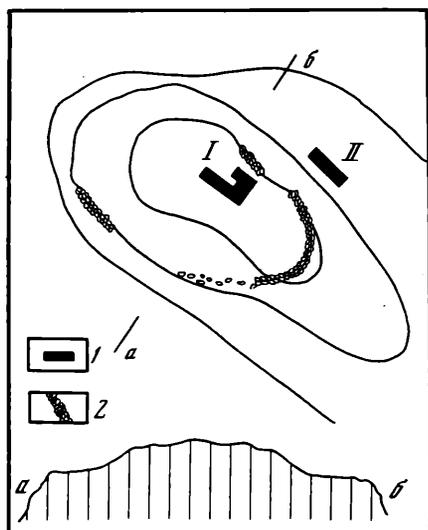

Рис. 1. План и профиль площадки городища Сур-Микки

1 — остатки оборонительных сооружений;
2 — раскопы

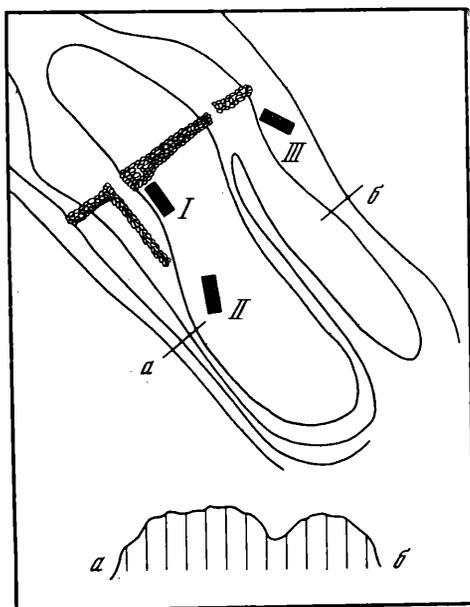

Рис. 2. План и профиль площадки городища Линнамяки

Условные обозначения см. рис. 1.

Остров Мякисало расположен в Ладожском озере, в 1,5 км от устья р. Янисйоки (Питкярантский р-н Карельской АССР). Городище находится в юго-восточной части острова, на высоком берегу с характерным названием Линнамяки — «Городищенская гора». С юга и юго-востока подножие омывается озером. Наиболее пологим является северный склон, остальные очень круты или отвесны, покрыты каменистыми осыпями. Памятник занимает верхнюю площадку размерами 50×25—35 м. Площадка неровная, сильно пересеченная западинами и уступами. Со стороны северного пологого склона она защищена стеной, сложенной насухо из крупных валунных камней. Высота сохранившейся части кладки колеблется от 1 до 2 м, ширина — 3—4 м, длина — 38 м. В 7 м от восточной ее оконечности зафиксирован проход шириной 1,5 м, в 9 м от западной — другой проход шириной 2 м. В этом месте от основной линии укреплений перпендикулярно отходит еще один отрезок стены длиной 23 м, служивший дополнительным укреплением у основного въезда на городище. С востока к этому второму проходу примыкает прямоугольное расширение стены размерами 7,3×4,5 м. В этом месте остатки оборонительных сооружений сохранились на высоту 1,7 м. Данное расширение кладки можно, видимо, интерпретировать лишь как каменное основание привратной башни. С севера к проему основных ворот подходит заметный на глаз расчищенный от камней въезд на городище (рис. 2).

Заложенные в трех местах разведочные траншеи размерами 6×2 м показали, что культурный слой отсутствует. Только в центральной части площадки в траншее II в западине было выявлено пятно слоя серой супеси с примесью угольков, имевшего мощность до 15 см. У южного угла той же траншеи отмечена уходящая в стенку яма диаметром 80 см и глубиной до 30 см от дневной поверхности, в заполнении которой встречены углистые прослойки и небольшой камень со следами пребывания в огне. Возможно, мы имеем дело с остатками очага. Никаких находок все три траншеи не содержали.

Оборонительные сооружения городища Линнамяки отличаются от других известных нам памятников такого рода сравнительно хорошей сохранностью и определенной усложненностью. Я. Аппельгрэн называет

его самым высоким среди других известных ему⁷. Прямоугольное расширение стены у основного въезда на городище заставляет предполагать наличие в этом месте башни, что не имеет аналогий на карельских городищах. Стенка из валунов, отходящая под прямым углом от основной линии укреплений и идущая параллельно уступу, функционально может быть определена как захаб — коридор, позволявший на протяжении нескольких метров держать под обстрелом прорвавшегося в крепость противника. Заметим, что и вторые ворота в стене приурочены к коридорообразной ложбине. Из всех осмотренных Я. Appelgrenом пунктов нечто подобное было отмечено им лишь на остатках стен в Мантеренлинна близ современного города Хяменлинна в Финляндии, но там каменные кладки коридоров при проемах сложенных из валунов стен короче и гораздо менее выразительны⁸. С другой стороны, на северо-западе Руси башни, включенные в оборонительную систему стен, появляются в XIV в.⁹, а захабы В. В. Косточкин рассматривает как характерную особенность северорусского военного зодчества XIV в.¹⁰ Исходя из этого, можно со значительной долей уверенности говорить, что при сооружении укреплений на о. Мякисало были использованы достижения оборонительного зодчества новгородско-псковских земель. Конструктивные особенности укреплений Линнамяки дают косвенные данные и для датировки памятника: городище, по-видимому, возникло не ранее середины — второй половины XIV в.

В 1364 г. по указанию посадника Якова был построен каменный «костер» в крайнем северо-западном форпосте Новгородской земли — в городе Кореле¹¹. Остатки этой башни, возведенной артелью новгородских каменщиков, исследованы А. Н. Кирпичниковым¹². Можно предположить, что именно каменная башня Корелы послужила прототипом фортификационных сооружений городища на о. Мякисало, построенных в характерной местной технике и с традиционным учетом оборонительных свойств рельефа. Правда, судя по данным, полученным в ходе раскопок, «костер» посадника Якова не был воротным, а располагался на углу крепостных стен.

Обследование городищ Сур-Микли и Линнамяки показало, что оба памятника были убежищами, использовавшимися редко и на короткий срок военной опасности. В противоположность таким укрепленным поселениям, как Тиверское городище на Карельском перешейке, городище Паасо под г. Сортавала, они не имели застройки и не были приспособлены для длительной обороны.

¹ *Appelgren H. Suomen muinaislinnat// SMYÄ. Helsinki, 1891. Т. XII. С. 91—180. N 208—302.*

² *Tallgren A. M. Suomen Karjalan rautakaudesta//Karjalan Kirja. Porvoo; Helsinki, 1932. P. 2. S. 173, 174.*

³ *Кочкуркина С. И. Памятники типа Линнавуори в Карелии//Скандинавский сб. Таллин, 1975. Вып. 20. С. 167—172. Обзор литературы по этому вопросу см.: Кочкуркина С. И. Археологические памятники корелы V—XV вв. Л., 1981. С. 119—123.*

⁴ *Appelgren H. Suomen muinaislinnat. S. 162—164, 178—179. N 279, 296.*

⁵ *Кочкуркина С. И. Археологические памятники корелы. С. 116. № 185.*

⁶ *Appelgren H. Suomen muinaislinnat. K. 155.*

⁷ *Ibid. S. 179.*

⁸ *Ibid. S. 35. N 66. K. 17.*

⁹ *Раппопорт П. А. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X—XV вв.// МИА. М.: Л., 1961. № 105. С. 144; Косточкин В. В. Русское оборонное зодчество конца XIII — начала XVI в. М., 1962. С. 95—101.*

¹⁰ *Косточкин В. В. Русское оборонное зодчество... С. 261—264.*

¹¹ *ПСРЛ. СПб., 1889. Т. XVI. Стб. 90.*

¹² *Кирпичников А. Н. Башня посадника Якова в средневековой Кореле//Древняя Русь и славяне. М., 1978. С. 352—358.*

ГОРОДИЩЕ У С. ДУБРОВЫ

В 1976 г. в результате археологической разведки в Новоржевском р-не Псковской обл., в 0,5 км к западу от с. Дубровы, обнаружено и обследовано безымянное городище (рис.).

Городище, площадка которого имеет размеры около 24×17 м, расположено на северном краю песчаной гряды, тянущейся к югу. Севернее городища находится болото. По краю площадки проходит насыпной земляной вал высотой от 1 до 3 м. На площадку ведут два въезда —

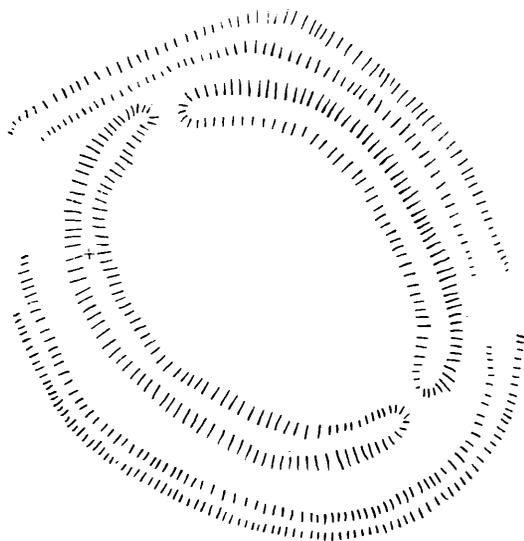

Рис. План городища у с. Дубровы
Крестиком отмечен шурф

с северо-западной и юго-восточной сторон. Вокруг городища — ров, имеющий с юго-востока, т. е. там, где он отделяет городище от продолжения гряды, глубину до 2,5 м при ширине до 4,5 м. Высота над уровнем болота — от 10 до 20 м. Вдоль всего вала видна траншея военного времени.

Площадка городища имеет овальную форму, повторяя очертания холма, ее центральная часть значительно выше краев. Культурный слой на площадке, по-видимому, отсутствует. Подъемный материал не встречен. Шурф, заложенный в восточной части вала, на его гребне, обнаружил в желтом насыпном песке угли — возможно, остатки сгоревших деревянных конструкций.

На огородах с. Дубровы найдена керамика, относящаяся к XIV—XVI вв. На сельском кладбище имеются каменные кресты архаической формы, также, вероятно, XIV—XVI вв. Видимо, поселение существовало здесь уже с XIV в. Можно предположить, что укрепленный городок у с. Дубровы служил для окрестных жителей убежищем на случай опасности.

На юго-западе Псковской обл., в бывшем Опочечком уезде, имеется еще несколько аналогичных укрепленных пунктов: Мокрая, или Екатерининская горка, с остатками насыпных валов¹, Савкина горка², Синичья горка и др. Городище у с. Дубровы расположено неподалеку от псковских пригородов: от Коложе — в 10 км, от Воронича — в 20 км.

¹ Софинский Л. И. Город Опочка и его уезд в прошлом и настоящем. Псков. 1912. С. 8.

² Белецкий В. Д. Археологические работы на территории Пушкинского заповедника//АО 1971 г. М., 1972. С. 28.

НОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ НА ТЕРРИТОРИИ МОСКВЫ

(по материалам разведок 1977—1978 гг.)

Изучение культурного слоя Москвы сопряжено с большими трудностями, вызванными длительной историей градостроительства. Тем не менее, обследование берегов Яузы и некоторых других рек позволяет выявить новые памятники, в том числе восходящие к домонгольскому времени.

Сплошному обследованию было подвергнуто нижнее течение Яузы, от ее устья до пересечения с Ярославской железной дорогой.

Первый археологический объект в бассейне Яузы — Таганский холм (Вшивая горка), где в 1946—1947 гг. Институтом истории материальной культуры совместно с Музеем истории и реконструкции Москвы и Государственным историческим музеем проведены большие исследования. Материалы их опубликованы¹.

Нами осмотрены выходы культурного слоя в строительных шурфах близ церкви Николая Мученика. Слой был перемешан и прослеживался на всю глубину шурфов (до 2 м). Выявлено значительное количество фрагментов керамики, в том числе красной и подлощенной XIV—XV вв.

Обследован район ул. Обуха (б. Воронцово поле) близ правого берега Яузы. Название Воронцово поле может быть связано с землевладением боярского рода московских тысяцких: Федор Воронец — брат московского тысяцкого Василия Васильевича Вельяминова (XIV в.)². Чтобы иметь основания связать данный район с землевладением этого боярского рода, важно археологически датировать здесь наиболее ранние культурные напластования. Многочисленные обследования великокняжеских и боярских сел Московской земли XIV в. убеждают нас в том, что наиболее древний культурный слой этих памятников (но не древнее XIV в.) следует искать близ церквей, если они сохранились. В районе ул. Обуха имеются две церкви. Одна из них находится близ западного конца улицы, в примыкающем к ней Николоворобьинском переулке, который составлял территорию бывшего села Воробино. Село получило название не раньше середины XVII в., когда здесь располагалась стрелецкая слобода полка Данилы Воробина³, а до того местность называлась Гостиной горой (церковь Николая на Гостиной горе 1627 г.), которая до сей поры сохранилась в северо-восточном конце Николоворобьинского переуллка. На противоположной стороне переуллка и чуть южнее, между домами 8 и 10, имеется съезд. К северу от этого съезда наблюдается резкое повышение незастроенной поверхности внутреннего двора по направлению к северу. При зачистке образовавшегося здесь обнажения выявлен культурный слой, достигающий мощности 1,5 м. Слой в значительной степени потревожен. Встречены фрагменты черной лощеной керамики, белой керамики XVI в., печных расписных изразцов XVII в., обломок белоглиняного мундштука курительной трубки, а также фрагменты красной московской керамики XIV—XV вв.

Другая церковь располагалась в восточной части ул. Обуха, на месте Музея искусств народов Востока. Это церковь Ильи на Воронцовом поле, «под сосною», упоминаемая в Московском летописном своде под 1476 г.⁴ В 1702 г. эта церковь была построена вновь⁵, в ее здании и размещается ныне Музей. Здесь, в музейном дворе, в 27 м от здания Музея, нами был заложен шурф размерами 1×1 м. Общая мощность культурных напластований достигала 2,4 м. Шурф содержал необыкновенное обилие вещевого материала: 13 индивидуальных находок, четыре целых (реставрированных) сосуда, много фрагментов изразцов, помадных банок, стеклянных бутылей и штофов XVII—XVIII вв., а также огромное

количество керамики. Такая насыщенность слоя объясняется тем, что шурф прорезал постройку второй половины XVII—XVIII в., захватив развал печи и подпол-погреб глубиной до 1,5 м с соответствующим инвентарем. Развал печи появился на глубине 0,7—0,74 м в юго-западном углу шурфа. Он состоял из обожженной глины с добавкой обломков кирпича и имел мощность 8—12 см. В его толще встречено около десятка фрагментов поливных рельефных полихромных изразцов. По сюжетным композициям (растительный орнамент) и цветовой гамме они наиболее близки изразцам московской церкви Николы в Столпах (1669 г.)⁶, что и служит одним из оснований для датировки постройки. Под развалом печи, на глубине 0,9—1 м, обнаружен настил досок, имеющих толщину 2—3 см при ширине 13—14 см — видимо, это остатки пола жилища. Настил опирался на лагу, расположенную перпендикулярно направлению досок. Край лаги крепился в вертикально поставленный столб диаметром 22 см. На уровне настила найдена серебряная булавка длиной 2,7 см с напаянной головкой, чуть выше настила — полушка 1734 г. Керамика, обнаруженная в этом слое, представлена фрагментами мореных и чернолощенных сосудов, а также единичными обломками красной московской керамики XIV—XV вв.

Культурный слой пластов, лежащих ниже, связан с заполнением подпольной части погреба постройки. Из находок, обнаруженных здесь, следует отметить монету 1760 г. (Елизаветы Петровны), определяющую верхнюю дату бытования постройки, костяную шахматную фигурку (пешка), железный нож. Интересна архитектурная известняковая деталь (глубина 1,85 м), имеющая вид части усеченного конуса высотой 0,23 м со сквозным цилиндрическим отверстием в центре (рис., 1). По заключению архитектора М. Б. Чернышева, эта деталь могла представлять собой часть верха каменной главки под купольным шаром старой белокаменной церкви Ильи. Здесь же найдены три стеклянных флакончика неизвестного назначения (рис., 2).

Необычна насыщенность пластов фрагментами керамики — серой мореной, белоглиняной, иногда с пятнами ангоба, чернолощенной, а также обломками водолеев. Удалось реставрировать сосуды нескольких форм: красноглиняную позднюю ложеную миску (рис., 3), красноглиняный поздний сосудик (рис., 4), белоглиняный горшок (рис., 5) и светлоглиняную крышку. На дне погреба оказалось большое количество фрагментов стеклянных штофов и бутылей, иногда с иностранными клеймами.

Таким образом, частично исследована богатая постройка второй половины XVII—XVIII в. В XVII в. Воронцово принадлежало воспитателю царя Алексея Михайловича и его ближнему боярину Б. И. Морозову⁷. К концу века село стало сливаться с городскими постройками, а в первой половине XVIII в. образовалась улица, называвшаяся по церкви Ильинской, на которой среди прочих стояло шесть дворов знати (графа Ф. И. Головина, адмирала Н. Ф. Головина, князя Гагарина и др.)⁸. Не исключено, что кому-нибудь из них и принадлежала постройка, открытая раскопками.

Единичные фрагменты красной московской керамики XIV—XV вв., оказавшиеся в шурфе, свидетельствуют о том, что постройка, по-видимому, нарушила культурные напластования предшествующего времени и переотложенный материал попал в заполнение сооружения после его разрушения. Во всяком случае имеются основания связывать село Воронцово с землевладением Федора Воронца.

Обследована была территория Андроникова монастыря, расположенного при впадении ручья Золотой Рожок в Язу, на левом ее берегу. Монастырь был основан во второй половине XIV в. митрополитом Алексеем⁹. Осмотр территории внутри монастыря показал, что почти повсюду на поверхности имеется строительный мусор в виде кирпичного щебня и кусков раствора, оставшихся от строительства основных построек монастырского комплекса XVI и XVII вв. Культурный слой до глубины 1,7—1,8 м почти полностью перекопан¹⁰. По внутреннему периметру мо-

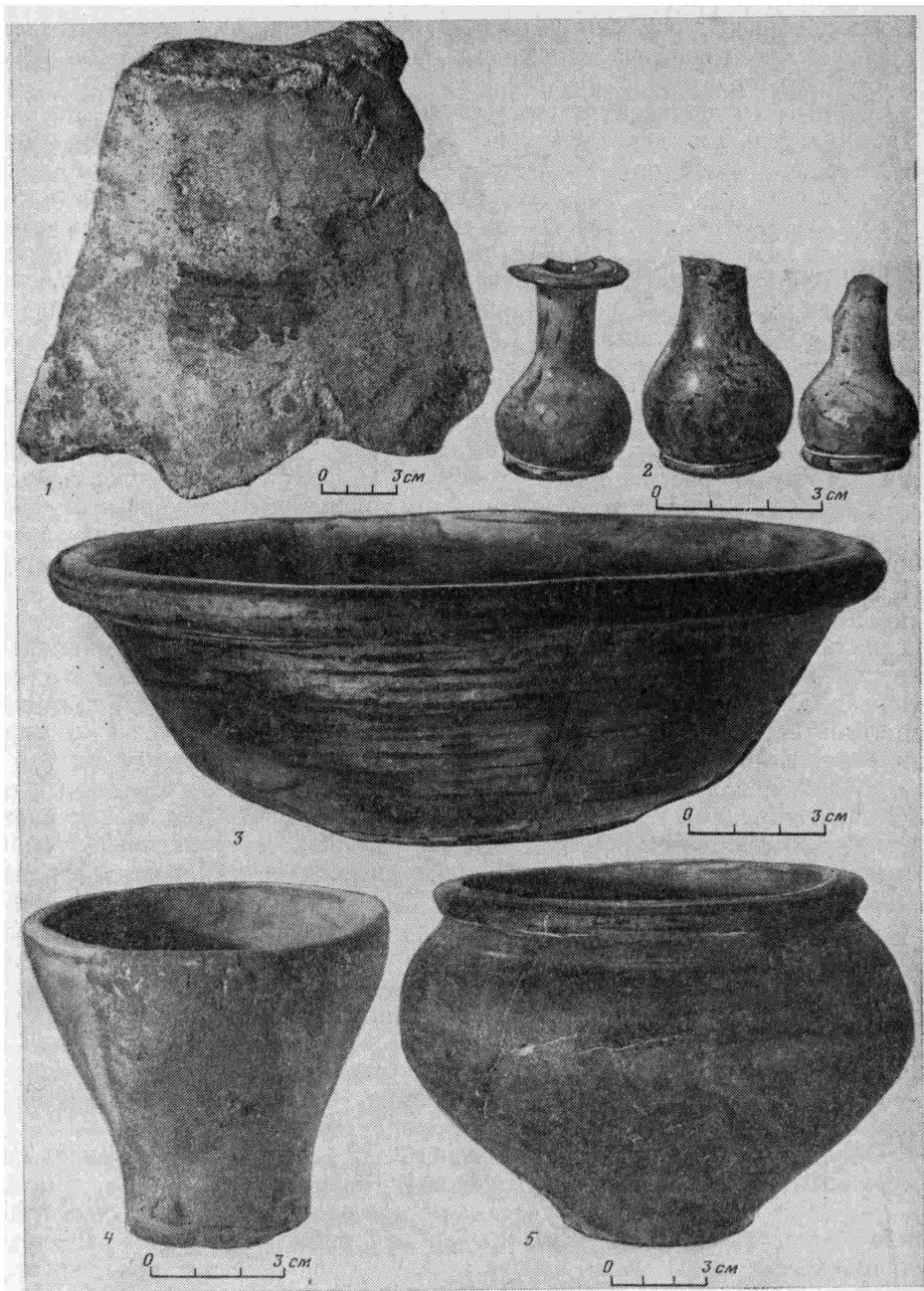

Рис. Находки из шурфа во дворе Музея искусств народов Востока

1 — архитектурная деталь; 2 — стеклянные флакончики; 3 — красноглиняный подлощенный сосуд; 4 — красноглиняный сосудик; 5 — белоглиняный сосуд

настырских стен уложено большое количество могильных плит преимущественно XVII в., взятых с захоронений на территории монастыря. Все это говорит о том, что участок внутри монастырских стен имеет весьма значительные, если не сплошные, нарушения культурного слоя. Вследствие этого шурфовка здесь не производилась.

В 0,5 км к северу от Андроникова монастыря, на левом берегу Яузы и на правом берегу ручья Золотой Рожок, на высокой береговой террасе располагается парк бывшей Строгановской дачи. Здесь имеется груда переотложенной земли, представляющая, по словам местных жителей

выброс, образовавшийся при прокладке траншеи. Эта земля является культурным слоем со значительным количеством керамики домонгольского времени.

Вблизи этого места заложен шурф размерами 1×1 м. Он показал, что значительная часть культурного слоя, до глубины 0,28 м, перекопана и аморфна. Ниже прослеживается строительный слой мощностью 5—7 см (битый кирпич, известняковая крошка), связанный, видимо, со строительством Строгановской дачи или ее ограды. И лишь самый нижний слой мощностью 0,22—0,3 м не потревожен и может быть датирован домонгольским временем. Встречены также фрагменты красной московской керамики XIV—XV вв. Приблизительная площадь распространения этого культурного слоя около 1,7 тыс. кв. м. Ближе к краю склона мощность перекопанного верхнего слоя превышает 1 м.

На участке от Строгановской дачи до ул. Электрозаводская выходов древнего культурного слоя проследить не удалось.

В районе ул. Электрозаводская, на левом берегу Яузы, южнее Хапиловского ручья, взятого ныне в трубу, М. Н. Тихомировым локализовано древнее село Семеновское¹¹, которое по топонимическим данным можно связывать с землевладением Семена Жеребца — старшего сына известного боярина XIV в. Андрея Ивановича Кобылы¹². По сведениям П. В. Сытина, здесь, на нынешней площади Журавлева, стояла деревянная церковь Введения, которая в 1728 г. сгорела, а новая была построена ближе к ул. Большая Семеновская¹³. Место бывшей кирпичной церкви Введения выявлено. Она располагалась на восточной стороне Первого Электрозаводского переулочка и была разрушена в 1977 г. в связи со строительством. Здесь, в 28 м к юго-востоку — востоку от руин церкви, заложен шурф размерами 1×1 м. В верхних пластах, до глубины 1 м, идет слой, отложившийся в результате строительства, насыщенный обломками кирпичей и материалом XVIII—XIX вв. В этом слое найдены деталь наборной костяной рукояти, две глиняные курительные трубки Петровского времени. Ниже проходит интенсивно темный культурный слой, иногда переходящий в древесный тлен. Затем характер слоя меняется: к серому культурному слою всюду примешан песок, встречается и битый кирпич. Общая мощность культурного слоя достигает 1,5 м. В целом материалы древнее XVIII в. не найдены. По-видимому, надо согласиться с П. В. Сытиным, что происхождение названия села Семеновское связано со строительством в конце XVII — начале XVIII в. церкви Симеона Столпника и с Семеновской солдатской слободой (по Семеновскому солдатскому полку Петровского времени)¹⁴. Таким образом, к боярским селам XIV—XV вв. это место отношения не имеет.

Обследована территория современной ул. Большая Черкизовская, пересекающей Хапиловский ручей. Между домами 9 и 11 произведена зачистка (протяженность 1 м) участка стенки одной из строительных траншей. Мощность слоя достигала 1,4 м. Слой сильно перемешан. Встречены красные изразцы XV в., изразцы XIX в., фрагменты белоглиняной керамики XVI в., мореной XVII в., а также поздний бронзовый крест-тельник.

Выше по Яузе, на ее левом берегу, обследована территория бывшего села Богородское. Сейчас здесь, на высокой береговой террасе Яузы, расположен парк. В нем разбит шурф размерами 1×1 м. Мощность слоя 0,65 м. Слой не потревожен. Встречена красная московская керамика XIV—XV вв. и более поздняя. Площадь распространения культурного слоя — около 45,2 тыс. кв. м. Учитывая материал XIV—XV вв., есть основания отождествлять это место с селом Богородским, упоминаемым в духовной грамоте вдовы князя Серпуховского и Боровского Владимира Андреевича, инокини Евпраксии — княгини Елены Ольгердовны (1433 г.)¹⁵.

Обследовано место расположения пяти курганов, раскопанных М. Г. Рабиновичем на берегу ручья Будайки, впадающего в Яузу¹⁶. Поиски синхронного курганам селища положительных результатов не дали.

Сплошное обследование берегов р. Раменка также почти не обнаружило новых памятников. Открыто лишь селище домонгольского времени к юго-востоку от д. Матвеевское, близ курганной группы 2, раскопанной Г. П. Латышевой¹⁷. Мощность культурного слоя на селище 0,3—0,4 м, площадь его распространения около 4 тыс. кв. м. Территория селища распахивается. На пашне собран обильный подъемный материал — пряслица, стеклянные шаровидные бусы, домонгольская керамика. Ю. В. Волявский открыл селище домонгольского времени близ с. Татарово, на правом берегу Москвы-реки, южнее Серебряного Бора. О происхождении названия села мы узнаем из духовной грамоты великого князя Василия Дмитриевича (1417 г.), где указано соседнее «Крылатское (современное Крылатское) село, што было за татаром»¹⁸. Из духовной грамоты царя Ивана Васильевича IV (1572 г.) видно, что название села стало уже нарицательным — упомянуто село Татарово рядом с Крылатским¹⁹. Обследованное селище домонгольского времени находится по другую сторону ручья. Мощность культурного слоя достигает 0,4 м²⁰. Показательна близость, а не совпадение территорий домонгольского селища и феодального села XIV—XV вв. Такая закономерность выявлена при обследовании многих десятков феодальных сел XIV—XV вв. Ни одно из них не возникло на месте поселения домонгольского времени.

- ¹ Рабинович М. Г. Раскопки 1946—1947 гг. в Москве на устье Яузы//МИА. М.; Л., 1949. № 12. С. 5—43.
- ² Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 215.
- ³ Сытин П. В. Из истории московских улиц. М., 1952. С. 231, 325.
- ⁴ ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 308 и примеч. И. А. Голубцова на с. 447.
- ⁵ Сытин П. В. Из истории... С. 325.
- ⁶ Маслих С. А. Русское изразцовое искусство XV—XIX вв. М., 1976. Репродукции, № 116.
- ⁷ Сытин П. В. Из истории... с. 325.
- ⁸ Там же, С. 326.
- ⁹ ПСРЛ. М., 1965. Т. XI. С. 31, 32.
- ¹⁰ Гириберг В. Б. Отчет археологических наблюдений при прокладке газопровода в Андрониковом монастыре в 1950 г.//Архив ИА. Р. 1. № 501, 502.
- ¹¹ Тихомиров М. Н. Средневековая Москва. М., 1957. С. 196 (карта).
- ¹² Веселовский С. Б. Исследования... С. 141.
- ¹³ Сытин П. В. Из истории... С. 503.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.; Л., 1950. С. 172.
- ¹⁶ Рабинович М. Г. Отчет о раскопках группы курганов у ст. Яуза Северной железной дороги в 1947 г.//Архив ИА. Р-1. № 121.
- ¹⁷ Латышева Г. П. Раскопки курганов у ст. Матвеевская в 1953 г.//Археологические памятники Москвы и Подмосковья. М., 1954. С. 44—48.
- ¹⁸ Духовные и договорные грамоты... С. 58.
- ¹⁹ Там же. С. 442.
- ²⁰ Станюкович А. К. Отчет о комплексных исследованиях на археологических памятниках в Ленинском и Луховицком районах Московской обл., Москве и Анапском р-не Краснодарского кр., проведенных в 1977 г.//Архив ИА. Р-1. № 6801.

М. Д. ПОЛУБОЯРИНОВА

РАСКОПКИ БОГАТОГО ДОМА ЗОЛОТООРДЫНСКОЙ ЭПОХИ В БОЛГАРЕ

В 1982 г. в Болгаре на раскопе LXXXIV (площадь 116 кв. м) исследован большой дом, представляющий интерес по конструкции и составу находок. Он сохранился не полностью. После разрушения дома на его месте было выстроено мощное (10×10,4 кв. м) каменное здание. Остатки дома оказались оконтурены фундаментными рвами этого здания. При строительстве, а еще в большей степени при разборке здания на камень в XVIII—XIX вв. сильно пострадали остатки описываемого дома. Однако сохранившиеся детали позволяют его реконструировать (рис. 1—3).

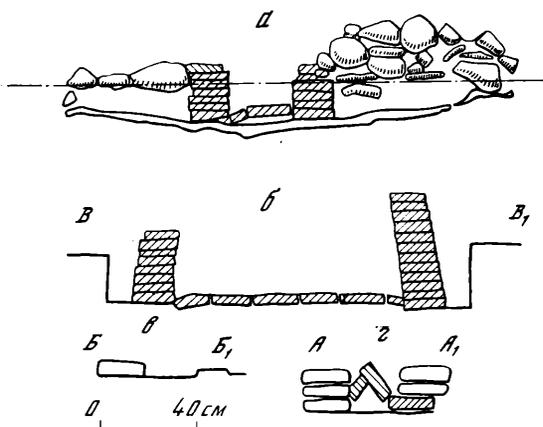
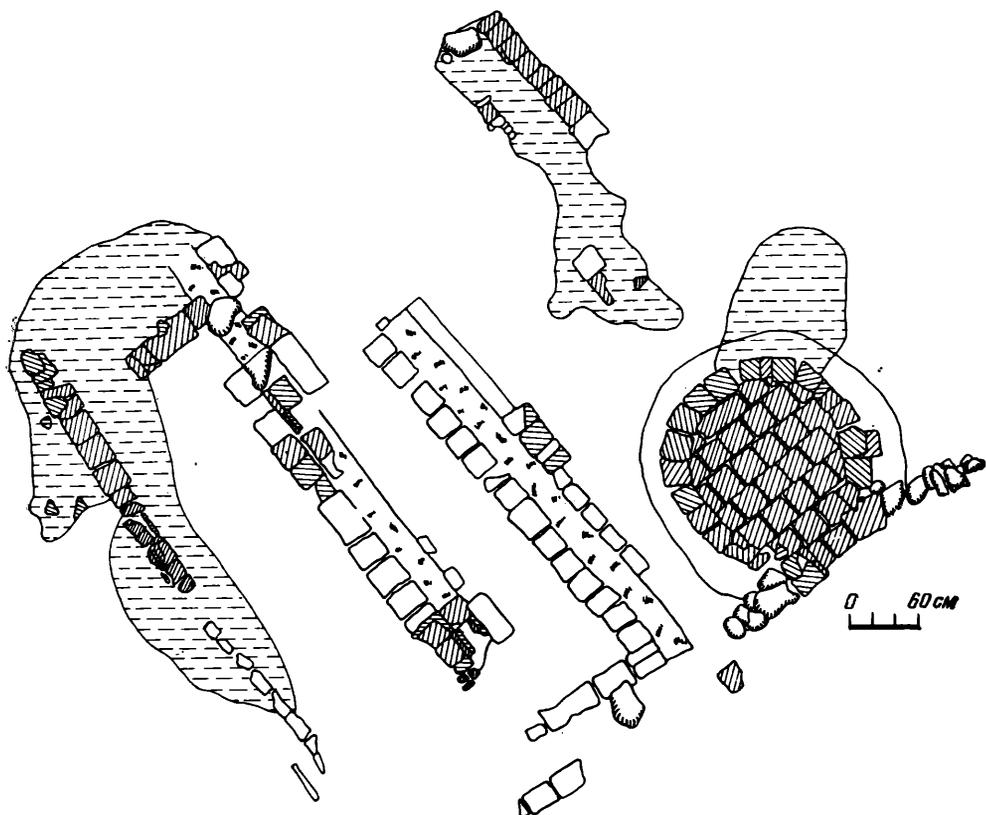

Рис. 1. План раскопа LXXXIV на уровне позднезолотоордынского слоя

1 — перекоп со щебнем; 2 — слой с углем и печивой; 3 — уголь; 4 — глина; 5 — обожженная глина; 6 — камни; 7 — обожженные кирпичи; 8 — сырцовые кирпичи; 9 — раннезолотоордынский слой

Рис. 2. Разрезы отдельных деталей дома

а — устье и топка печи (вид с юго-востока); б — сечение печи по линии В-В₁; в, г — разрезы канавок

Дом занимал площадь $6 \times 6,3$ кв. м и был ориентирован углами примерно по сторонам света. Более или менее четко определяются два угла — северный и западный. Северный угол обозначен крупным камнем. Северо-западная стена не сохранилась, кроме сырцового завала, идущего в направлении к западному углу. Ширина завала 0,6 м, толщина — 0,3 м. Этот же завал продолжается вдоль юго-западной стены на 4,7 м. В разрезе завала местами видны контуры сырцовых кирпичей, лежащих в высоту на три яруса (рис. 4). На длину 2,6 м от западного угла поверх завала сырцового кирпича тянется кладка из обожженных кирпичей — целых и половинок, сохранившихся в высоту до четырех рядов. Продолжение стены сложено из сырцовых кирпичей, местами образующих до

Рис. 3. Общий вид раскопанного дома

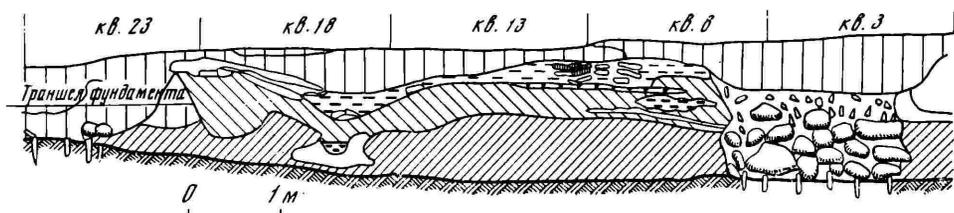

Рис. 4. Восточный профиль бровки север—юг. На границе квадратов 8 и 13 видна кладка из сырцового и обожженного кирпича

Условные обозначения см. на рис. 1

пяти рядов в высоту. Южный угол дома не сохранился. По линии юго-восточной стены зафиксирован только один обожженный и два сырцовых кирпича.

Северо-восточная стена прослеживается на длину 1,5 м в виде кладки из обожженного кирпича в один-два яруса. От кладки внутрь дома, а также в ее продолжение тянется сырцовый завал толщиной до 0,3 м, шириной 0,5—0,8 м, длиной 1,6 м.

Восточный угол дома занят большой кирпичной печью, выходящей устьем наружу, на юго-восток. По обе стороны от устья, ограниченного столбами из кирпича, имеются стенки, сложенные из рваного камня на глиняном растворе, длина которых 1 и 0,8 м. Это остатки контура предпечной ямы, выступающей за пределы дома и почти полностью разрушенной при сооружении фундаментного рва более позднего здания. В предпечном помещении находился истопник. Оно было углублено в землю, а стены надстроены на поверхности земли из камня. Все это помещение образовывало пристройку к дому.

Сама печь круглая в плане диаметром 1,8 м. Она целиком сложена из обожженного квадратного кирпича на глиняном растворе. Печь сохранилась в высоту на 0,7 м благодаря тому, что стояла в специально вырытой яме глубиной 0,5 м, диаметром 2,2 м. Стены печи наклонены внутрь под углом 75° . Это позволяет предполагать сводчатое завершение. Под печи выложен таким же кирпичом, на нем — слой золы и угля толщиной 0,1 м.

Внутри дома сохранились остатки подпольной системы отопления в виде двух канов. Они идут параллельно друг другу и юго-западной стене. Кан 1 (сохранился в длину на 4,8 м) отстоит от этой стены на 1,3 м, а от кана 2 — на 0,4 м. Один его конец подходит вплотную к северо-западной стене дома. Возможно, здесь была вертикальная труба, в которую выходил дым. Кан 2 тянется на 4 м, и его юго-восточный конец подходит вплотную к юго-восточной стене дома. Здесь этот кан, видимо, поворачивал под прямым углом к первому. Возможно, это поперечный канал, соединявший два продольных. Другой конец кана 2 не доходит до северо-западной стены на 1,6 м. Оба кана сложены вперемежку из сырцовых и обожженных кирпичей. Высота их — три ряда кладки, т. е. глубина канала достигала 18—20 см. Местами сохранилось перекрытие каналов — обожженный кирпич или плоские плиты песчаника. Обмазанное глиной дно каналов и их стенки закопчены. Место соединения каналов с печью не прослежено. Отверстия, через которые выходил горячий дым, обычно помещаются в верхней части печи, чтобы туда не попадала зола¹, а верх печи разрушен. С запада, где каналы должны были подходить к печи, она уцелела на высоту лишь 0,4 м.

Помимо канов, внутри дома сохранились остатки еще одной кладки, проходящей от кана 1 к юго-западной стене, параллельно северо-западной стене, на расстоянии 0,4 м от нее. Кладка состоит в длину из четырех обожженных кирпичей (0,85 м), а в высоту — на четыре ряда кирпичей. Возможно, эта кладка ограничивала суфу. Кирпичи, использованные при строительстве дома, имеют характерные для золотоордынского периода размеры: жженые — $21 \times 21 \times 4$; $22 \times 22 \times 5$ см; сырцовые — $50 \times 20 \times 6$ см.

В доме и вокруг него, в частности в фундаментных рвах более позднего здания, найдено много вещей, свидетельствующих о высоком имущественном положении хозяев. По фрагментам бесцветных стеклянных дисков (более 40) можно сделать вывод, что дом имел застекленные окна. Подобные круглые стекла-диски в среднеазиатском и золотоордынском строительстве вставлялись в ганчевые решетки. Так стеклились окна и верхние части дверных проемов². Диаметр дисков, найденных в Болгаре, в том числе и на раскопе LXXXIV, — 16—24 см. В Черной Палате до недавнего времени была в одном из окон подобная гипсовая решетка с круглыми отверстиями для дисков³. По оттенку стекла и размерам, а также по результатам спектрального анализа⁴ болгарские оконные диски определяются как среднеазиатские. В средневековье на Востоке, как и на Руси, застекленные окна были только в богатых домах или общественных зданиях.

Интересен состав керамики, относящейся к комплексу дома. О богатстве хозяев говорит большое число фрагментов поливных сосудов: 230 — от кашинных, 135 — от красноглиняных и 25 — от светлоглиняных. Среди фрагментов кашинных сосудов найдены два обломка иранского люстра. Остальная кашинная керамика, очень разнообразная по расцветке и способу орнаментации, находит прямые аналогии в золотоордынских центрах нижней Волги, где найдены мастерские по ее изготовлению. По-видимому, поливную керамику из кашинного теста привозили в Болгар с нижней Волги. Найдены также 13 фрагментов так называемых тимуридских сосудов конца XIV—XV в.

В Волжской Болгарии пока не открыты следы производства поливной керамики, но предположить, что здесь изготовляли хотя бы часть красноглиняной поливной посуды, можно. Из числа привозных керамических изделий отметим фрагмент красноглиняного блюда (рис. 5, 2). Рисунок нанесен гравировкой по белому ангобу, полива бесцветная (желтоватая). На фрагменте сохранилось изображение торса и руки человека. Человек одет в кафтан, отделанный по краю бахромой, рука до кисти покрыта пластинчатым панцирем. Нижняя поверхность блюда покрыта растительным орнаментом, разделенным на зоны. По технике орнаментации, сочетанию коричневого и белого цветов, сюжету изображения

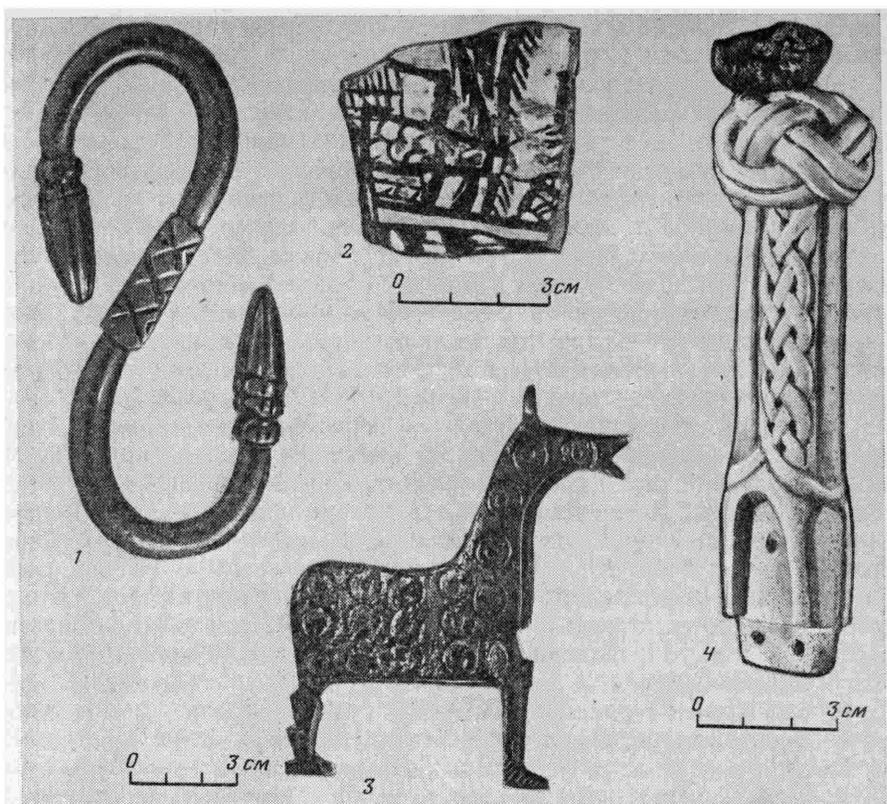

Рис. 5. Находки из дома

1 — крюк или пряжка; 2 — обломок красноглиняного поливного блюда с изображением руки человека; 3 — замок; 4 — рукоятка плетки; 1, 3 — бронза; 2 — глина; 4 — кость

блюдо относится к продукции причерноморских, точнее крымских, мастерских. Фрагмент блюда с частью фигуры человека в кафтане найден М. Г. Крамаровским в Старом Крыму в золотоордынском слое⁵.

Помимо поливной керамики, о международных связях Болгара и зажиточности обитателей дома говорят находки (шесть фрагментов) среднеазиатской сероглиняной штампованной керамики.

Среди множества бытовых находок в доме особо выделим прекрасную резную рукоять плетки, сделанную из кости (рис. 5, 4). Эта вещь замечательна по художественному исполнению. Выяснилось, что прототипы рукояти относятся к кочевническим древностям VIII в. Алтая и Сибири⁶. Мастер, неосознанно повторяя древние образцы, превратил детали звериного стиля в орнаментальные мотивы. Эта вещь говорит о принадлежности владельца к кочевнической аристократии. Подобный же характер имеет и другая находка — массивный бронзовый крюк S-видной формы (рис. 5, 1). Крюк длиной 7,2 см сделан из круглого в сечении дрота (диаметр 6 мм). Средняя часть четырехгранная, орнаментирована косыми крестами. Концы оформлены в виде цветочных бутонов. На таком крюке могли висеть в доме лампа или котел над очагом, но вернее, что он входил в парадное снаряжение воина — на нем подвешивали к поясу колчан или применяли его как пряжку. На городище Селитренное (Сарай) был однажды найден подобный крюк длиной 5,2 см с утолщенной средней частью и концами, оформленными в виде головок драконов (?)⁷. Похожие по форме (наполовину замкнутая восьмерка) крюки известны у балтов и западных финно-угров XII—XIII вв., откуда они единицами попадали на Русь⁸. Эти крюки, судя по их местоположению в погребениях, служили для подвешивания к поясу каких-либо деталей снаряжения.

Из других изделий из цветных металлов в доме найдены половинка замочка от шкатулки или ларца в виде лошадки, формы и орнамента, характерных для золотоордынского периода (рис. 5, 3); обломок бронзового зеркала; бронзовый стаканчик. Из украшений встречены сердоликовая бусина и 14 стеклянных бусин, два обломка браслетов, два перстня. Много посудного стекла, в числе которого несколько обломков привозного — синего и бесцветного средиземноморского с росписью эмалями. В массе рядовых предметов — костяные поделки (в том числе гребень); железные ножи, крюки, гвозди; бронзовые пластинки; глиняные поделки.

На площади раскопа обнаружено восемь монет, из них четыре оказались неопределимыми⁹. Две монеты, найденные ниже дома, на его площади и рядом, относятся к XIII в. (чекан халифа Наср-ад-Дина и анонимная). Две монеты датируются 40-ми годами XIV в.: одна из них была в яме, в которой стояла печь, другая — в перекопанном заполнении фундаментного рва более позднего здания. Таким образом, по монетам, как и по стратиграфии, и по составу находок, сооружение дома относится к середине XIV в. Дом существовал в позднезолотоордынский период истории города, во второй половине XIV в.

Позднее, на рубеже XIV—XV вв., на этом месте было выстроено каменное здание. По размерам, ориентировке, конструкции стен и фундамента оно сходно со стоящей неподалеку Черной Палатой, построенной в середине XIV в.¹⁰ Назначение его не определено. Оно могло быть мавзолеем или мечетью; следы погребения этого периода не найдены.

Дом, открытый на раскопе LXXXIV, характерен для жилого строительства Золотой Орды. В домонгольский период в Болгаре таких домов не было. Наиболее сходен он с домами второй группы по классификации В. Л. Егорова¹¹. Основная особенность домов этой группы — сырцовый цоколь у части стен. Одна-две деревянные стены дома устанавливались на сырцовом цоколе, а остальные прямо на землю. Глиняный завал, прослеженный вдоль северо-западной, северо-восточной и юго-западной стен дома, видимо, является остатками этого цоколя. При этом у юго-западной стены поверх глиняного завала лежит ряд обожженных кирпичей, которые продолжают ряд сырцовых кирпичей. В Новом Сарае не было зафиксировано использование жженого кирпича при сооружении цоколей¹². Фундаменты в таких домах не прослежены, как и в нашем доме. Характерны и размеры домов этой группы на нижней Волге — они не превышают 6×6 м¹³.

Отопительная система дома в Болгаре несколько отличает его от нижеволжских. Каны в золотоордынских домах проходят вдоль стен под лежанками-суфами, а в болгарском доме они занимают почти центральную часть дома. Большие круглые печи из обожженного квадратного кирпича, открытые в городах Золотой Орды, имеют только производственное назначение; в жилых домах они не встречены. Печи в этих домах обычно глинобитные, круглые или квадратные в плане, гораздо меньших размеров¹⁴. Напротив, в Болгаре, где открыт ряд домов этого типа, встречены круглые большие печи, сложенные из плит песчаника, из сырцового или обожженного кирпича. Раскопки конца 60-х — начала 70-х годов выявили в районе Ханской усыпальницы три подобные печи¹⁵. Все они имеют углубленные предпечные ямы — остатки помещения, где находился источник. Устье печи и помещения для истопника помещались вне дома. Эта традиция также идет от Золотой Орды.

Две из открытых близ Ханской усыпальницы печей связаны с сырцовыми домами, имевшими систему канов, причем в одном случае зафиксирован выход двух каналов из верхней части круглой печи¹⁶. В третьем случае большая круглая печь из сырцовых кирпичей, помещенная под полом, отапливала общественное каменное здание. Видимо, с ней были связаны подпольные каналы, также сложенные из сырцовых кирпичей. Неподалеку от исследованного дома в 1983 г. Н. Д. Аксенова обнаружила большую круглую печь из обожженного кирпича опять-таки без каких-

либо следов производства¹⁷. Возможно, что северное положение Волжской Болгарии и соответственно более суровые зимы, чем на нижней Волге, заставляли владельцев домов ставить более мощные печи.

В Болгаре дома, построенные из сырцового и обожженного кирпича в сочетании с деревянными конструкциями, с подпольной системой отопления в виде канов, т. е. дома так называемого монгольского типа, были раскопаны, кроме района Ханской усыпальницы, и в историческом центре города. Дом, исследованный в 1982 г., вместе с печью, открытой Н. Д. Аксеновой неподалеку, выявляет еще один район с подобной застройкой — на южной границе домонгольского Болгара, к северу от Черной Палаты. Все эти дома относятся к золотоордынскому периоду жизни города и связаны с переселением в Болгар представителей богатой монголо-татарской аристократии. В этом отношении характерны находки, связанные с домом 1982 г. Богатым набором вещей характеризуются и другие дома этого типа¹⁸.

Три района Болгара, застроенные домами «монгольского» типа, датируются по-разному. На юго-восточной окраине города (близ Малого Минарета и Ханской усыпальницы) эти дома относятся к несколько более раннему времени, чем в двух других районах. Их появление датируется рубежом XIII—XIV вв.¹⁹ С середины XIV в. этот район из жилого превратился в мемориальный — исчезли дома, а на их месте появились мавзолеи знати. Можно предположить, что дома были разгромлены во время похода Булак-Тимура в 1361 г. Видимо, жители этих домов, следуя за сократившимися после катастрофы 1361 г. границами города, переселились в его центральную часть. Дома этого типа, открытые на двух других участках города, относятся уже ко второй половине XIV в. Возможен также в этот период новый приток в Болгар золотоордынской аристократии в связи с изменившейся политической ситуацией.

¹ Егоров В. Л. Жилища Нового Сарая// Поволжье в средние века. М., 1970. С. 187.

² Давидович Е. А. Средневековое оконное стекло из Таджикистана// Докл. АН ТаджССР. Душанбе, 1953. Т. 7, кн. 13. С. 32.

³ Егерев В. В. Архитектура города Болгара// МИА. М., 1958. № 67. С. 367; Воскресенский А. С., Смирнов А. П., Хлебникова Т. А. Новые данные об архитектуре волжских болгар// СА. М., 1967. № 4. С. 285. Рис. 6.

⁴ Анализ проведен Ю. Л. Шаповой в лаборатории спектрального анализа при кафедре археологии МГУ (ан. № 486: : 10, 11).

⁵ Любезное сообщение М. Г. Крамаровского.

⁶ Полубояринова М. Д. Костяные детали снаряжения всадника и лучника из Болгара// СА. М., 1986, № 2.

⁷ Fyodorov-Davydov G. A. The Culture of the Golden Horde Cities. Oxford, 1984. III. 102, 2.

⁸ Седова М. В. Ярополч Залесский. М., 1978. Табл. 7, 11; Она же. Ювелирные изделия древнего Новгорода: X—XV вв. М., 1981. Рис. 59, 9.

⁹ Монеты определены Г. А. Федоровым-Давыдовым.

¹⁰ Воскресенский А. С., Смирнов А. П., Хлебникова Т. А. Новые данные... С. 283.

¹¹ Егоров В. Л. Жилища Нового Сарая. С. 182.

¹² Там же. С. 183.

¹³ Там же. С. 174.

¹⁴ Там же. С. 187.

¹⁵ Аксенова Н. Д. Жилые дома в Болгарах в районе Ханской усыпальницы и Малого минарета: по материалам раскопок 1967—1971 гг.// СА. М., 1973. № 4. С. 218, 220.

¹⁶ Там же. С. 218.

¹⁷ Отчет Болгарского отряда Поволжской археологической экспедиции за 1983 г.// Архив ИА. Р-1.

¹⁸ Аксенова Н. Д. К итогам археологических работ 1970—1972 гг. в юго-восточной части городища Великие Болгары// Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978. С. 213.

¹⁹ Аксенова Н. Д. К итогам археологических работ... С. 212, 213; Она же. Жилые дома в Болгарах... С. 220—225.

ПСКОВСКИЕ КЕРАМИЧЕСКИЕ КИОТЫ

Древнерусская архитектурно-декоративная керамика давно привлекает внимание историков искусства и архитектуры, этнографов, археологов, историков. Этот интерес не случаен, так как она представляет важнейшую отрасль средневекового керамического производства, характеризующую, в частности, развитие городского ремесла, культуры и быта.

В результате многолетних археологических раскопок накоплено значительное количество архитектурно-декоративной керамики. Исследованию этого многочисленного материала посвящен ряд работ¹. Тем не менее, многие вопросы, связанные с историей русского керамического производства, остаются нерешенными.

В статье рассматривается оригинальная и эффектная по декоративным качествам группа керамики — так называемые керамические кiotы. Псков — первый и до сих пор единственный памятник, где они обнаружены в процессе археологических исследований. Керамические кiotы вызвали интерес замечательного исследователя истории Пскова Ю. П. Спегальского, посвятившего им небольшую статью, содержащую описание 14 фрагментов кiotов, реконструкцию отдельных типов и некоторые выводы относительно характера использования этого вида архитектурно-декоративной керамики². Новые многочисленные материалы, полученные за последние годы, обязывают обратиться к псковским керамическим кiotам вновь.

Нами исследовано более 150 фрагментов и целых керамических кiotов из раскопок разных лет: 1. И. К. Лабутиной 1973 г. — у здания Псковского пед. ин-та (материалы — в Псковском историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике, шифр ПГПИ-73); И. К. Лабутиной, В. И. Кильдюшевского, Ю. Л. Шаповой 1976 г. — на ул. Ленина (материалы — там же, шифры ПЛ-I-76, II-76, III-76); И. К. Лабутиной 1978 г. — продолжение раскопа на ул. Ленина (материалы — там же, шифр ПЛ-78). 2. Л. А. Царьковой 1975 г. — на Романовой горке (ул. Некрасова; материалы — в Псковском музее-заповеднике, шифр ПРГ-75). 3. К. М. Плоткина 1977 г. — в Запсковье (материалы — в Псковском музее-заповеднике, шифр ПЗП-77). 4. В. Д. Белецкого 1966 и 1969 гг. — в Довмонтовом городе (материалы — в Эрмитаже, шифры ПД-66, 69). 5. С. В. Белецкого 1980 и 1981 гг. — в Запсковье и Окольном городе (материалы — в Псковском музее-заповеднике, шифры ПСК-80, ПСШ-81, ПСМ-81)³. 6. В. И. Кильдюшевского 1979, 1981 и 1982 гг. — в Запсковье (материалы — в Псковском музее-заповеднике, шифры ППМ-79, 81, 82).

Преобладающее количество кiotов найдено в раскопах, содержащих только позднесредневековые напастования (Запсковье, часть Окольного города, заселенная в позднем средневековье), или в верхних пластах, датированных XVI—XVII вв. (ПГПИ-73, ПЛ-I, II, III-76, ПЛ-78). В Запсковье (раскоп на ул. Первомайская) кiotы обнаружены в позднесредневековых срубных постройках, погибших во время сильного пожара.

Псковские керамические кiotы изготовлены из пластичной глины с примесью дресвы и песка. При обжиге их поверхность приобретала красно-коричневый, иногда серый цвет, в изломе же черепок часто оставался серым. На 11 фрагментах кiotов отмечены следы тонкого, а на одном — толстого слоя побелки или ангоба. Среди кiotов, описанных Ю. П. Спегальским, также были экземпляры, покрытые белым или светлым кремевым ангобом, придававшим им еще большую декоративность⁴. Глазурованные кiotы не обнаружены. Среди кiotов, рассматриваемых нами, имеются два фрагмента, сбоку и с внутренней стороны которых ясно различимы следы глиняной обмазки. Размеры кiotов колеблются в пределах от 30—31,5×30,5—31 до 19—25×26—30 см, толщина — от 3,5 до 6 см. Прямоугольные или квадратные плиты кiotов плоские, без следов

руппы. Изготавливались киоты при помощи резных деревянных форм, о чем свидетельствуют отпечатки волокон дерева на лицевой стороне. Отдельные элементы орнамента, возможно, наносили на плоскость киота глиняными штампами. Такой прием известен и в изразцовом производстве⁵.

Керамические киоты довольно единообразны по размерам, технике изготовления, конструктивным чертам. Их типологическая классификация основана на орнаментальном признаке, так как орнаментика плоскости киотов отличается большим разнообразием, нежели их конструкция. Выделяются два основных типа, которые в свою очередь подразделяются на виды и разновидности.

Первый тип включает киоты с тремя сквозными арочками (65 фрагментов и целых). Они разделяются на три вида. К первому относятся киоты с арочками в верхней части плиты: в центре — полуциркулярная или коробовая; по бокам — две треугольные, и с четырьмя нишами с треугольными завершениями в нижней части плиты. Отличительной чертой киотов первого вида является рельефный пояс из полуovalов, разделяющий верхнюю и нижнюю части плиты. Наиболее ярко представляет этот вид целый киот, обнаруженный К. М. Плоткиным при раскопках на Запсковье (рис. 1, 1). Благодаря его находке, удалось уточнить реконструкцию Ю. П. Спегальского, основанную на слишком фрагментарном материале⁶.

Ко второму виду принадлежат киоты, отличающиеся от рассмотренных пояском в виде зубчиков, который отделяет верхнюю часть киота от нижней. Кроме того, у киотов этого вида нижний ряд ниш отделен от оконтуривающей лицевую поверхность рамки рельефным орнаментом в виде фигурных скоб (рис. 1, 2, 4). Эти киоты обнаружены в Запсковье в раскопе на ул. Первомайская при расчистке срубной постройки 3.

Третий вид представлен всего лишь одним фрагментом киота, в нижней части которого размещались сквозные с треугольными завершениями арочки, окаймленные жгутом. По краю лицевой поверхности киота вместо обычной оконтуривающей рамки также шел жгут (рис. 1, 3). Можно предполагать, что верхняя часть киота была оформлена арочками.

Ко второму типу относятся одноарочные киоты с церковными главами в верхней части плиты. Их меньше (45 фрагментов), чем киотов первого типа. Выделяются два вида. Первый объединяет киоты с пятью главами (трия луковичными—в центре и двумя шатровыми—по краям верхней части плиты), венчающими сквозную арку. По более мелким деталям киоты первого вида подразделяются на четыре разновидности: 1А — киоты, над четырьмя главами которых, за исключением центральной, изображены флажки, а боковые колонки оформлены рельефным геометрическим орнаментом в виде пятиугольников (рис. 1, 5); 1Б — киоты, у которых барабаны трех центральных луковичных глав опираются на рельефные окружности, отделяющие их от арочки, по форме близкой к полуциркулярной (рис. 1, 6), боковые колонки также оформлены пятиугольниками, а нижняя часть киота — рельефными петельками; 1В — киоты, отличающиеся более стройными вытянутыми барабанами, опирающимися на украшенное зубчиками завершение арки (рис. 2, 1), боковые колонки и нижняя часть плиты оформлены петельками; 1Г — киоты, по вытянутым вертикальным пропорциям близкие предыдущим, но с витыми колонками, отделяющими шатровые главки от луковичных (рис. 2, 3), в нижней части и по бокам оформлены рельефными квадратами.

У киотов второго вида — семь церковных глав в верхней части плиты и сквозная арка — в центре. По ряду признаков можно выделить пять разновидностей: 2А — композиционно близки киотам разновидности 1Г, но в отличие от них имеют три луковичные главы в центре, а по бокам — не по одной, а по две шатровые главки (рис. 2, 2); 2Б — все семь главок луковичные, лицевая поверхность плиты заполнена более плотно, нежели у киотов предшествующих видов: стилизованные деревья между цер-

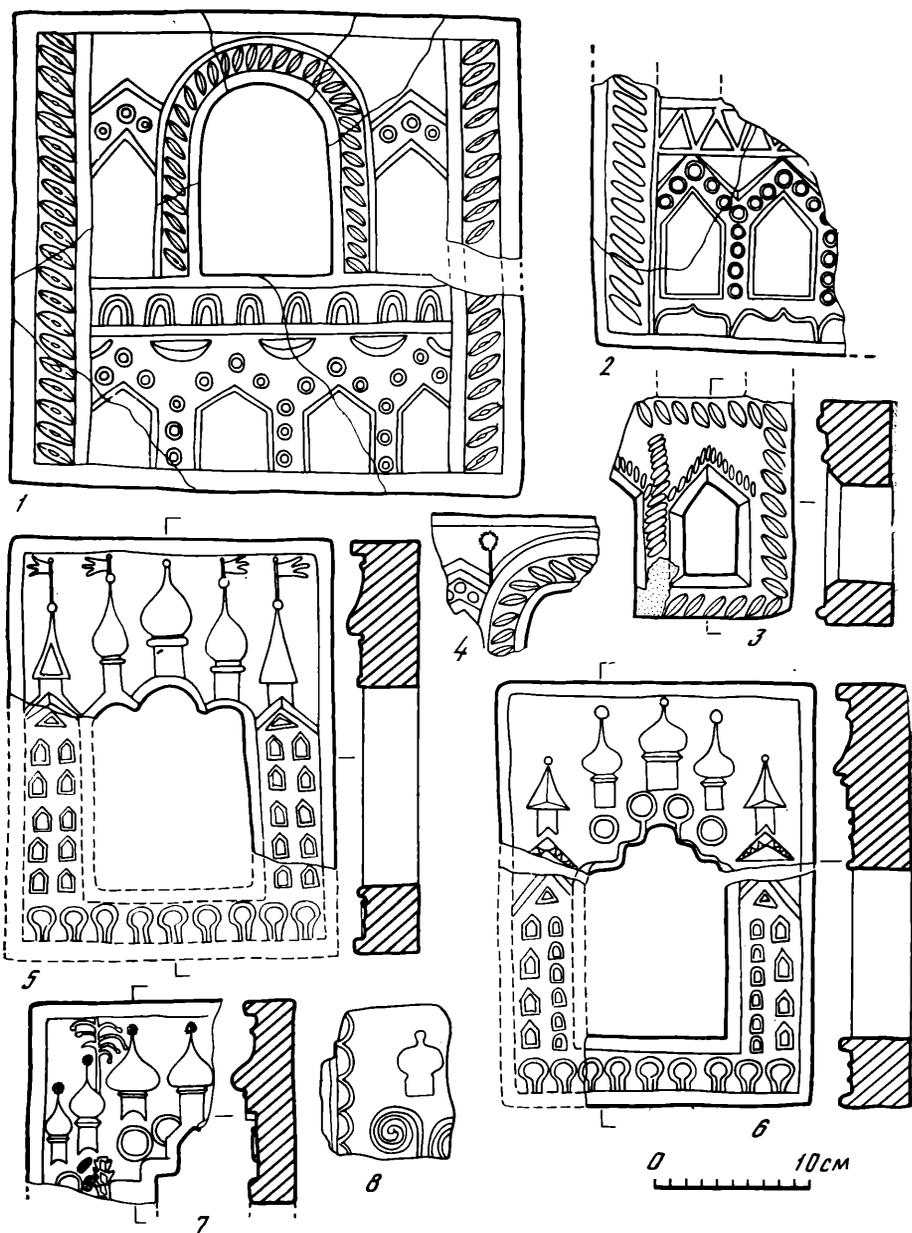

Рис. 1. Керамические киоты из Пскова

1 — ПЗП-77/362; 2 — ППМ-81/989; 3 — ПРГ-75/63а; 4 — ППМ-81/789; 5 — ПСК-1-80/355; 6 — ПЗП-77/391, 392; 7 — ПЛ-1-76/91; 8 — ППМ-81/275

ковных глав, отпечатки штампа, изображающие стилизованные листья (рис. 1, 7); 2В — характерны спаренные волюты, на которые опирается барабан луковичной главки (рис. 1, 8); 2Г — киоты с прямоугольным завершением арки и двумя рядами витых колонок по краям плиты (количество церковных глав определить не удалось из-за небольших размеров фрагментов; на одном из них сохранилась крайняя шатровая главка с барабаном, опирающимся на волутообразный завиток — рис. 2, 4); 2Д — фрагмент киота с изображением одной церковной главы, отличающимся тщательной разработкой мельчайших деталей рельефа, и со сквозной аркой, имевшей трехлопастное килевидное завершение (рис. 2, 5, 6). Этот киот обнаруживает определенную композиционную близость

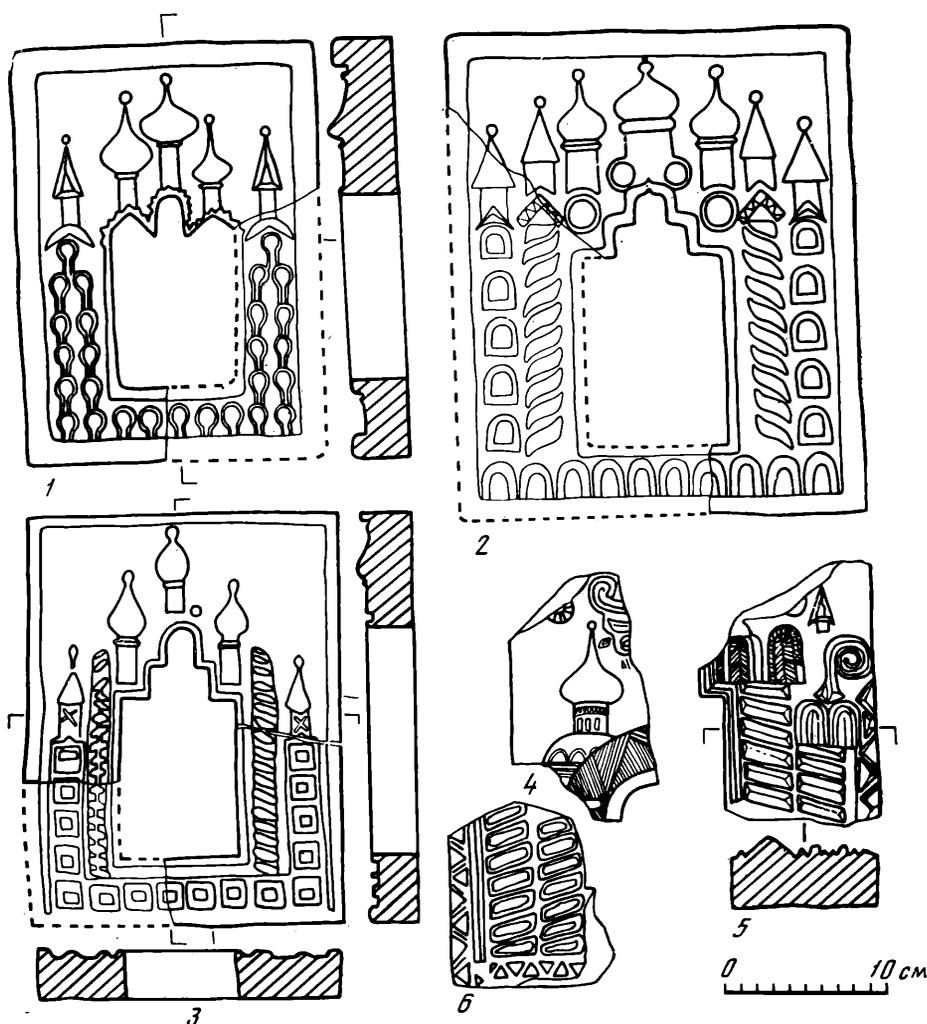

Рис. 2. Керамические кияты из Пскова

1 — ПСК-1-80/В-297, 2961; 2 — ППМ-81/987; 3 — ППМ-81/421, 492, 916; 4 — ПЗП-77/268;
5, 6 — ПСМ-81/715

керамическим плитам из пояса Никольского собора, построенного в 1543 г. в городе Остров⁷.

Рассмотренные материалы отличаются большим разнообразием орнаментальных рельефов. Часто обнаруживаются кияты с почти аналогичным орнаментом, лишь незначительно различающимся мелкими деталями, что позволяет говорить о популярности декоративной керамики в позднесредневековом Пскове. В Пскове вообще необычайно широко использовали декоративные свойства керамики, изготавливая из глины не только кияты, но и надгробные плиты, или так называемые керамиды⁸, архитектурные керамические пояса, украшающие барабаны церквей⁹, изразцы.

Керамические кияты бытовали непродолжительный период. Появившись около середины XVI в., они к середине XVII в. уже вышли из употребления. Такую датировку подтверждает то обстоятельство, что кияты не встречаются в комплексе с полихромными изразцами¹⁰, широкое использование которых на территории Московской Руси начинается со второй половины XVII в.¹¹ Стилистическая близость хорошо датированным «керамидам», появление которых относится к середине XVI в.¹², дает убедительное подтверждение предлагаемой датировке. Таким образом,

керамические кiotы использовались около одного столетия, причем, как уже отмечалось, и этого периода было достаточно для появления их многочисленных разновидностей. Это позволяет утверждать, что на производстве керамических кiotов специализировалась не одна мастерская, а по крайней мере несколько, чтобы в полной мере удовлетворить спрос псковичей на модный во второй половине XVI — первой половине XVII в. вид декоративной-керамики. Вероятно, популярность керамических кiotов объяснялась их большей доступностью всем слоям населения по сравнению с кiotами деревянными, украшенными резьбой и позолотой и служившими украшением столовых палат в домах богатых псковичей¹³. Не случайно именно в Запсковье, где селился главным образом средний и мелкий люд¹⁴, обнаружено более трети известных керамических кiotов.

До сих пор не удалось обнаружить мастерские керамистов, изготавливавших кiotы. Но можно предположить, что в них производились одновременно кiotы, изразцы, «керамиды», архитектурные пояса. Это подтверждается одинаковыми авторскими подписями на одной из керамических плит (иконографически близкой кiotам с церковными главками) декоративного пояса Никольской церкви (1543 г.) в Острове¹⁵ и на погребальной керамической плите 1560 г. из Псково-Печорского монастыря¹⁶. Подписи располагались на плите так: справа — «Тимоха печникъ», слева — «плотникъ сей ображець резаль Давыдъ»¹⁷. Вполне вероятно, что печник Тимоха был одним из мастеров, изготавливавших и керамические кiotы при помощи форм и штампов, вырезанных плотником Давыдом.

Высокий уровень псковского искусства керамики был обеспечен творческой деятельностью керамистов, воспитанных в традициях древнерусского искусства и несомненно знакомых, благодаря давним культурным связям с Западом¹⁸, с основными тенденциями в развитии прикладного искусства соседних стран. Не случайно, керамические кiotы с церковными главками обнаруживают значительную иконографическую близость вышивке церковного облачения третьей четверти XV в. из Венгрии¹⁹. Однако особенно сильно сходство орнаментальных схем керамических кiotов и отдельных произведений древнерусского прикладного искусства²⁰. Принцип построения, когда композиция вписывается в арку, завершенную пятью куполами на барабанах, характерен для русской иконописи²¹. Стилиевое единство этих произведений дает возможность вскрыть и их смысловое единство: домашний керамический кiotец символизировал жилище божества, «горний Сион»²².

¹ См., например: *Сахаров И. П.* Ценные произведения//ЗОРСА. СПб., 1851. Т. I; *Даль Л.* Ростовские изразцы//Вестник Об-ва древнерусского искусства (1874—1876). М., 1876; *Филиппов А. В.* Древнерусские изразцы. М., 1938. Вып. 1; *Рабинович М. Г.* Гончарная слобода в Москве XVI—XVII вв.//МИА. М.; Л., 1947. № 7; *Розенфельдт Р. Л.* Изразцовый фриз церкви Троицы в Костроме//СА. М., 1962. № 3; *Маслих С. А.* Русское изразцовое искусство XV—XIX вв. М., 1976.

² *Спегальский Ю. П.* Псковские керамические кiotы//КСИА. М., 1960. Вып. 81. С. 117—120. Все опубликованные Ю. П. Спегальским кiotы найдены при случайных обстоятельствах.

³ Пользуемся случаем выразить глубокую благодарность В. Д. Белецкому, С. В. Белецкому, И. К. Лабутиной, К. М. Плоткину, Л. А. Царьковой за предоставленные материалы.

⁴ *Спегальский Ю. П.* Псковские керамические кiotы. С. 117—120.

⁵ *Рабинович М. Г.* Археологические раскопки в Москве//КСИИМК. М., 1947. Вып. XXI. С. 155; *Он же.* Московская керамика//МИА. М.; Л., 1949. № 12. С. 94.

⁶ *Спегальский Ю. П.* Псковские керамические кiotы. Рис. 56, 3. В нижней части кiota должно быть не пять ниш, а четыре. В связи с этой поправкой изменятся и размеры плиты.

⁷ *Плешанова И. И.* Псковские архитектурные керамические пояса//СА. М. 1963. № 2. С. 212, 219. Рис. 1, 3; 6.

⁸ *Плешанова И. И.* Керамическое надгробие из Псково-Печорского монастыря//КСИА. М., 1963. Вып. 96; *Филиппов А. В.* Древнерусские изразцы. С. 21—25.

⁹ *Плешанова И. И.* Псковские архитектурные керамические пояса. С. 211—225.

¹⁰ Так, например, в раскопе у Подзноевских палат при массовых находках полихромных изразцов не встречено ни одного кiota.

¹¹ *Паничева Л. Г.* Белорусские изразцы

- XIV—XVII вв. как исторический источник: Автореф. дис... канд. ист. наук. Л., 1980. С. 13, 14.
- ¹² Пleshанова И. И. Керамическое надгробие... С. 113.
- ¹³ Спегальский Ю. П. Псковские каменные жилые здания XVII в. М.; Л., 1963. С. 163.
- ¹⁴ Там же. С. 151.
- ¹⁵ Пleshанова И. И. Псковские архитектурные керамические пояса. С. 217.
- ¹⁶ Пleshанова И. И. Керамическое надгробие... С. 113.
- ¹⁷ Пleshанова И. И. Псковские архитектурные керамические пояса. С. 217.
- ¹⁸ Буслаев Ф. И. Сочинения по археологии и истории искусства. СПб., 1908. С. 5.
- ¹⁹ Csernyánszky M. Kiseőn «cum cruce vespesiana»//Ars decorativa. Budapest, 1979. N 6. S. 21. Abb. 7; 8.
- ²⁰ Розов Н. Н. Архитектурные фронтисписы русских книг XI—XIV вв.//Средневековая Русь. М., 1976. С. 173; Бочаров Г. Н., Горина Н. П. Об одной группе новгородских изделий конца XV и XVI в.//Древнерусское искусство. М., 1977. Рис. на с. 295, 313, 315; Постникова-Лосева М. М. Серебряное дело в Новгороде XV и XVI вв.//Древнерусское искусство: Художественная культура Новгорода. М., 1968. Рис. на с. 319; Рындина А. В. Особенности сложения иконографии в древнерусской мелкой пластике//Там же. Рис. на с. 231.
- ²¹ См., например: Лаурина В. К. Об одной группе новгородских провинциальных царских врат//Древнерусское искусство: Художественная культура Новгорода. Рис. на с. 177; Масленицын С. И. Икона «Богоматери Федоровской»//Древнерусское искусство: Художественная культура Пскова. М., 1968. Рис. на с. 163; Смирнова Э. С. Живопись Великого Новгорода. М., 1976. С. 222. Рис. на с. 332.
- ²² Ильин М. А. Заметки об архитектуре посадских храмов Москвы и Подмосковья XVI в.//Византия. Южные славяне и древняя Русь. Западная Европа. М., 1973. С. 370.

Ю. В. УРТАНС

КУЛЬТОВЫЕ КАМНИ С УГЛУБЛЕНИЯМИ В ЛАТВИИ

На территории Латвийской ССР известно более 250 разнообразных культовых камней: каменные идолы, камни-«следовики», валуны с разными знаками, а также с искусственными углублениями. По форме углублений валуны подразделяются на объекты с большой корытообразной выемкой, с тазообразной выемкой и с несколькими небольшими углублениями. К последней подгруппе, о которой пойдет речь, относятся валуны разной величины, на поверхности которых искусственно выбиты небольшие воронкообразные углубления. Диаметр углублений обычно 4—10 см, глубина — 1—4 см.

Научный интерес к латвийским валунам с углублениями возник в 20-х годах XX в., когда был открыт первый объект этого вида в северной Латвии (хут. Давини, ныне Валмиерского р-на; рис. 1, 1). Тогда же А. Шталс, опубликовавший памятник, отметил его подобие культовым валунам Эстонии¹.

В 1974 г. А. В. Цауне включил в работу о латвийских валунах с выемками оба известных к тому времени камня с несколькими углублениями. Исследователь отметил, что иногда небольшие выемки имеются и на камнях-«следовиках»². Однако последние до наших дней либо не сохранились, либо на них не уцелели углубления. Углубления на известных камнях-«следовиках» имеют другую форму.

В Латвии пока открыто четыре достоверных валуна с углублениями. Размеры их, число и параметры углублений приведены в табл. 1.

Валуны расположены в северной и средней частях Латвии (рис. 2), на склонах речных долин или на берегу озер. Со всеми указанными объектами, за исключением валуна Пурес Звиедру, связаны народные предания, согласно которым на валунах или около них совершались жертвоприношения.

В 1979 г. у валуна Аглонас Рускулю (Преильский р-н; рис. 1, 2, 4) проведены раскопки. Близ южного подножия его на глубине 0,3—0,35 м выявлено темное пятно, под которым зафиксированы остатки двух не-

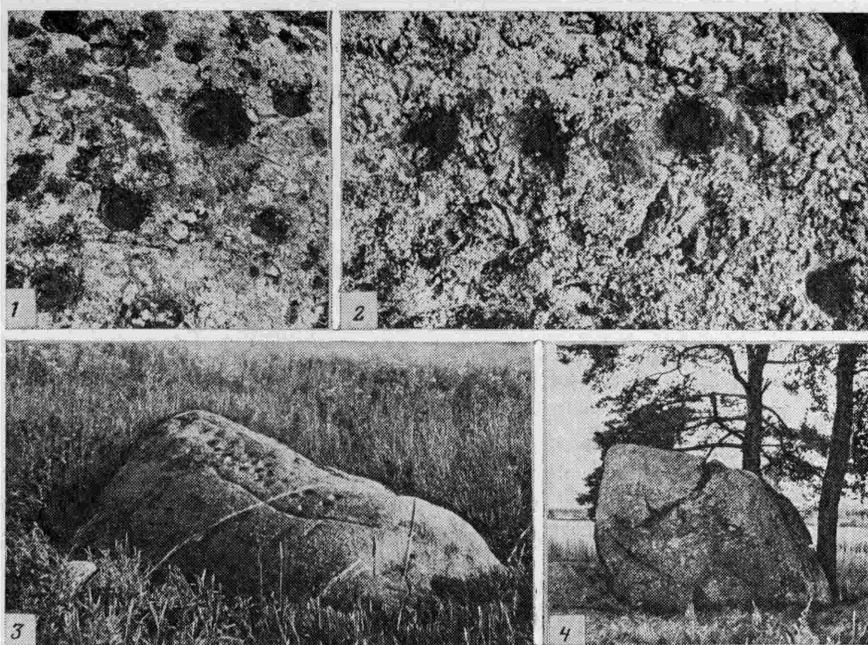

Рис. 1. Валуны с углублениями в Латвии
 1 — Яунбуртнику Давини; 2, 4 — Аглонас Рускули; 3 — Лодес Калналаммикас

больших костров. Под одним из костров обнаружен плоский обтесанный кусок гранита, на котором возжигали огонь. Возможно, костры связаны с использованием валуна в древних обрядах. К сожалению, культурный слой у валуна потревожен поздними перекопами³.

К валунам данного вида предположительно отнесены также объекты с углублениями, которые в народных преданиях считаются отпечатками пальцев, ногтей, кулаков и пятки черта, а кроме того, валуны, которые в народе считались камнями-«следовиками», но оставленные «следы» напоминают воронкообразные углубления. Имеются сведения о пяти таких валунах (табл. 2).

Все валуны с углублениями в Латвии, как и в Эстонии, находятся на берегах водоемов и неподалеку от других археологических памятников. Диапазон дати-

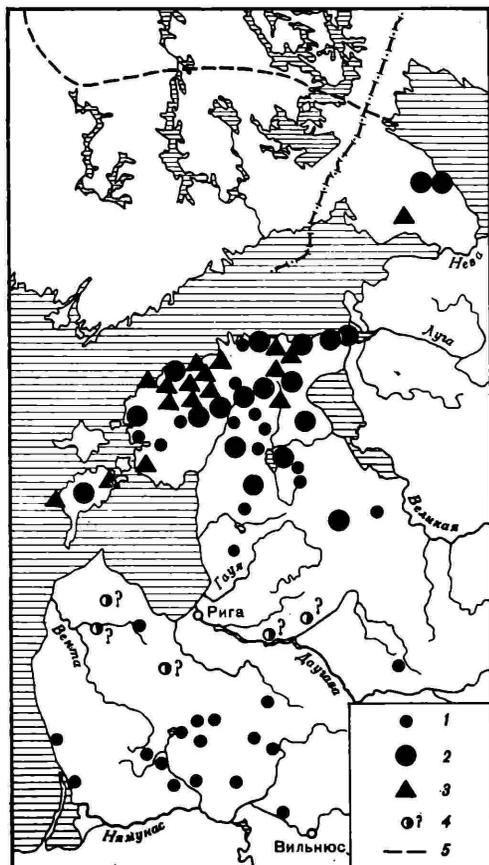

Рис. 2. Распространение валунов с углублениями в Латвии и на соседних территориях (по В. Лыгасу с дополнениями автора)

1 — один валун; 2 — от двух до десяти валунов; 3 — более 10 валунов; 4 — латвийские валуны с гипотетическими углублениями; 5 — северная граница распространения валунов с углублениями

Таблица 1
Валуны с углублениями в Латвии

Валун	Высота, м	Периметр у подножия, м	Углубления		
			количество	глубина, см	диаметр, см
Яунбуртниеку Давини	1,4—1,7	10,5	19	До 7	3—14
Пурес Звиедри	—	—	11	—	—
Аглонас Рускули	2,1	8,5	5	2,5	5
Лодес Калналаммикас	0,5—1,2	9,5	30	0,5—2,5	3—6

Таблица 2
Валуны с гипотетическими углублениями в Латвии

Валун	Количество углублений	Степень сохранности
Марциенас Трушли	?	Не сохранился
Берзмуйжас Будас	10 (?)	То же
Кокнесес Пастамуйжа	5 (?)	Не сохранились углубления
Лауциенас Одре	9	То же
Валгалес Мелкарты	3	Не проверен

ровок последних широк (от бронзового века до позднего средневековья). Сопоставление латвийских валунов с близлежащими археологическими памятниками не дает ответа на вопрос о времени возникновения таких объектов.

В Эстонии известно более 1100, а в Финляндии — более 100 валунов с углублениями. В отдельных случаях количество углублений достигает нескольких десятков или даже сотен. Так, на валуне близ Таллина насчитывается более 400 углублений. Диаметр углублений обычно 4—9 см, глубина — 1—3 см, иногда бывают и углубления больших размеров. Они находятся на верхней части, боках или на оборотной стороне валунов⁴.

Ю. Хаутала относит финские валуны с углублениями к позднему железному веку⁵. По поводу эстонских культовых валунов близки взгляды А. М. Тальгрена и Х. А. Мооры⁶. В. Лыугас датирует появление валунов с углублениями второй половиной I тысячелетия до н. э. и связывает с влиянием скандинавских культур, которое прослеживается в эстонских памятниках того времени. Его датировка опирается на топографию культовых валунов⁷. Это мнение поддерживают и другие эстонские исследователи.

В настоящее время трудности в датировке валунов с углублениями объясняются фрагментарностью и разнородностью самого материала, полученного в ходе раскопок близ объектов. В последние годы на территории СССР найдены некоторые датирующие находки. Так, близ Таллина, в Иру, у валуна с углублениями обнаружена керамика второй половины I тысячелетия н. э.⁸ В Харьюском р-не, в окрестностях поселения и городища Куусалу позднего железного века, проведены раскопки пяти валунов с углублениями. Один из них, с 25 углублениями, находился на культурном слое. У валуна обнаружены три железных ножа, фрагменты нескольких бронзовых украшений, точи́льный брусок и керамика. Вокруг валуна расчищен плотный настил из гранита и плитняка, а также две обложенные камнями столбовые ямы. Находки одновременны вещевому материалу поселения и датируются XI—XIII вв. В раскопках на территории поселения найдено три валуна с углублениями, четвертый, примерно с 20 углублениями, был опрокинут, обгорел и лежал на культурном слое толщиной 20—30 см. При расчистке оснований одной из печей обнаружен обломок гранита с двумя углублениями. Использование разбито-

го валуна в качестве строительного материала указывает, что во время устройства печи валун уже не имел культового значения⁹.

При проведении раскопок на окраине Таллина, в Ласнамяе, исследованиям подверглись семь валунов с углублениями. У одного из них, который находился рядом с могильником начала нашей эры, найдены обожженные кости, у другого — фрагмент серпа, у третьего — остатки костра. Абсолютный возраст кострища по C_{14} — 710 ± 40 лет¹⁰.

Около 20 валунов с углублениями на Карельском перешейке зафиксировал А. И. Сакса¹¹. На отдельных валунах выявлено два, четыре, шесть и более углублений, диаметр которых 5—7 см. По находкам близ валунов они датируются XII—XIV вв.

Археологические находки не дали однозначного ответа на вопрос, когда валуны с углублениями стали объектами культа. В Западной Европе культовые валуны этого вида в общем относятся к бронзовому веку, что подтверждается и находками¹². Наиболее обоснованным представляется предположение о начальной дате валунов с углублениями в Эстонии как о середине I тысячелетия до н. э. Использование их как культовых мест продолжалось и позднее.

В Эстонии культовые валуны с углублениями в основном находятся в северных районах республики, близ моря и на о. Сааремаа. В южной части республики их намного меньше. По сравнению с Эстонией количество достоверных культовых валунов в Латвии ничтожно. Основываясь на этом, А. В. Цауне предположил, что по Латвии проходит южная граница распространения валунов с углублениями¹³. Но по сведениям Б. Даканиса в северной и средней частях Литвы имелось 15 валунов с углублениями. Семь из них остались на своих местах, три были ранее уничтожены, о степени сохранности остальных достоверных сведений нет. На валунах выбито от трех до 70 углублений. Диаметр их 2—6 см, глубина — до 3 см. На трех валунах рядом с углублениями отмечены канавки. На валуне Кадару в Биржайском р-не углубления открыты как на верхней части, так и на боковых сторонах¹⁴.

Объекты подобного вида имеются и на территории Псковской обл. У д. Бунгино Палкинского р-на Б. Н. Харлашов обследовал два больших валуна. На одном из них виден отпечаток подошв обуви, а на втором — два небольших углубления¹⁵.

В местах наибольшей концентрации валунов с углублениями они находятся в комплексах с могильниками, поэтому можно предположить, что рассматриваемые памятники связаны с культом умерших. Форма углублений и расположение иногда на сторонах валунов не позволяет считать их жертвенниками. Обычно углубления неодинаковы, поэтому нужно полагать, что они выбиты не одновременно. Видимо, существовал общепринятый прием выбивания углублений, но специальный инструмент для этого неизвестен. По всей вероятности, углубления выбиты с помощью небольшого остроконечного камня твердых пород. Латвийские и литовские валуны разбросаны на обширных территориях и не тяготеют к морю. Здесь обычай выбивать на камнях углубления распространился скорее всего из северной Эстонии. Но вообще такие валуны известны в Швеции, на территории ГДР и ФРГ, Франции, Великобритании и Финляндии, так что эти объекты отражают общие верования жителей обширного региона.

¹ *Stāls A. Senejā reliģiskā kulta pieminekļi//Latvijas Saule. Rīgā, 1926. T. 37/38. 401, 402 lpp.*

² *Caune A. Dobumakmeņi Latvijā//Arheologija un etnogrāfija. Rīgā, 1974. T. XI. 92 lpp.*

³ *Urtāns J. Pētījumi Cīriša ezera Upursalā, pie Ruskūļu akmens un Daugmales kapulaukā//Zinātniskās atskaites sesijas materiāli par archeologu un etnogrāfu*

1979 gada pētījumu rezultātiem. Rīgā, 1980. 103, 104 lpp.

⁴ *Lõugas V. Vaikeste lohku dega kultuseki-vid//Eesti Loodus. Tartu, 1972. T. 12. Lk. 729; Jaanits L., Laul S., Lõugas V., Tõnisson E. Eesti esiajalugu. Tallinn, 1982. Lk. 185.*

⁵ *Hautala J. Itä — Suomen uhrikiviryhmi-stä//Suomen museo. Helsinki, 1960. T. 67. S. 115.*

- ⁶ Tallgren A. Zur Archäologie Eestis. Dorpat, 1925. Bd 2. S. 166, 167; Moora H. Die Vorzeit Estlands. Tartu, 1932. S. 66.
- ⁷ Lõugas V. Vaikeste... Lk. 729—732.
- ⁸ Lõugas V. Ausgrabung der Steingräber und Flurrelikte in Iru//Изв. АН ЭстССР. Таллин, 1976. Сер. общест. наук. № 1. С. 51.
- ⁹ Краут А. Спасательные раскопки поселения позднего железного века в Куусалу//Изв. АН ЭстССР. Таллин, 1980. Сер. общест. наук. № 4. С. 385; Он же. Археологические раскопки в Куусалу// Там же, 1981. № 4. С. 408—410.
- ¹⁰ Lõugas V. Archäologische Rettungsgrabungen im neuen Wohngebiet Lasnamae in Tallinn//Изв. АН ЭстССР. Таллин, 1981. Сер. обществ. наук. № 4. С. 390.
- ¹¹ Сакса А. И. Разведочные работы Приозерского отряда//АО 1979 г. М., 1980. С. 31; Он же. Исследование средневековых памятников на Карельском перешейке//АО 1980 г. М., 1981. С. 30.
- ¹² Hackbarth H.-G. Ein neuer Schalenstein von Zislow. Kr. Röbel//Ausgrabungen und Funde. Berlin, 1961. Bd 4. S. 193, 194; Geisler H. Ein Näpfchenstein aus Wandlitz Kr. Bernau//Ausgrabungen und Funde. Berlin, 1968. Bd 3. S. 114, 115.
- ¹³ Сауне А. Dobumakteri... 94 lpp.
- ¹⁴ Благодарю Б. Даканиса за любезное предоставление сведений о литовских камнях с углублениями.
- ¹⁵ Харлашов Б. Н. Разведки по р. Кудебь на Псковщине//АО 1980 г. М., 1981. С. 36.

Н. А. МАКАРОВ

ЖЕРТВЕННЫЙ КОМПЛЕКС КОНЦА XII—НАЧАЛА XIII В. НА КАРГОПОЛЬЕ

Языческие верования и обряды послевладимировой Руси служат предметом пристального изучения ученых разных специальностей, в том числе археологов¹. Однако круг источников, несущих непосредственную информацию о язычестве в том виде, в котором оно существовало в XI—XIII вв., весьма ограничен. Естественно, что открытие новых археологических комплексов, связанных с совершением языческих обрядов, в частности остатков жертвоприношений, способно существенно расширить наши знания в этой области. Одному из подобных комплексов, исследованному недавно на севере Руси, — на Каргополье, посвящена настоящая публикация.

Жертвенный комплекс был обнаружен в 1982 г. при раскопках могильника Горка на левом берегу р. Тихманьга, в 2,5 км от места впадения ее в оз. Лача у д. Горка². Могильник содержит погребения по обряду ингумации в неглубоких грунтовых ямах с западной или северо-западной ориентировкой. Часть погребений была нарушена распахкой и представляла собой скопления разрозненных костей, среди которых встречались украшения и отдельные бытовые предметы. Всего в могильнике встречены останки 34 погребенных. Погребения были сгруппированы в пять рядов, в каждом из которых зафиксированы мужские, женские и детские захоронения. Очевидно, в каждом ряду хоронили членов одной семьи. Могильник использовался с конца XII до середины XIII в. Нижняя дата устанавливается по находкам предметов, которые не могут быть отнесены ко времени позже конца XII в., в том числе плоской прорезной подвески-уточки³. Основная масса украшений датируется более поздним временем — рубежом XII—XIII — серединой XIII в. Наиболее ранние погребения сосредоточены на северо-восточном краю могильника, наиболее поздние — на юго-западном. Население, оставившее могильник, обитало на небольшом селище, расположенном в нескольких десятках метров южнее, на берегу Тихманьги.

В северо-восточной части могильника на глубине 40 см от современной дневной поверхности при зачистке материка выявлен контур ямы овальной формы, вытянутой в направлении северо-восток — юго-запад. Размеры ямы 210×155 см. Контур ямы, заполненной жирной гумусированной супесью черного цвета, хорошо читался на фоне светлого материкового песка. При расчистке выяснилось, что яма имела наклонные

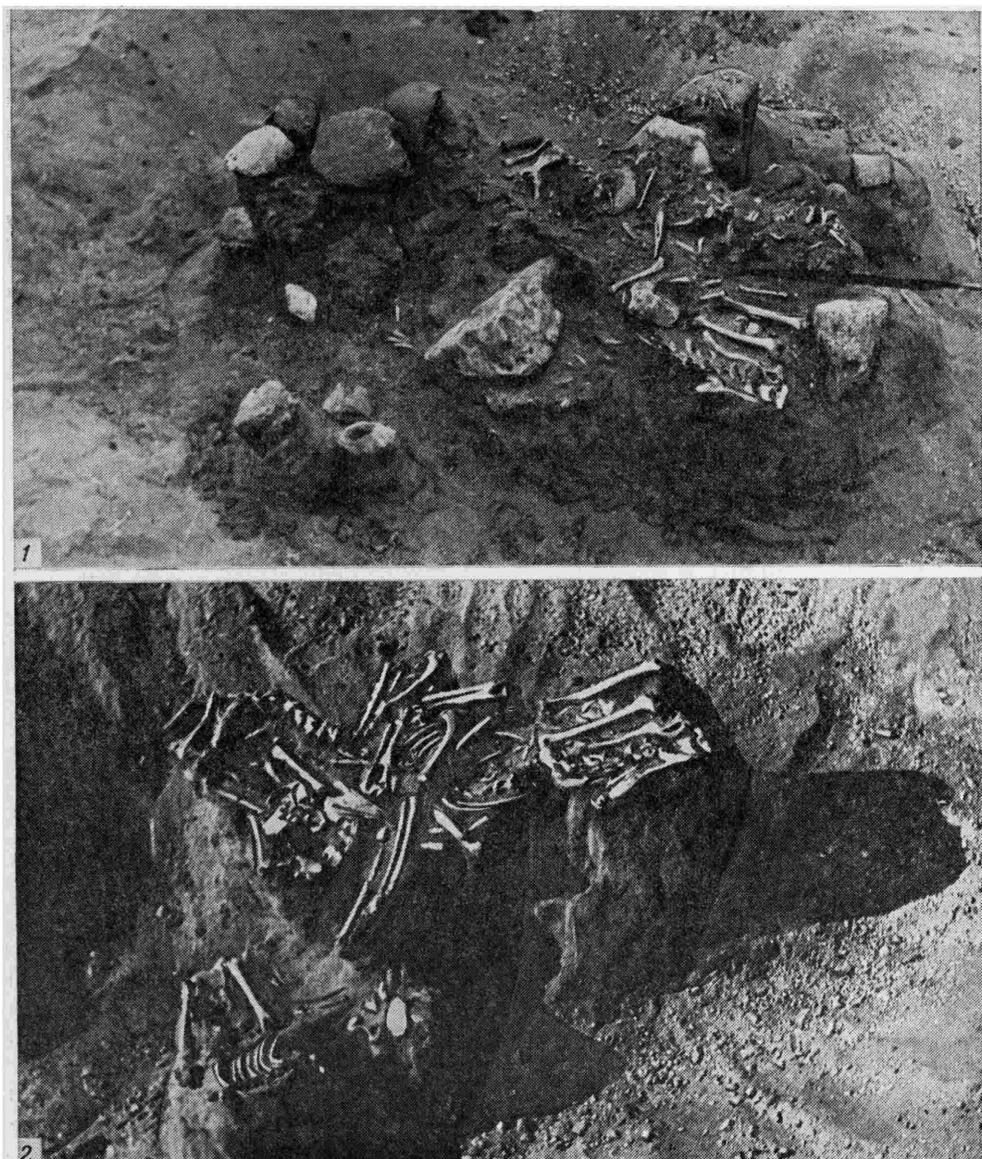

Рис. 1. Жертвенная яма

1 — общий вид; 2 — скелеты собак в заполнении

стенки, сильно сужающиеся ко дну. Глубина ее, считая от древней дневной поверхности, составляла 60—70 см.

В заполнении ямы, на уровне древней дневной поверхности и немного ниже, встречены камни и шлаки. Они образовывали скопление, концентрируясь в центральной части ямы (рис. 1, 1). Камни были небольшими, размеры наиболее крупных не превышали $20 \times 12 \times 10$; $15 \times 15 \times 10$ см. На том же уровне в юго-западной части ямы обнаружено два замка: один — кубический, типа А (рис. 2, 9), другой — цилиндрический, типа В (рис. 2, 8). При разборке камней между ними и под ними найдены железные пластина (рис. 2, 7), клин топора (рис. 2, 5) и пять небольших перержавевших кусочков железа, представлявших собой стерженьки или пластинки (рис. 2, 6). Кроме того, в центральной и южной частях ямы встречены четыре бронзовые пластинки-оковки от деревянной посуды (рис. 2, 1—4).

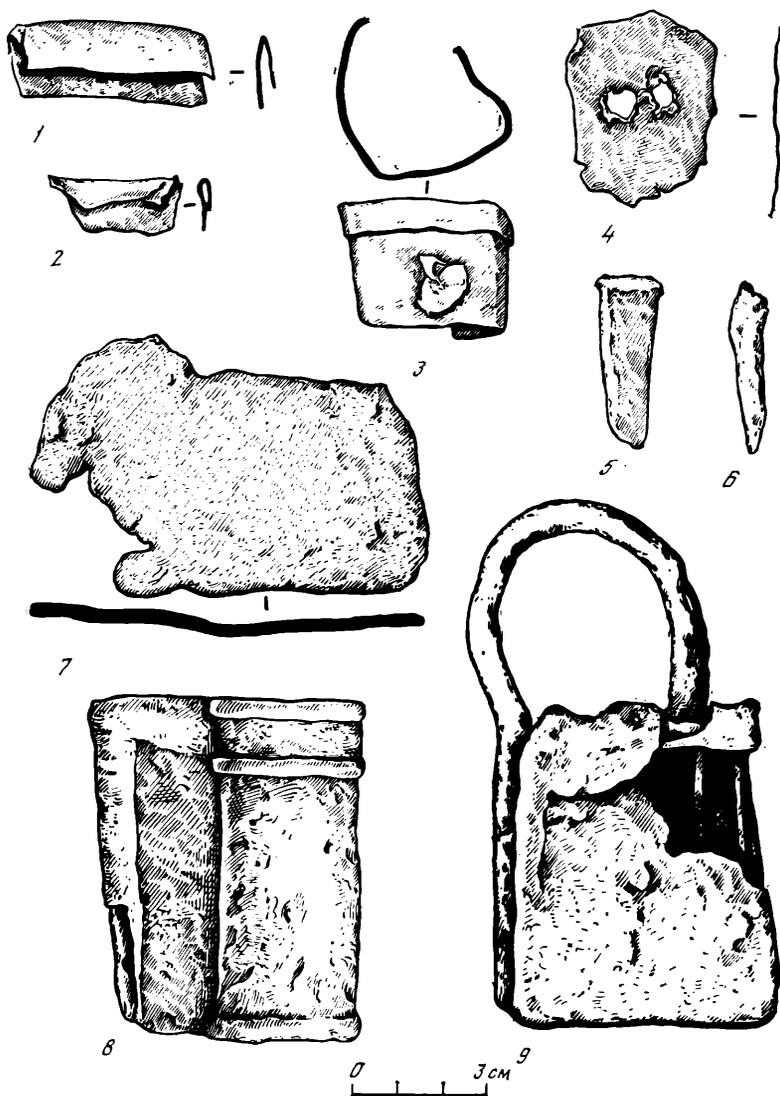

Рис. 2. Предметы из жертвенной ямы

1—4 — оковки сосуда; 5 — клин топора; 6 — стержень; 7 — пластина; 8, 9 — замки; 1—4 — бронза; 5—9 — железо

Под камнями в гумусированном слое расчищен сплошной завал костей животных. Первый ярус образовывали скелеты двух собак, лежавших на боку: одна — головой на юг, другая — на север, примерно посредине ямы (рис. 1, 2). Ближе к западному краю на том же уровне лежали кости двух уток. Кости стрепета, еще одной утки, птицы из семейства куриных и рыб лежали в центральной части ямы рядом с костями собак. Ниже, на глубине 35—40 см от древней поверхности, расчищено еще два скелета собак, один из которых лежал в центре ямы, а другой — несколько южнее. Под ним в придонной части ямы, на глубине 45—50 см, лежал последний, пятый скелет, вытянутый в направлении запад — восток, череп повернут к северу. Одна из собак — взрослая, две — щенки в возрасте до восьми месяцев⁴.

Тот факт, что комплекс представляет собой остатки языческого жертвоприношения, не требует особых доказательств. Необходимо сделать несколько замечаний относительно места комплекса в могильнике и его даты. Во-первых, жертвенная яма топографически несколько обособле-

на от погребений. Разрозненные кости погребения 13 оказались поблизости от нее в результате распахки. Несомненно, что жертвенная яма не относится непосредственно к какому-либо отдельному погребению из числа наиболее близких к ней и является вполне самостоятельным комплексом. Во-вторых, существенно, что все скелеты животных и металлические предметы попали в яму одновременно. На это указывают компактное положение костяков, лежавших вплотную друг к другу, и однородность черного гумусированного слоя, заполнявшего яму, а также отсутствие каких-либо находок, имеющих отношение к жертвенному комплексу, на прилегающей к нему площадке могильника. Нет никаких данных в пользу того, что жертвоприношения на этом месте совершались неоднократно.

Дата комплекса может быть установлена довольно точно по находкам замков. Кубические замки типа А с Т-образной прорезью для ключа, имевшие широкое распространение в X—XI вв., судя по новгородской хронологии, совершенно вышли из употребления к середине XIII в.⁵ Замок из могильника Горка принадлежит к числу поздних образцов этого типа: он отличается от замков X—XI вв. массивностью и грубостью исполнения. Замки типа В появились в обиходе со второй половины XII в. и бытовали в течение всего XIII в.⁶ Формально комплекс должен быть датирован второй половиной XII — первой половиной XIII в., но учитывая крайне редкую встречаемость замков типа А в XIII в., верхнюю границу можно опустить до рубежа XII—XIII вв. Топографически комплекс связан с ранней частью могильника, в котором, как уже сказано, начали хоронить в конце XII в. В итоге комплекс можно отнести к концу XII — началу XIII в.

Попытаемся теперь восстановить ход жертвоприношения. Вначале на окраине могильника вырыли яму. Затем были убиты пять собак и пять птиц. Их бросили в яму, туда же бросили рыбу или какое-то блюдо, приготовленное из рыбы. После этого яму присыпали землей, сверху поставили несколько деревянных сосудов, очевидно, содержащих какой-то напиток. Далее на присыпанную поверхность ямы бросили куски железа и два замка, один из которых был предварительно заперт. В заключение яму забросали камнями и залили расплавленным веществом, при застывании превратившимся в шлак. Последний факт устанавливается вполне определенно, поскольку шлак спекся с гумусированным песком, заполняющим яму.

Уникальность комплекса затрудняет его интерпретацию. При выяснении значения отдельных атрибутов обряда и всего ритуала неизбежно обращение к этнографическим материалам. Поскольку могильник принадлежит смешанному славяно-финскому населению, допустимо использовать данные как северорусской, так и финно-угорской этнографии. Особый интерес представляют языческие верования саамов и некоторых самодийских народов, которые, с одной стороны, сохранили ранние мифологические представления, общие для всех финно-угров, а с другой — заимствовали у славян и карел некоторые обрядовые элементы, утраченные в их первоначальной среде⁷.

Для понимания смысла обряда весьма важно, что остатки жертвоприношения были помещены в землю на территории могильника. С остатками жертвоприношений могли поступать по-разному: оставлять на поверхности земли, бросать в воду, вешать на дерево или на специальный столб, наконец, сжигать. Известные в восточнославянской этнографии и археологии случаи захоронения остатков жертвоприношения в земле связаны главным образом с различными обрядами, совершавшимися при поселении на новом месте или при закладке нового дома⁸. Но эти обряды явно не могут иметь отношения к рассматриваемому жертвенному комплексу. Другим поводом для помещения жертвенного животного в землю бывали эпидемия или падеж скота. При эпидемиях и эпизоотиях исполнялись довольно редкие обряды, когда вместе с покойником или павшим животным в землю закапывали (обычно живыми) черную кошку, собаку или курицу⁹. Сходные обряды существовали у саамов: демо-

ну болезни и смерти Rota приносили в жертву лошадей, зарывая их в землю живыми. К этим жертвоприношениям прибегали, когда жертвы другим богам не давали желаемых результатов¹⁰. Видимо, положение жертвенных животных в яме на площади могильника можно рассматривать как указание на то, что жертва адресована божествам смерти и подземного мира.

На это же указывает и выбор собак в качестве жертвенных животных. В восточнославянской этнографии известна лишь одна группа обрядов, требовавшая умерщвления собаки, — это уже упоминавшиеся обряды, имевшие целью прекращение эпидемии или эпизоотии. У саамов собак наряду с другими животными приносили в жертву в случае болезни оленей¹¹. У ненцев Архангельской губернии в XIX в. верховному божеству Нуму приносили в жертву оленей, а божеству подземного мира — оленей и собак, причем собак душили после захода солнца, повернув головой на запад. Жертва эта приносилась для исцеления от болезни, считалось, что голова собаки отдается черту вместо головы больного¹². У финно-угорских и самодийских народов Севера собака и собачья шерсть постоянно выступают как атрибут различных очистительных обрядов, исполнявшихся после похорон¹³. На территории северных областей древней Руси и в Финляндии кальцинированные и несожженные кости собак спорадически встречаются в погребениях IX—XII вв.¹⁴ Довольно часто целые скелеты собак попадают в курганах юго-восточного Приладожья¹⁵. Находки костей собак в погребениях отражают прежде всего существовавшее у многих народов представление о связи собаки с загробным миром и его божествами. Жертвоприношение собак было обычно адресовано враждебным человеку силам, посылающим болезнь и смерть, и преследовало цель не столько умиловить эти силы, сколько откупиться от них.

Труднее поддаются интерпретации находки костей птиц и рыб. Небольшие размеры и плохая сохранность костей не позволяют установить, были ли в яме целые скелеты птиц или отдельные кости, попавшие туда как остатки ритуальной трапезы. Против последнего предположения свидетельствует наличие в яме костей стрепета — хищной птицы, мясо которой едва ли употреблялось в пищу. Выбор для жертвоприношения уток можно было бы объяснить особой ролью этой птицы в мифологических представлениях финно-угров. Но так как в яме оказались кости не только уток, но и других птиц, можно заключить, что культовые представления, связанные с уткой, не были существенными в контексте данного обряда. Более достоверным кажется предположение, что совместное захоронение собак, птиц и рыб в жертвенной яме символизировало принесение в жертву обитателей трех стихий — земли, неба и воды.

Из четырех бронзовых пластин, найденных в яме, три имеют форму, близкую к прямоугольной, и загнутый край (рис. 2, 1—3). В центре одной из этих пластин сохранились остатки массивной бронзовой заклепки. Четвертая пластина имеет форму неправильного шестиугольника и снабжена двумя отверстиями для заклепок (рис. 2, 4). Подобные оковки служили для починки и, возможно, украшения деревянных чаш. Чаше всего их надевали на край сосуда, для чего и сгибали. Оковки встречены на Севере в ряде пунктов¹⁶, преимущественно в тех областях, где распространение гончарной посуды в XI—XIII вв. было ограниченным. Судя по изгибу пластин, оковка с заклепкой предназначалась для сосуда с небольшим диаметром, остальные — для крупных сосудов. Они найдены на значительном расстоянии друг от друга. Можно заключить, что сосудов было не менее четырех. Чаши скорее всего содержали хмельной напиток, употребление которого нередко сопровождало жертвоприношения.

Наиболее определенно восстанавливается символическое значение замков. Судя по этнографическим данным, в магических обрядах замки и ключи использовались для нейтрализации враждебных человеку сил,

для ритуального ограждения от колдовства, болезни и смерти¹⁷. Заслуживают внимания некоторые обряды с замками, совершавшиеся во время эпидемий и эпизоотий. В Костромской губернии для прекращения падежа скота над губами павшей скотины запирали замок, ключ от которого бросали в яму, где зарывали скотину¹⁸. Во Владимирской губернии при совершении аналогичного обряда в могиле оставляли замок, а ключ выбрасывали¹⁹. На Пиньщине существовал обычай бросать на похоронах замок в могилу, чтобы больше в семье никто не умирал. «Если умирают дети, то бабка, которая постоянно принимает детей, должна запереть замок и положить в гроб умершему ребенку под спину, а ключ бросить в колодец, с этого времени рождающиеся дети не будут умирать»²⁰. В Виленской губернии при повторении смертных случаев с детьми на грудь умершему ребенку клали запертый замок для преграждения смерти дальнейшего доступа²¹. По-видимому, сходные обряды существовали и в древнерусское время. С ними связаны находки замков и ключей в курганах и в первую очередь те случаи, когда замки встречены в погребениях при отсутствии большого набора бытовых вещей. Защитные свойства, способность создавать магическую черту, ограждающую человека от враждебных стихий, приписывали также и другим предметам, изготовленным из железа, и самому железу. Поэтому можно полагать, что небольшие железные предметы, найденные в яме, выполняли ту же роль, что и замки. Все железные вещи были использованы для совершения над ямой ритуального «замыкания» — нейтрализации злых сил. Охранительное значение имело и забрасывание ямы камнями. Еще в начале XX в. в Череповецком уезде существовал обычай во время эпидемии бросать камни вслед похоронной процессии, символизируя преследование убегающей смерти²².

Так как в яме найдены кости пяти собак и пяти птиц, очевидно, участников обряда было пятеро. Этому не противоречит находка четырех бронзовых оковок и девяти железных предметов. Вполне вероятно, не все чаши были снабжены оковками, а некоторые участники обряда бросали в яму по два небольших куска железа. Учитывая, что погребения в могильнике образуют пять рядов, в пятирhythmic участниках обряда можно видеть представителей пяти семей, обитавших на близлежащем селище и хоронивших покойников в могильнике.

Таким образом, комплекс представляет собой остатки жертвоприношения божествам смерти и подземного мира, поводом для которого послужило, вероятно, какое-то общественное бедствие — эпидемия, голод, неурожай. Представитель каждой семьи, участвовавший в обряде, должен был умертвить собаку и птицу, выпить хмельной напиток и бросить в жертвенную яму железо и камни, символизируя этим «замыкание» в подземном мире духов смерти и враждебных человеку сил.

Комплексы, аналогичные исследованному в могильнике Горка, неизвестны ни в славянских, ни в финских археологических материалах²³. Поэтому ответить на вопрос, с каким этносом связано происхождение обряда, трудно. Исследователи неоднократно высказывали мнение об особой стойкости языческих верований у финно-угорского населения окраин Руси²⁴. Некоторые атрибуты обряда кажутся более характерными для обрядовой практики финно-угров. Однако обряды, исполнявшиеся в подобные драматические моменты, у разных народов имели много общего. Конкретная этническая среда, в которой в конце XII — начале XIII в. исполнялся обряд, несомненно, не может рассматриваться как чисто финно-угорская: к этому времени население бассейна оз. Лаца было уже в значительной степени славянизировано.

Примечательно, что население, оставившее могильник, не отличалось особой приверженностью к язычеству: в погребениях часто отсутствуют украшения и почти нет бытовых вещей, западная ориентировка преобладает, руки у погребенных сложены на животе или груди. Совершение коллективных языческих жертвоприношений в этой среде едва ли было обычным явлением. Известно, что случаи массового обращения к язы-

ческим ритуалам в XI—XIII вв. часто были вызваны общественными бедствиями, во время которых христианские обряды казались, очевидно, недостаточно действенными. Можно вспомнить описанные в летописи под 1071 г. обряды, исполнявшиеся волхвами во время «скудости» на Белоозере, или оживление культа камней в Полоцкой земле во время голода 1127—1128 гг.²⁵ С подобной ситуацией было, вероятно, связано и возвращение к языческим жертвоприношениям на Каргополье в конце XII — начале XIII в.

- ¹ Рыбаков Б. А. Русалии и бог Симаргл-Переплут//СА. М., 1967. № 2. С. 91—116; Он же. Языческое мировоззрение русского средневековья//ВИ. М., 1974. № 1. С. 3—30; Седов В. В. Языческая братчина в древнем Новгороде//КСИИМК. М., 1956. Вып. 65. С. 138—141; Он же. К вопросу о жертвоприношениях в древнем Новгороде//КСИИМК. М., 1957. Вып. 68. С. 20—30; Даркевич В. П. Топор как символ Перуна в древнерусском язычестве//СА. М., 1961. № 4. С. 91—101.
- ² Макаров Н. А. Отчет о разведках и раскопках в Архангельской и Вологодской областях в 1982 г.//Архив ИА. Р-1. Л. 21—43.
- ³ Рябинин Е. А. Зооморфные украшения древней Руси//САИ. Л., 1981. Вып. Е1-60. С. 15.
- ⁴ Пользуясь случаем выразить благодарность В. П. Данильченко, определившей кости.
- ⁵ Колчин Б. А. Хронология новгородских древностей//Новгородский сб.: 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. С. 160, 162.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Stora N. The Burial Customes of the Skolt Lapps//Folklore Fellow Communications. Helsinki, 1971. N 210. P. 143—168, 273—286.
- ⁸ Зеленин Д. К. Тотемы деревьев в сказаниях европейских народов. Л., 1937; Байбурин А. К. Обряды при переходе в новый дом у восточных славян//СЭ. М., 1976. № 5. С. 81—85; Седов В. В. К вопросу о жертвоприношениях... С. 20—30; Миронова В. Г. Языческое жертвоприношение в Новгороде//СА. М., 1967. № 1. С. 215—220.
- ⁹ Журавлев А. Ф. Охранительные обряды, связанные с падежом скота, и их географическое распространение//Славянский и балканский фольклор. М., 1978. С. 80, 81; Супинский А. К. Материалы по этнографии Русского Севера [Рукопись]//Архив ЧКМ. Л. 28.
- ¹⁰ Manker E. Lappmarksgravar//Acta Lapronica. Stockholm, 1961. V. XVII. S. 12—14.
- ¹¹ Mobius H. Sjirole: Samiska traditioner om offer//Skrifter utgivna av Religions-historiska institutionen i Uppsala. Lund, 1972. V. 9. S. 68, 72, 73.
- ¹² Козлов Н. Архангельская губерния. СПб., 1865. С. 269.
- ¹³ Семейная обрядность народов Севера и Сибири. М., 1980. С. 139, 151, 152.
- ¹⁴ Седов В. В. Новгородские сопки//САИ. М., 1970. Вып. Е1-8. С. 21; Андреева Е. Г. Фауна Ярославского Поволжья по костным остаткам из ярославских могильников//Ярославское Поволжье X—XI вв. М., 1963. С. 93, 94; Lehtosalo-Hilander P.-L. Luistari: The Graves//SMYA. Helsinki, 1982. V. 82/1. P. 38—41.
- ¹⁵ Кочкуркина С. И. Юго-восточное Приладожье в X—XIII вв. Л., 1973. С. 18; Она же. Новые курганы в юго-восточном Приладожье//Средневековое поселение Карелии и Приладожья. Петрозаводск, 1978. С. 117; Назаренко В. А. О погребальном ритуале приладожских курганов с очажками//КСИА. М., 1974. Вып. 140. С. 41, 45.
- ¹⁶ Макаров Н. А. Средневековый могильник Попово на Каргополье//КСИА. М., 1982. Вып. 171. С. 83, 84. Рис. 3, 11; Косменко М. Г. Многослойное поселение Кудомы XI на Сямозере//Новые археологические памятники Карелии и Кольского полуострова. Петрозаводск, 1980. С. 139, 142.
- ¹⁷ Макаров Н. А. Магические обряды при сокрытии клада на Руси//СА. М., 1981. № 4. С. 261—264.
- ¹⁸ Смирнов В. И. Гадания Костромского края//ТКНОИМК. Кострома, 1927. Вып. 41. С. 29, 30.
- ¹⁹ Завойко К. Верования, обряды и обычаи великоруссов Владимирской губернии//ЭО. М., 1914. № 3/4. С. 125, 126.
- ²⁰ Булгаковский Д. Г. Пинчуки//Зап. РГО. Отд. этнографии. СПб., 1908. Т. XIII, вып. 3. С. 186, 188.
- ²¹ Бранденбург Н. Е. Курганы южного Приладожья//МАР. СПб., 1895. Т. 18. С. 66.
- ²² Супинский А. К. Локальные особенности пережитка культа предков у севернорусских [Рукопись]//Архив ЧКМ. Л. 15.
- ²³ Исключение составляет, возможно, один из комплексов могильника Погостище в бассейне оз. Воже. См.: Макаров Н. А. Раскопки могильника Погостище в Вологодской обл.//СА. М., 1983. № 3. С. 216.
- ²⁴ Аничков Е. В. Язычество и древняя Русь. СПб., 1914. С. 271—278; Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья//МИА. М., 1961. № 94. С. 144—148, 234.
- ²⁵ Рыбаков Б. А. Русские датированные надписи XI—XIV вв.//САИ. М., 1964. Вып. Е1-44. С. 26, 27.

НОВЫЕ ДАННЫЕ О КУРГАННОМ ОБРЯДЕ НА ТЕРРИТОРИИ ЛАТГАЛОВ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ II ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н. Э. (по материалам Резекненского р-на)

С конца X в. на территории латгалов наряду с грунтовыми появляются могильники, состоящие из круглых насыпей с индивидуальными труположениями ниже горизонта. Известно около 50 памятников, включающих в свой состав более 4 тыс. насыпей (рис.). Распределены курганные могильники по территории неравномерно. На севере Краславского, западе Лудзенского, юге Балвского районов и в Резекненском р-не, где встречены самые ранние курганные группы описываемого вида, сконцентрировано почти $\frac{2}{3}$ могильников и примерно $\frac{1}{5}$ всех зарегистрированных насыпей.

По инвентарю и некоторым обрядам курганные погребения сходны, как это неоднократно отмечалось¹, с грунтовыми могильниками. Курганный погребальный обряд на территории латгалов до сих пор мало привлекал внимание исследователей. Наибольший интерес представляют работы Ф. Балодиса, В. А. Уртанса и Э. Д. Шноре, содержащие важные наблюдения по этническим вопросам и анализ некоторых проблем, связанных с погребальными обрядами в восточной Латвии².

Рассматриваемые курганные могильники появляются на территории, где прежде — во второй половине I тысячелетия н. э. — были распространены грунтовые могильники с труположениями и группы курганов, состоящие из насыпей разных форм (круглых, удлиненных, длинных) и содержащие труположения на древнем горизонте или выше его, а также курганы с каменными венцами и индивидуальными труположениями ниже горизонта. Это разнообразие в характере погребальных памятников определено этнически смешанным составом населения восточной Латвии, который складывался из трех элементов — балтского, финского и славянского. Грунтовые могильники с труположениями все исследователи считают латгальскими памятниками³. Этническая принадлежность курганов до конца не выяснена⁴.

В последние годы при разведке археологических памятников и раскопках в Резекненском р-не получены сведения⁵, которые вместе с уже имеющимися материалами позволяют подробнее охарактеризовать рассматриваемый курганный погребальный обряд.

Эти памятники сохранились в лесистых местностях. Обычно они расположены вблизи водоемов, на возвышенных местах. Так, могильник Стикути находится на холмистой возвышенности между озерами Пиртниеку и Кангару, могильник Патмальниеки — на высоком холме южного берега оз. Уману. Число насыпей в одной группе колеблется от нескольких десятков до нескольких сотен. Самый большой могильник — Рикопольский — насчитывает 273 насыпи, самый маленький — Патмальникский — 13.

Форма курганов круглая или немного продолговатая. Их диаметр обычно 5—7 м, высота — 0,3—0,8 м. Насыпи редко достигают 10 м в диаметре и превышают 1 м в высоту. Так, в могильнике Куцини, насчитывающем 48 курганов, средний диаметр их 6,6 м, высота — 0,51 м; в могильнике Патмальниеки — соответственно 4,8 и 0,62 м.

Насыпи сооружены из песка. Углубления на вершинах, которые принято считать характерным признаком этих курганов⁶ и связывать с погребальным ритуалом⁷, очевидно, являются следами разрушений кладоискателей. В насыпях на различных глубинах находят угольки, а в основании фиксируется прослойка серой земли толщиной 5—15 см со следами пепла и углей. В Куцини в кургане 23 на серой прослойке от-

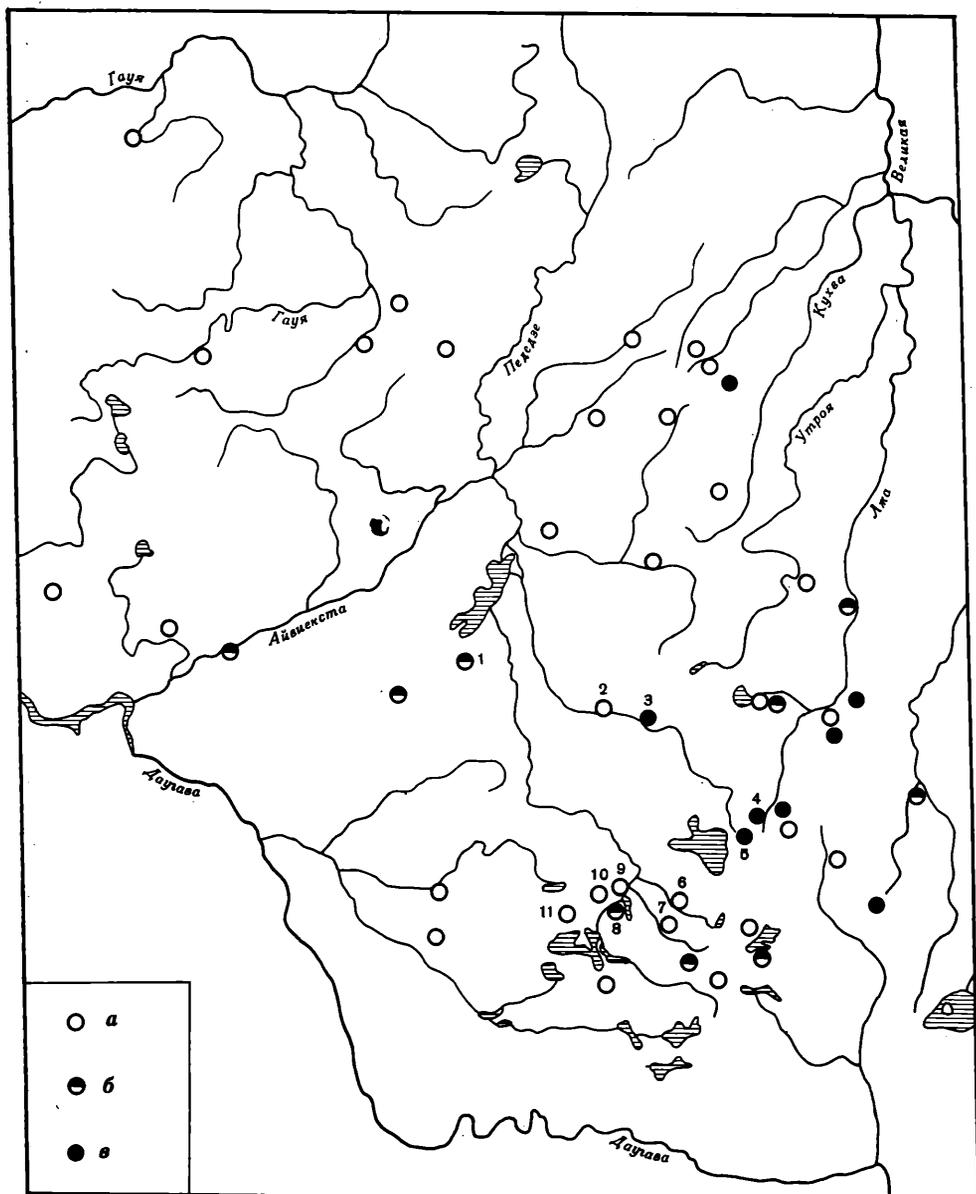

Рис. Курганные могильники на территории латгалов

a — могильники, насчитывающие до 100 курганов; *b* — могильники, насчитывающие до 20% курганов; *c* — могильники, состоящие более чем из 200 курганов; 1 — Цакули; 2 — Кудиня; 3 — Грейвули; 4 — Рикополе; 5 — Батни; 6 — Стикути; 7 — Патмальниеки; 8 — Бабри; 9 — Силгали; 10 — Ошури; 11 — Крупеници

крыто четырехугольное в плане деревянное сооружение размерами $4,6 \times 5$ м из горизонтальных бревен (диаметр 15—18 см), уложенных в один венец. Способ соединения бревен не установлен. Углы этой конструкции обращены к сторонам света. Бревна сильно обгорели. Возникает вопрос, насколько характерны деревянные сооружения для рассматриваемых могильников. К сожалению, у большинства из раскопанных курганов вскрыта только центральная часть насыпи, что не позволяет в полной мере оценить памятники. Известно, что в некоторых курганах, раскопанных траншеей или колодцем, например, в Грейвули⁸, в курганной насыпи отмечено обгорелое дерево. Возможно, что подобные деревянные сооружения были и здесь.

Курганы нередко окружены ровиками, следы которых на поверхности заметны не всегда. Ширина ровиков 0,8—1,4 м, глубина — 15—35 см. Они обычно имеют перемычки. Ровики не только служили источниками песка для сооружения насыпей, но имели какое-то ритуальное значение. В Куцини в кургане 31 прослежено, что ровик был выкопан до того как соорудили насыпь. Иногда ровики в основаниях курганов отсутствуют. Так, их нет ни у одного из трех исследованных курганов в могильнике Патмальниеки⁹.

Курганы обычно содержат одно, изредка (например, могильники Рикополе и Патмальниеки) — два погребения ниже горизонта¹⁰. Четырехугольные и овальные могильные ямы имели длину 1,9—2,5 м, ширину 0,5—1,2 м, глубину 0,2—0,9 м. Неясен вопрос о погребениях на горизонте, которые были зафиксированы П. С. Рыковым¹¹. Раскопки Ф. Балодиса, А. Штокманиса, Э. Д. Шноре на тех же памятниках (могильники Грейвули и Рикополе) ничего подобного не выявили. Погребения на горизонте не встречены и в других курганных могильниках.

Углистая земля в заполнении погребальных ям и ровиков, следы пепла и углей в подошвенной прослойке серой земли, угольки и обгоревшее дерево в насыпях курганов свидетельствуют о большой роли огня в погребальном ритуале.

В курганах представлены погребения двух видов. Для погребений с труположениями характерно захоронение умерших в вытянутом положении на спине. Лишь изредка, как это констатировано в могильнике Грейвули¹², покойник лежал на боку. Положение рук весьма разное, но чаще всего кисти рук сложены на груди. Умерших в могиле укладывали на лубе или настиле из досок, в деревянных колодах и гробах. С погребальным ритуалом связан обычай помещать под голову букет папоротника (могильник Рикополе)¹³. Этот обычай известен также в грунтовых могильниках¹⁴.

Погребальный инвентарь включает украшения, оружие, режущее — орудия труда. Так, в могильнике Грейвули инвентарь женского погребения кургана 10 состоял из бронзового венка, двух шейных гривен, фибулы, браслета и ожерелья из раковин каури; инвентарь мужского погребения кургана 2 — три бронзовых бубенчика, фибула и перстень, кожаный пояс с бронзовой пряжкой и оковками, железный нож, наконечник копья и две шпоры¹⁵. В расположении инвентаря прослежены некоторые закономерности — например, в погребениях мужчин топор и копья обычно находятся у правой ноги.

Строго соблюдается противоположная ориентировка — мужчин хоронили головой на восток, женщин — на запад (с отклонениями), что характерно также для грунтовых могильников¹⁶. Исключения весьма редки. В Куцини в кургане 23 в погребении конца XIII — начала XIV в. мужчина был обращен головой на запад — юго-запад; в могильнике Грейвули в погребении того же времени кургана 1 мужчина лежал головой на юго-запад¹⁷.

В рассматриваемых курганных могильниках встречаются и символические погребения. Так, в Куцини в кургане 31 в центре погребальной ямы, ориентированной с северо-востока на юго-запад и углубленной на 0,35—0,38 м в материк, находилась бронзовая фибула; в 0,15 м к северо-востоку от нее — два бронзовых браслета и два перстня, завернутых в шерстяную ткань; в 0,6 м к юго-западу от этой группы предметов — железный наконечник копья. В Грейвули курган 9 содержал только прослойку серой земли со следами пепла и углей¹⁸. Такие погребения принято считать захоронениями павших вдали от родины воинов. Символические погребения в курганах, так же как в грунтовых могильниках, — редкое явление¹⁹.

Анализ показывает, что курганный погребальный обряд был более сложным, чем представлялось до сих пор.

- ¹ *Balodis F. Vēlais dzelzs laikmets//Latvijas arheologija. Rīgā, 1926, 87—89 lpp.; Шноре Э. Д. Нукшинский могильник. Рига, 1957. С. 16; Latvijas PSR arheologija. Rīgā, 1974. 224 lpp.*
- ² *Balodis F. Ludzas — Rāznas apvidus senvietas//Izglītības ministrijas mēnešraksts. Rīgā, 1925. T. 11, 479—497 lpp.; Idem. Vēlais dzelzs laikmets. 87—89 lpp.; Urtāns V. Latvijas iedzīvotāju sakari ar slāviem I g. t. otrajā pusē//Arheologija un etnogrāfija. Rīgā, 1968. T. VIII. 65—85 lpp.; Шноре Э. Д. Латгалославянские контакты на территории восточной Латвии во второй половине I и начале II тысячелетия н. э.//Acta Baltico-Slavica. Bialystok, 1969. VI. S. 145—157.*
- ³ *Jākobsons F. Senlatviešu ienākšana Latvijā//Senatne. Rīgā, 1929. T. 1. 2—20 lpp.; Urtāns V. Etniskās atšķirības apbedīšanas tradīcijās un kapu inventārā Latvijā 5.—9. gs.//Arheologija un etnogrāfija. Rīgā, 1970. T. IX. 67—76 lpp.; Latvijas PSR arheologija. 149—150 lpp.*
- ⁴ Подробнее см.: *Лебедев Г. С. Проблема генезиса древнерусской курганной культуры//КСИА. М., 1981. Вып. 166. С. 22—27.*
- ⁵ *Урганс Ю. В., Радиньш А. Обследование памятников в восточной Латвии и раскопки на горе Луцес//АО 1978 г. М., 1979. С. 476; Радиньш А. Раскопки Пакрульского и Патмальниекского курганных могильников//АО 1980 г. М. 1981. С. 372.*
- ⁶ *Balodis F. Ludzas — Rāznas apvidus... 483 lpp.*
- ⁷ *Riekstiņš H. Latviešu cilšu kapu tipi un apbedīšanas parašas vēlā dzelzs laikmetā. Rīgā, 1935. 49 lpp.*
- ⁸ *Штокманис А. Отчет о раскопках 1920 г. в могильнике Грейвули//Архив Отд. археологии Музея истории ЛатвССР. АА 64. С. 3 (курган 3).*
- ⁹ *Радиньш А. Раскопки... С. 372.*
- ¹⁰ *Latvijas PSR arheologija. 244 lpp.; Радиньш А. Раскопки... С. 372.*
- ¹¹ *Рыков П. Древности Латгалии. Режица, 1917. С. 26, 34, 37—44.*
- ¹² *Штокманис А. Отчет о раскопках... С. 4, 6 (курганы 7, 11).*
- ¹³ *Balodis F. Ludzas — Rāznas apvidus... 483 lpp.*
- ¹⁴ *Latvijas PSR arheologija. 222 lpp.*
- ¹⁵ *Штокманис А. Отчет о раскопках... С. 2, 3, 5, 6.*
- ¹⁶ Подробнее см.: *Шноре Э. Д. Нукшинский могильник. С. 20, 21.*
- ¹⁷ *Шноре Э. Д. Отчет о раскопках 1935 г. в могильнике Грейвули//Архив Отд. археологии Музея истории ЛатвССР. АА 287. С. 4.*
- ¹⁸ *Штокманис А. Отчет о раскопках... С. 5.*
- ¹⁹ *Шноре Э. Д. Нукшинский могильник. С. 23, 24.*

В. А. ТЮЛЕНЕВ

ВЫБОРГСКИЙ ЗАМОК В КОНЦЕ XVI В.

(реконструкция к музейному показу)

Идея создания экспозиции архитектуры под открытым небом в Выборге принадлежит эстонским реставраторам, которые во второй половине 60-х годов начали архитектурное обследование сохранившихся построек замка и археологическое изучение его территории. При этом руководитель раскопок Е. А. Кальюнди ставил главной задачей максимально полное выявление утраченной застройки для ее последующей демонстрации. Эти работы явились первыми по-настоящему научными археологическими изысканиями в Выборге¹. Но начало накопления материалов натурального изучения исчезнувших построек замка относится к 20—30-м годам, когда архитектор Отто Ивари Меурман при благоустройстве территории выявил и частично исследовал раскопками целый ряд средневековых каменных и кирпичных сооружений².

Шесть лет работы Выборгской экспедиции ЛОИА не только принесли увеличение количества неизвестных архитектурных элементов, но и позволили впервые дать качественную оценку этапов формирования всего комплекса построек замка. Это стало возможным лишь благодаря раскопкам широкими площадями, когда выявлялась относительная хронология зачастую сложных узлов разновременных кладок, а датировка архитектурных элементов проводилась на основании находок из примыкающих слоев. Эти данные корректировались по письменным и графическим источникам³. Но сказанное отнюдь не означает, что раскопками исследованы все места, где под землей сохранились остатки построек. В первую очередь изучались участки, позволявшие ответить на ключевые вопросы развития планировки замка, конструкции укреп-

лений и их датировки. Под мостовыми или многометровыми насыпями остаются недоступными не только мелкие архитектурные детали, но и целые участки стен, башни, казематы. Кроме того, с точки зрения целостного изучения замка почти полностью открытым остается вопрос об архитектурном обследовании существующих зданий.

Данные археологии в сопоставлении с письменными и изобразительными материалами сейчас дают возможность проследить динамику развития замка в средневековье и связать ее с изменениями принципов построения обороны. В отличие от целого ряда укреплений, возведенных шведами при завоевании Финляндии, время закладки Выборгского замка зафиксировано документально западными и русскими источниками⁴. Это 1293 г., когда в результате третьего крестового похода феодалы растущего Шведского государства прочно закрепились на восточнофинских территориях, удержав при этом и земли трех погостов (Зурияпя, Саволак, Яскис), административно подчиненных Новгороду. Упрочению здесь шведских позиций вплоть до официального признания новых границ Ореховецким договором 1323 г. немало способствовал Выборгский замок. Для самих шведов он выполнял двойную функцию, являясь одновременно опорным пунктом на границе с сильным восточным соседом и военно-экономической базой для дальнейших экспансионистских устремлений. В последующем он стал играть также роль административного центра целой провинции.

Закладка замка происходила задолго до появления в регионе пушек, и его история отразила практически все этапы эволюции оборонно-строительных традиций, вызванной развитием огнестрельного оружия. Этот фактор со второй половины XV в. оказывал решающее влияние на формирование застройки острова, которая к началу XVII в. достигла расцвета. К этому времени замок представлял собой весьма сложную трехъярусную систему фортификационных, жилых и хозяйственных построек. Основу составляли разновременные каменные и каменно-кирпичные сооружения. Планировка в общих чертах складывалась из трех концентрических поясов, сформированных линиями укреплений. Доминирующее положение в центре занимала главная башня замка — башня св. Олафа. В конце XVI в. она являлась главным артиллерийским сооружением острова, откуда простреливались оба пролива и ближайшие подходы к замку и городу с северо-западной и приморской сторон. Это сооружение, достигавшее высоты 40 м (без кровли), насчитывало пять промежуточных ярусов и верхний открытый ярус для размещения тяжелых пушек. Свой облик башня приобрела в результате серьезной перестройки в 1561—1564 гг., когда, судя по документам, частично разобрали первоначальную прямоугольную доартиллерийскую постройку из гранита, а на сохранившемся (на высоту 12—16 м) основании достроили из кирпича на два яруса четвериковый объем, завершив его восьмигранником⁵.

Нижняя гранитная часть башни со сторонами около 16 м и толщиной стен до 4,5 м сохранила все признаки доогнестрельной постройки. Полная высота первоначальной башни неизвестна, но следы балок деревянной галереи (хурды) по верху древней части кладки позволяют, вопреки установившемуся мнению, предполагать, что она не достигала высоты современного четырехгранного основания. Несмотря на это, первую башню можно отнести к одной из крупнейших построек такого рода в шведском средневековье. По конструктивным особенностям она являлась бергфридом с колодцеобразным цокольным этажом, высоко расположенным входом и сводчатым перекрытием второго яруса. Этот старонемецкий тип башни широко применялся в оборонительных постройках Европы и как нельзя лучше подошел для островного Выборгского замка⁶. Отдельные помещения башни еще в середине XVI в. использовались как жилые. С момента реконструкции в 1561—1564 гг. башня стала одним из крупнейших артиллерийских сооружений подобного типа в Северной Европе. По высотным характеристикам с ней мог-

ли сравниться только некоторые приспособленные для артиллерии донжоны немецких и прибалтийских крепостей⁷.

О времени постройки первой башни, т. е. фактически о дате появления каменных построек замка, свидетельствуют находки из слоя пожара. Слой примыкает к северо-западному и северо-восточному фасадам. Оттуда, в частности, происходят шпоры (тип III по А. Н. Кирпичникову), распространенные в Швеции в период не позднее первой четверти XIV в., и черешковые и втульчатые наконечники стрел нескольких типов⁸. Тот же слой пожара примыкает изнутри к оборонительной стене, дугой окружавшей башню с запада и выявленной раскопками на всем протяжении. Таким образом, становится очевидным, что пожар, уничтоживший деревянную застройку у подножия башни не позднее середины XIV в., произошел внутри уже построенной крепости. Судя по обилию наконечников стрел, он явился следствием осады. Наиболее вероятно, что это были события 1322 г., когда сильный новгородский отряд, имея шесть камнететных машин, предпринял безуспешные попытки овладеть замком⁹.

Раскопки у юго-западного угла южного флигеля показали, что основание его наружной стены перевязано с цоколем каменной оборонительной линии, дугой огибавшей башню Олафа с запада. Следовательно, в первом варианте центр крепости представлял собой стену, охватывавшую вершину холма с башней в геометрическом центре защищенного пространства. Это, собственно, и был весь замок после первого этапа строительства, завершившегося не позднее середины XIV в. Не исключено, что внутри стены и за ее пределами уже в первой половине XIV в. существовали не только деревянные, но и каменные сооружения. Но за пределами возвышенности таковых пока не найдено, поэтому, вероятно, первоначально, сразу после 1293 г., шведы защитили каменным панцирем только верх островного холма, что вполне согласуется с традицией строительства замков на возвышенностях¹⁰. Наиболее раннее изображение фасадов замка (Л. Стобеус, 1703 г.) показывает стену к западу от башни Олафа, достигающую уровня третьего этажа южного и северного флигелей (около 12 м)¹¹. Но при визуальном осмотре наружных стен зданий между вторым и третьим этажами на высоте около 6 м четко прослеживается горизонтальный стык разных по технике кладок. В связи с этим примечательно, что на разрезах главных зданий, выполненных Я. Аренбергом в 1883 г., в месте упомянутого стыка кладок отмечен резкий перепад толщины стены¹². В основании на высоту до 6 м расположена наиболее толстая (до 2,2 м) кладка явно оборонительного назначения. Именно ее следует связывать с первой стеной замка. При осмотре наружной северо-западной стены южного флигеля выявлено, что ее основу по всей высоте составляет та же кладка, которая на южном длинном фасаде расположена непосредственно на толстой оборонительной. Это обстоятельство подчеркивает, что на начальном этапе башня Олафа не соединялась с окружным каменным поясом, а появление торцовой, довольно тонкой стены связано со строительством жилого флигеля, возведенного изнутри вплотную к более ранней защитной линии.

В письменных источниках фундаментальное жилое строительство впервые упомянуто для периода между 1442 и 1448 гг. Это было время наместничества в Выборге будущего шведского короля Карла Кнутсона. Согласно хронике его деяний он превратил замок в удивлявший современников великолепный ансамбль, приказав «построить вокруг стену с зубцами» и «красивые постройки», покрытые крышей¹³. О строительстве XV в. свидетельствуют отмеченные рядом изобразительных источников традиционные для того времени позднесредневековые готические своды в некоторых помещениях жилых корпусов. Все они находились на втором, наверняка парадном, этаже, который образован вторым поясом кладки наружных стен.

Оборонное строительство Карла Кнутсона подтверждается археологическими раскопками. Их результаты позволяют ответить на вопросы о датировке и конструкции второй линии застройки острова. Ее основу составляла каменная оборонительная стена, тянувшаяся по южному и западному берегам острова. Документы XVI в. дают основание считать, что восточный и северный участки до середины этого столетия были защищены дерево-земляными укреплениями¹⁴. В первоначальном виде южная береговая стена, располагавшаяся на 7—8 м ниже по склону, чем первое укрепление, тянулась, следуя контурам берега, от современного въезда в замок до восточного окончания южного флигеля. При раскопках выявлены вся высота и сохранившаяся протяженность сооружения. Толщину стены пронизывали отверстия балок навесной деревянной боевой галереи. С учетом вертикальной конструкции прикрытия (зубцов), необходимого для стоящего на галерее человека, полная высота стены достигала 7 м. Трасса разрушенного западного участка предполагается, что оборонительный пояс здесь соединялся с башней, располагавшейся до 1606 г. на месте современного въезда на остров. Находки из слоя (арбалетные наконечники, монета 1414—1441 гг.¹⁵), отложившегося со стороны двора на широком фундаменте стены, позволяют твердо считать эту линию обороны результатом строительной деятельности Карла Кнутсона. Наряду с жилыми зданиями в восточной части первого замка ее можно отнести ко второму этапу строительной истории комплекса. Относительную древность этих укреплений уже для середины XVI в. подтверждают также записи о необходимости починки «нижней стены» и, самое главное, о реконструкции двух башен (Новой и Дозорной), которые усиливали ее восточную и центральную части¹⁶. Обе постройки согласно результатам раскопок, подтверждаемым планом 1615 г., всем объемом располагались за внутренним фасадом стены и имели проезды вдоль ее оси. Фланкирующие качества были частично присущи только Новой башне, западный угол которой уступом был направлен в сторону въезда на остров.

Весь облик южной каменной линии XV в. свидетельствует о доартиллерийских оборонно-строительных приемах. Ее возведение в значительной мере усилило традиционную для средневековья вертикальную защиту, которая с этого момента складывалась из двух расположенных ступеню боевых ярусов. Замок был усилен характерной для шведских крепостей того времени конструкцией — цвингером, защитившим самое угрожаемое приморское направление¹⁷.

Первым опытом огнестрельной фортификации в замке следует считать круглую ронделеобразную башню на восточном углу главного флигеля. Судя по гермам рода Тоттов и Стена Стуре (наместники в Выборге с 1457 по 1499 г.), она была завершена не позднее рубежа XV—XVI вв.¹⁸ Примечательно, что именно около 1500 г. была увеличена по высоте и приспособлена для артиллерии аналогичная выборгской башни Длинный Герман на юго-западном углу таллинского Вышгорода¹⁹.

Максимальную застройку, судя по комплексу археологических, письменных и изобразительных данных, территория острова приобрела за вторую половину XVI в., после чего происходили главным образом утраты архитектурных элементов. Для этого периода документы отмечают коренную перестройку всей внешней оборонительной линии. В результате больших по объему работ замок был опоясан третьей (внешней) линией укреплений, значительной реконструкции подвергся весь цвингер XV в. (рис., 1, 2).

Предпринимались попытки ограничиться ремонтом старых укреплений (забутовка башен, ремонты дерево-земляных шканцев и бойверков). Но с 1559 г. по распоряжению короля на восточном берегу стали строить фундаментальную, первоначально опорную стену, превращенную затем в оборонительную. В 1935 и 1980 гг. был исследован ее южный участок²⁰. Он приложен (без перевязки) к каменной стене XV в. Эта защитная ограда толщиной до 1 м сложена внизу из гранита, а

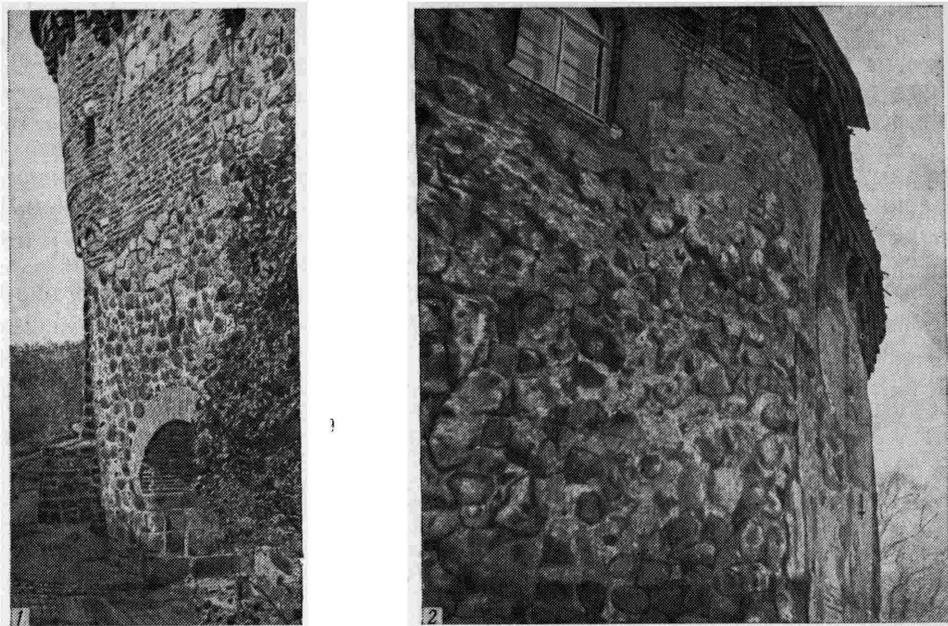

Рис. Настенные выступы конца XVI в. в Выборгском замке

1 — против въезда в замок; 2 — на западном берегу

вверху достроена кирпичом. Она имела бойницы для ручного огнестрельного оружия, высота которых над бывшим уровнем дневной поверхности (1,5 м) предусматривала размещение стрелков непосредственно на площадке двора. Снаружи к стене примыкала каменно-кирпичная постройка с воротным проемом и внутренней лестницей, поскольку перепад уровня между двором и берегом острова превышал 2,5 м. В целом все сооружение, в строительстве которого выделяются минимум два строительных этапа, являлось воротной башней, поставленной у пешеходного перехода через восточный пролив.

Полностью эти береговые укрепления сформировались в начале XVII в., когда в сторону фарватера был выдвинут насыпной бастион. Продолжаясь на север, восточная стена охватывала берег острова и соединялась с участком каменной линии перед северным бастионом. Начало строительства здесь по документам относится к 1561 г.²¹ В 1582 г. на южном берегу, на участке от Дозорной башни до въездной Пожарной, разобрали стену цвингера XV в. Вместо нее был полностью возведен новый участок, отодвинутый в глубь острова на 12—15 м. К востоку от Дозорной башни новую стену поставили на основание XV в. Вдоль западного берега до начала XVII в. возвели длинную дугообразную стену с зубцами, фундамент которой заложили уже в 1579 г. Наверху стену в трех местах венчали небольшие фланкирующие сооружения (средний вариант между седельной башней и эркером)²². Самый восточный из них располагался против въезда. Коренной перестройкой подверглись и башни цвингера. На месте Дозорной башни план и рисунок фасада 1703 г. показывают двухэтажный дом, который можно отождествить с «новым залом», сооруженным в 1583—1584 гг. Новая башня 1588 г. также всем объемом была включена в южный боковой флигель. Добавим, что въездная Пожарная башня в 1606—1608 гг. была заменена жилым домом со сводчатым проездом. Еще в конце XVI в. с двух сторон от этого въезда упоминаются земляные бастионы. Это были целиком насыпные платформы, положенные по археологическим данным прямо на дно залива и увеличившиеся в высоту в XVII в. План 1615 г. отмечает в их основании какие-то, скорее всего деревянные, конструкции.

Эти укрепления, целиком рассчитанные на применение артиллерии, завершили формирование внешнего пояса застройки. Кроме того, документы и раскопки позволяют сейчас говорить еще о ряде построек разного назначения. Но по отношению к главным элементам они являются второстепенными.

В заключение отметим, что дошедший до нашего времени архитектурный облик замка практически не позволяет представить его в период расцвета. В значительной мере этому будет способствовать музейный показ некогда разобранных или присыпанных сооружений, выявленных раскопками. Учитывая уже имеющийся в Выборге опыт подобной музеефикации, такие работы позволят оформить Замковый остров в виде историко-архитектурного музея-заповедника.

- ¹ *Kaljundi I. Viiburi lossi ajaloosi ajaloost //Ehitus ja arhitektuur. Tallinn, 1970. N 3. Lk. 53—58.*
- ² *Ruuth I. W. Wiipurin kaupungin historia. Lappeenranta, 1982. S. 180.*
- ³ *Hackman A. Bidrag till Vyborgs slott byggnadshistoria//Ånalecta archeologica fennica. Helsinki, 1944. N II. S. 1—189.*
- ⁴ См., например: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л. 1950. С. 59—65.
- ⁵ *Raekallio I. Wiipurin linna. Wiipuri, 1928. S. 3—6.*
- ⁶ *Tuulse A. Burgverlies — Gefängnis oder Vorratsraum//Acta visbiensia. Visby, 1973. Bd IV. S. 187—190.*
- ⁷ *Aluve K. Kuressaare linnus. Tallinn, 1980. Lk. 80.*
- ⁸ *Кирпичников А. Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX—XIII вв.//САИ. Л., 1973. Вып. E1-36. С. 61; Thordeman B. Armoir from the battle of Wisbi 1361. Uppsala, 1939. P. 134. Fig. 134.*
- ⁹ *Шаскольский И. П. Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII—XIII вв. Л., 1978. С. 232.*
- ¹⁰ *Drake K. Burgentypen in Finnland//Burggen und Schlosser. Braubach/Rhein, 1972. Bd I. S. 18—20.*
- ¹¹ Архив Выборгского музея. Д. 1795: Материалы по Выборгскому замку (подборка Е. А. Кальюнди).
- ¹² Архив Выборгского музея. Д. 1795.
- ¹³ *Hackman A. Bidrag... S. 60.*
- ¹⁴ *Ibid. S. 67—79.*
- ¹⁵ Приношу глубокую благодарность В. М. Потину за постоянные консультации по поводу монет из раскопок в Выборге.
- ¹⁶ *Hackman A. Bidrag... S. 60, 63.*
- ¹⁷ *Drake K. Burgentypen... S. 18—21. Abb. 9.*
- ¹⁸ *Hackman A. Bidrag... S. 28—30.*
- ¹⁹ *Tuulse A. Burgverlies... S. 188, 189.*
- ²⁰ *Ruuth I. W. Wiipurin kaupungin... S. 180.*
- ²¹ *Hackman A. Bidrag... S. 66—70.*
- ²² *Mały słownik terminologiczny dawnej architektury obronnej w Polsce. Kraków, 1974—1977. S. 10, 18, 70, 88.*

С. И. КОЧКУРКИНА, Л. С. РОЗАНОВА

ИТОГИ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ КУЗНЕЧНОЙ ПРОДУКЦИИ ДРЕВНЕЙ КОРЕЛЫ (по материалам городищ Паасо и Тиверск)

Проведенные в последние годы археологические исследования поселений древней корелы, систематизация и обобщение накопленного материала¹ сделали возможным изучение древнекарельских ремесел и в первую очередь ведущего из них — кузнечного.

Использование наиболее эффективных металлографических методов, в частности микроскопического анализа, позволило получить исчерпывающие технико-технологические характеристики², «являющиеся показателями уровня общественного развития»³.

Поскольку общая оценка кузнечной продукции, найденной на корельских поселениях, уже дана в литературе, задача нашей публикации состоит в том, чтобы путем сопоставления имеющихся технологических характеристик с соответствующими сведениями по аналогичным категориям изделий с памятников древней Руси выявить особенности местной железообработки и определить ее место в общей системе древнерусского кузнечного ремесла.

Исследованные кузнечные изделия происходят с городищ Тиверск (Приозерский р-н Ленинградской обл.) и Паасо (г. Сортавала Карельской АССР). Список кузнечных изделий, составленный на основании изучения археологических коллекций этих городищ, насчитывает более 60 наименований и, конечно, не исчерпывает всего железного инвентаря летописной корелы.

Оба поселения входят в группу памятников северо-западного Приладожья, датируемую XII—XV вв.⁴ Кузнечный инвентарь из могильников того времени малочислен, а плохая сохранность не позволяет изучить его микроскопически. Железный инвентарь из погребальных памятников V—XI вв., который мог бы помочь при решении вопроса становления корельского кузнечного ремесла, не подвергался металлографическому анализу. Поселения корелы этого периода пока не найдены.

На обоих памятниках, как и вообще на корельских поселениях, не удалось обнаружить существенных остатков древних кузниц с производственными комплексами. Зарегистрированы лишь развалы глинобитных горнов и скопления железных шлаков⁵.

О местном характере желедобывающего производства свидетельствует то обстоятельство, что северо-западное Приладожье уже в письменных источниках XV—XVI вв. упоминалось как место промышленной добычи руды⁶.

Микроскопическое изучение коллекции показало, что технология производства разнообразных изделий из Паасо и Тиверска сводится к нескольким схемам, в целом находящим аналогии в древнерусском ремесле IX—XV вв.⁷ При определении местных особенностей в развитии кузнечного производства была выбрана для сравнения одна категория, а именно ножи, обладающие наиболее подвижной технологией, оперативно реагирующей на изменения в экономике средневекового города. Эталонами последовательных изменений производственной технологии послужили ножи Новгорода, поскольку они происходят из хронологически четко определенных слоев. Это сравнение тем более интересно, что существует мнение о значительном влиянии Новгорода на материальную культуру корельских племен, вошедших впоследствии в состав Новгородской земли⁸.

Микроскопическим исследованием корельских материалов прослежено шесть схем производства ножей: трехслойный пакет, сварка стального лезвия в железную основу клинка, торцовая наварка стального лезвия на железную основу, косая наварка стального лезвия на железную основу, целиком из стали, поверхностная цементация.

Последние две технологические схемы, в отличие от различных вариантов сварной технологии, хронологически хорошо разработанных, определенной даты не имеют. Цементация — самый древний способ упрочнения рабочей части орудия, была широко освоена еще в период раннего железного века⁹.

В средневековом городском ремесле ножи с цементированными клинками довольно редки ввиду трудоемкости и нерентабельности технологии. Заслуживает внимания, что наибольший процент этого вида технологии зафиксирован среди ножей Старой Рязани (17,6%)¹⁰, в то время как в Новгороде, Киеве, Серенске, Ярополче Залесском такая непродуманная технология у ножей вообще не отмечена¹¹.

Среди корельской продукции обнаружен всего один нож с цементированным лезвием, происходящий из Тиверска. Он отличается от остальных исследованных ножей не только технологией, но и видом: более крупный черенок с широким лезвием заканчивается петлей. По форме он может быть сопоставлен с ножом, найденным в слое XVI—XVII вв. Старой Ладogi, хранящимся в коллекции Эрмитажа (инв. № ЛГ-213). Не исключено, что тиверский нож тоже относится к позднему средневековью.

Технология цельносталльных предметов также архаична. Она появилась примерно одновременно с цементацией и оставалась одной из ве-

душих технологических конструкций на всем протяжении железного века¹². Получение стальной заготовки с равномерным содержанием и распределением углерода по всему ее объему было процессом длительным и трудоемким. Образование цементированного слоя в 1—1,5 мм происходит в течение восьми-девяти часов¹³. Отковать же цельностальной предмет было под силу любому, даже малоквалифицированному кузнецу. Предмет, откованный из стали, служил долго, до полного стачивания клинка. Этот технологический прием наиболее соответствовал общинному характеру производства, когда кузнец-универсал, будучи одновременно и металлургом, изготавливал на заказ все необходимые поковки для членов своей общины.

В городском ремесле, когда металлодобывающая промышленность становится деревенским промыслом, зависимость кузнеца от металлурга в поставке материала, с одной стороны, и увеличивающийся спрос на железную продукцию — с другой, стимулировали поиск резервов экономики стали, завершившийся в конце концов появлением сварных технологий железа со сталью, сложных в техническом отношении, но значительно экономящих сталь.

Когда начался переход к новой технике, сказать трудно на данном этапе, однако, как установил Б. А. Колчин, в археологических памятниках древней Руси, датируемых IX—X вв., технологическая сварка четко фиксируется как доминирующий прием¹⁴. По результатам новых аналитических материалов выясняется, что утверждение экономически выгодной технологии происходит не на всей территории Русского государства одновременно. Окажется, что южнорусские земли тяготеют в технологическом отношении к использованию старых, традиционных способов производства — целиком из стали. Так, например, среди ножей из пластов Серенска, которые датируются домонгольским временем, цельностальные занимают более 30%¹⁵, среди ножей Старой Рязани — 34%¹⁶. Более 1/3 изученных ножей древнего Киева имели цельностальные клинки¹⁷. На других памятниках наблюдается следующая картина: в Любече — 12,5%¹⁸, в Белгороде Киевском — 40%¹⁹, в Сажках (территория улицей) — 60%²⁰, в Волковыске — один нож из пяти исследованных²¹, в Новгороде — один нож из 195 исследованных²², в Пскове — один нож из семи исследованных²³, в Ярополче Залесском — 51%²⁴.

Эта технологическая схема в производстве ножей на древних корельских памятниках фиксируется только в материалах Тиверска и составляет 1/4 часть исследованных тиверских ножей. В Паасо цельностальные ножи отсутствуют (рис. 1).

Самым древним из сварных технологических вариантов, как установил Б. А. Колчин, был способ изготовления клинков ножей в схеме трехслойного пакета. Анализируя большую серию новгородских ножей, происходящих из раскопок Неревского конца, исследователь обнаружил, что новгородские ножевики X—XI вв. применяли только эту сложнейшую и трудоемкую, но технически целесообразную технологию²⁵. Ножи с многослойными клинками IX—XI вв. найдены на многих древнерусских памятниках²⁶. Накопленный к настоящему времени значительный аналитический материал позволяет предположить, что наибольшее распространение многослойные ножи получают в северных областях Руси, на территории со смешанным славяно-финно-скандинавским населением²⁷.

Ножи, изготовленные в трехслойной технологии, в практическом применении имели то же качество, что и ножи целиком из стали: ими можно было пользоваться до полной стачиваемости клинка. Однако по сравнению с цельностальной технологией изготовление многослойного ножа, у которого сталь проходит лишь узкой тонкой полосой в середине клинка (на поперечном сечении в центре), позволяло экономить стальной материал более чем на 50%. Но выполнить многосварную технику мог только высококвалифицированный специалист, профессионально знающий как сам используемый материал, так и тонко разработанную тех-

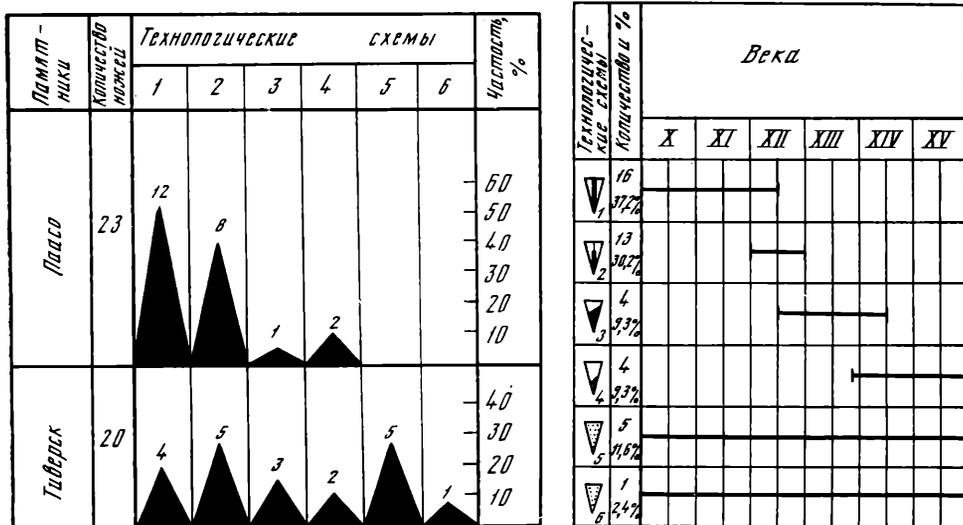

Рис. 1. Технологические схемы в производстве ножей

1 — трехслойный пакет; 2 — варка; 3 — торцовая наварка; 4 — косая наварка; 5 — цельносталые; 6 — цементация

Рис. 2. Хронология технологических схем в производстве ножей Паасо и Тиверска (по новгородской ярусологии)

1 — многослойные; 2 — с варным лезвием; 3 — с торцовой наваркой; 4 — с косой наваркой; 5 — цельносталые; 6 — с цементированным лезвием

нологию кузнечной сварки. Эта операция даже в современном кузнечном деле считается одной из самых сложных, поскольку ее выполнение требует не только правильного нагрева заготовок, но и правильной подготовки их поверхностей²⁸.

Самое раннее применение трехслойной технологии отмечено в Старой Ладог²⁹, где она была основной в слоях второй половины VII—IX в. (горизонты E₃ и E₂). На других археологических памятниках Северной Руси она составляет: в приладожских курганах — три ножа из трех исследованных, в Гнездовских — то же, во Владимирских — два ножа из двух исследованных, в Михайловских — один нож из одного исследованного, в Пскове — два ножа из семи исследованных³⁰, на поселении Городище Вологодской обл. — 80%³¹. В то же время складывается впечатление, что на территории южнорусских земель многослойная технология не получила широкого распространения.

Эта технологическая схема на памятниках Южной Руси, имеющих слой IX—XI вв., составляет: в Киеве — 18%³², в Любече — 15%³³, в Старой Рязани — 1%³⁴, в Белгороде Киевском — 1%³⁵, на отдельных поселениях Киевской Руси ее вообще нет³⁶, а у ее восточных соседей многослойные клинки практически отсутствуют³⁷.

Обращаясь к коллекции ножей древней корелы, отметим, что технология трехслойного пакета оказалась самой распространенной, составляя более 37% общего числа исследованных ножей (рис. 2). Наибольший процент (52) показали паасские ножи (рис. 1), при изготовлении которых мастерами были соблюдены все операции тонко разработанной сложной многослойной технологии. В отдельных случаях перепутаны используемые заготовки — полосы. Та же ошибка прослеживается на ножах из Тиверска — практически на всех орудиях, откованных по трехслойной технологии, наблюдается бессистемное расположение стальной и железной полос.

В Новгороде с начала XII в. технология трехслойного клинка ножа заменяется новым вариантом сварного лезвия, используемого до конца XII в.³⁸ Стальная полоса вваривалась лишь в нижнюю часть клинка.

Технология сварки стального лезвия в основу ножа имела довольно широкое распространение, но применялась значительно реже. Она составляет в Киеве 3% ³⁹, в Рязани — 3% ⁴⁰, в Серенске — 3% ⁴¹, в Ярополче Залесском — 11% ⁴², на Сарском городище — 5% ⁴³, на поселении Городище — 6% ⁴⁴, в Любече вообще нет ⁴⁵. Подобная технологическая схема изготовления занимает среди корельских ножей по степени применения второе место: в Паасо — примерно 35%, в Тиверске — 25% (рис. 1, 2).

Наибольший экономический эффект был получен при использовании технологии наварки стального лезвия на железную основу клинка, которая становится ведущей при изготовлении ножей в Новгороде (с начала XIII в.) ⁴⁶ и во всех древнерусских городах. Наварная стальная часть лезвия ножа, вначале массивная (торцовая наварка), становилась все меньше и меньше, пока не превратилась в тонкую пластину, наваренную на одну из сторон клинка (косая наварка). Последняя в Новгороде характерна для слоев конца XIII—XV в. ⁴⁷ Процентное соотношение наварной технологии в городах (суммарно для XIII—XIV вв.) следующее: в Киеве торцовая — 13%, косая — не прослежена ⁴⁸; в Старой Рязани торцовая — 16,5%, косая — 10,9% ⁴⁹; в Любече торцовая — 40%, косая — 9,8% ⁵⁰; в Ярополче Залесском торцовая — 20%, косая — 2,2% ⁵¹; в Белоозере торцовая — 80%, косая — 20% ⁵²; в Серенске торцовая — 61%, косая — не прослежена ⁵³.

Группа ножей с наварным стальным лезвием среди корельских находок составляет: в Паасо торцовая — 4,3%, косая — 8,6%; в Тиверске торцовая — 15%, косая — 10%.

Итак, сравнение самой массовой категории кузнечного инвентаря — ножей — из поселений древней корелы Паасо и Тиверск с многочисленными аналогами из городов древней Руси обнаруживает тесную и устойчивую связь местной и северорусской технологий. Как для северорусского, так и для древнекарельского кузнечного ремесла характерно использование прогрессивной сварной техники, в то время как в южнорусских областях преобладают традиционные архаичные способы изготовления поковок (целиком из железа, стали, цементированные). Сварные варианты технологий для X—XIV вв. составляют в Киеве 35% ⁵⁴, в Рязани — 30% ⁵⁵, в Новгороде — 100%, в Белоозере — 100% ⁵⁶, на поселении Городище — 85% и на корельских памятниках — 86%.

Изготовление ножей в Корельской земле имеет ряд особенностей. В их производстве наиболее часто употреблялись технологические схемы, доминирующие на севере Руси, в том числе в Новгороде, в IX—XII вв. (рис. 2). В Тиверске зафиксирован наибольший процент сварной технологии, в Паасо — многослойного клинка (рис. 1). Дата Тиверска по всему комплексу археологического материала определяется в основном XIV в., Паасо — XII—XIII вв. ⁵⁷, хотя на обоих поселениях есть отдельные вещи, датирующиеся X — началом XII в. ⁵⁸

Некоторое несоответствие между аналитическими показателями и основным археологическим комплексом пока нельзя объяснить однозначно. Можно, например, предположить, что северной периферии Новгородской земли не коснулись экономические стимулы, связанные с работой на широкий рынок. По всей видимости, не последнюю роль сыграли и устойчивые традиции, существовавшие в среде местных кузнецов. С этим, вероятно, связаны стабильность технологии трехслойного пакета и постепенная утрата секрета изготовления этого сложнейшего приема, что привело в конце концов к применению в Тиверске «псевдопакета».

Не вызывает сомнения, что древнекарельское кузнечное ремесло развивалось под влиянием традиций северорусских центров, в частности Ладоги и Новгорода. Однако истоки ремесленных традиций кузнечного дела следует искать скорее всего в материалах Старой Ладоги, мастера которой отработали технику многослойного клинка еще в конце VIII в. В этой связи чрезвычайно интересно проведение технологических исследований кузнечной продукции Старой Ладоги и раннекарельских (V—XI вв.) памятников.

- ¹ Кочуркина С. И. Археологические памятники корелы. Л., 1981.
- ² Хомутова Л. С. Технологическая характеристика кузнечных изделий из раскопок Тиверска и Паасо//Кочуркина С. И. Древняя корела. Л., 1982. С. 188—208.
- ³ Колчин Б. А. Роль естественных наук в изучении древнего производства//Естественные науки и археология в изучении древних производств. М., 1982. С. 5.
- ⁴ Кочуркина С. И. Археологические памятники корелы. С. 10.
- ⁵ Кочуркина О. И. Древняя корела. С. 38, 76, 77.
- ⁶ Колчин Б. А. Черная металлургия и металлообработка в древней Руси//МИА. М.; Л., 1953. № 32. Рис. 12.
- ⁷ Хомутова Л. С. Технологическая характеристика... Табл. 2. С. 207.
- ⁸ Кочуркина С. И. Древняя корела. С. 163; Зря-Эско А. Славяно-карельские культурные связи в IX—XIII вв.//Финно-угры и славяне. Л., 1979. С. 51; Кирпичников А. Н. Историко-археологические исследования древней корелы: «Корельский город» XIV в. Л., 1979. С. 73.
- ⁹ Вознесенская Г. А. Технология производства железных предметов Тлийского могильника//Очерки технологии древнейших производств. М., 1975. С. 76—115; Шрамко Б. А., Солнцев П. А., Фокин Л. Д. Техника обработки железа в лесостепной и степной Скифии//СА. М., 1963. № 4. С. 36—57.
- ¹⁰ Толмачева М. М. Технология кузнечного ремесла Старой Рязани//СА. М., 1983. № 1. С. 248.
- ¹¹ Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого//МИА. М., 1959. № 65. С. 50—52; Новое в археологии Киева. Киев, 1982. С. 273; Хомутова Л. С. Техника кузнечного ремесла в древнерусском городе Серенске//СА. М., 1973. № 2. С. 216—224; Она же. Результаты металлографического исследования кузнечных изделий//Седова М. В. Ярополч Залесский. М., 1973. С. 147.
- ¹² Вознесенская Г. А. Технология производства... С. 86; Вознесенская Г. А., Хомутова Л. С. Результаты металлографического изучения железных предметов Марицкого городища//Пузикова А. И. Марицкое городище в Посеймье. М., 1981. С. 106, 107; Хомутова Л. С. Кузнечная обработка на поселениях Смоленщины в эпоху железа//КСИА. М., 1982. Вып. 170. С. 28—33; Гопак В. Д. Ковальска справа у ранних слов'ян в Середньому Подніпрів'ї//Археологія. Київ, 1957. Т. 17. С. 16—18.
- ¹³ Болховитинов Н. Ф. Металлургия и термическая обработка стали и чугуна. М.; Л., 1931. С. 241.
- ¹⁴ Колчин Б. А. Черная металлургия и металлообработка... С. 252.
- ¹⁵ Хомутова Л. С. Техника кузнечного ремесла... С. 222.
- ¹⁶ Толмачева М. М. Технология кузнечного ремесла... С. 257.
- ¹⁷ Новое в археологии Киева. С. 273.
- ¹⁸ Вознесенская Г. А. Стальные ножи древнего Любеча//КСИА. М., 1965. Вып. 104. С. 145—149.
- ¹⁹ Мезенцева Г. Г., Гопак В. Д. Залізни вироби з стародавнього Белгорода//Археологія. Київ, 1974. Т. 14. С. 74.
- ²⁰ Гопак В. Д., Хавлюк П. І. Про технологію обробки заліза в уличів//Археологія. Київ, 1973. Т. 12. С. 34, 35.
- ²¹ Вознесенская Г. А., Хомутова Л. С. Металлографическое изучение кузнечных изделий древнего Волковьска//Беларускія старажытнасці. Мінск, 1972. С. 177, 184.
- ²² Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло... С. 51.
- ²³ Колчин Б. А. Черная металлургия и металлообработка... С. 252.
- ²⁴ Хомутова Л. С. Результаты металлографического исследования... С. 197.
- ²⁵ Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло... С. 51.
- ²⁶ Колчин Б. А. Черная металлургия и металлообработка... С. 74.
- ²⁷ Леонтьев А. Е. Классификация ножей Сарского городища//СА. М., 1976. № 2. С. 39.
- ²⁸ Скуратов В. Ф. Деревенская кузница. Л., 1927. С. 9—16.
- ²⁹ Хомутова Л. С. Кузнечная техника на земле древней веси в X в. (по материалам поселения у д. Городище)//СА. М., 1984. № 1. С. 208.
- ³⁰ Колчин Б. А. Черная металлургия и металлообработка... С. 252—256.
- ³¹ Хомутова Л. С. Кузнечная техника... С. 199—209.
- ³² Новое в археологии Киева. С. 273.
- ³³ Вознесенская Г. А. Стальные ножи... С. 147—149.
- ³⁴ Толмачева М. М. Технология кузнечного ремесла... С. 257.
- ³⁵ Мезенцева Г. Г., Гопак В. Д. Залізни вироби... С. 76.
- ³⁶ Гопак В. Д., Хавлюк П. І. Про технологію... С. 34, 35; Вознесенская Г. А. Кузнечное производство на славянских поселениях Среднего Поднепровья//Использование методов естественных наук в археологии. Киев, 1981. С. 24; Гопак В. Д. Ковальска справа... С. 15.
- ³⁷ Михеев В. К. Основные ремесленные производства болгаро-аланского населения Подонья в VIII—X вв.: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Харьков, 1968. С. 8; Толмачева М. М. Техника металлографического производства в Волжской Болгарии в X—XIII вв. по данным металлографии//Естественные науки и археология в изучении древних производств. М., 1982. С. 56—63.
- ³⁸ Колчин Б. А. Хронология новгородских древностей//Новгородский сб.: 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. С. 164.
- ³⁹ Новое в археологии Киева. С. 273.
- ⁴⁰ Толмачева М. М. Технология кузнечного ремесла... С. 249.
- ⁴¹ Хомутова Л. С. Техника кузнечного ремесла... С. 219.
- ⁴² Хомутова Л. С. Результаты металлографического исследования... С. 147.
- ⁴³ Леонтьев А. Е. Классификация ножей Сарского городища. С. 40.
- ⁴⁴ Хомутова Л. С. Кузнечная техника...
- ⁴⁵ Вознесенская Г. А. Стальные ножи... С. 147—149.

- ⁴⁶ Колчин Б. А. Хронология новгородских древностей. С. 163.
- ⁴⁷ Там же. С. 164.
- ⁴⁸ Новое в археологии Киева. С. 273.
- ⁴⁹ Толмачева М. М. Технология кузнечного ремесла... С. 250, 251.
- ⁵⁰ Вознесенская Г. А. Стальные ножи... С. 145—149.
- ⁵¹ Хомутова Л. С. Результаты металлографического исследования... С. 147.
- ⁵² Голубева Л. А. Весь и славяне на Белом озере в X—XIII вв. М., 1973. С. 124.
- ⁵³ Хомутова Л. С. Техника кузнечного ремесла... С. 219.
- ⁵⁴ Новое в археологии Киева. С. 273.
- ⁵⁵ Толмачева М. М. Технология кузнечного ремесла... С. 257.
- ⁵⁶ Голубева Л. А. Весь и славяне на Белом озере... С. 124.
- ⁵⁷ Кочкуркина С. И. Археологические памятники корелы. С. 59, 86.
- ⁵⁸ Там же. С. 60, 85.

В. И. КУЛАКОВ, М. М. ТОЛМАЧЕВА

ТЕХНОЛОГИЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ КОПИЙ ПРУССОВ (по данным могильника Ирзекапинис)

В результате работ Балтийской экспедиции Института археологии собран богатый археологический материал, характеризующий культуру пруссов раннего средневековья¹. Грунтовой могильник Ирзекапинис (в пос. Клинецовка Зеленоградского р-на Калининградской обл.) — самый исследованный памятник пруссов VIII—XII вв.² С 1977 по 1983 г. здесь раскопано 127 могил (трупосожжение, в основном на стороне). В нижних ярусах погребений располагались останки коней, в верхних — кальцинированные кости людей и погребальный инвентарь. Между погребениями вскрыты ритуальная площадка и четыре каменные ладьевидные кладки. По составу инвентаря выделяется три разряда погребений: I — с богатым инвентарем, II — промежуточная группа, III — малоинвентарные. Случаи сожжения в ладье, сгибания и втыкания в грунт оружия позволяют говорить о проникновении в X—XI вв. в местную среду скандинавского культурно-этнического импульса³.

В погребениях довольно часто встречаются железные изделия, главным образом вооружение всадника: мечи, копья, дротики, стрелы, а также удила, стремяна, ножи, топоры, ножницы, ключи, пряжки, кольца, накладки, заклепки и гвозди.

Металлографическое исследование прусских железных изделий проводится впервые. Цель настоящей работы — первый уровень интерпретации археологических данных: выявление известных в земле пруссов приемов кузнечной обработки железа (на основе серии изделий, происходящей с одного памятника), а также сравнение с синхронными культурами соседних территорий. Для исследования отобрана коллекция, состоящая из 25 втульчатых копий и двух черешковых дротиков. Исследование проводилось по методике, разработанной Б. А. Колчиным⁴, на металломикроскопе ММР-2Р; измерение микротвердости структурных составляющих — на микротвердомере ПМТ-3. Для выявления структур, богатых фосфором, проводилось дополнительное травление шлифов реактивом Стэда.

Поскольку обряд захоронения могильника — трупосожжение, все предметы коллекции покрыты глубокой коркой коррозии и окалиной. Сохранность формы и металла у большей части изделий неудовлетворительна. В связи с этим обнаруживаются трудности, связанные с интерпретацией материала. Так как режущая поверхность большинства изделий утрачена, нет возможности судить о строении лезвия во время их использования.

Изучение дротиков (№2016, 2024; рис. 1) свидетельствует о применении двух технологических схем изготовления оружия этого типа. Дротик

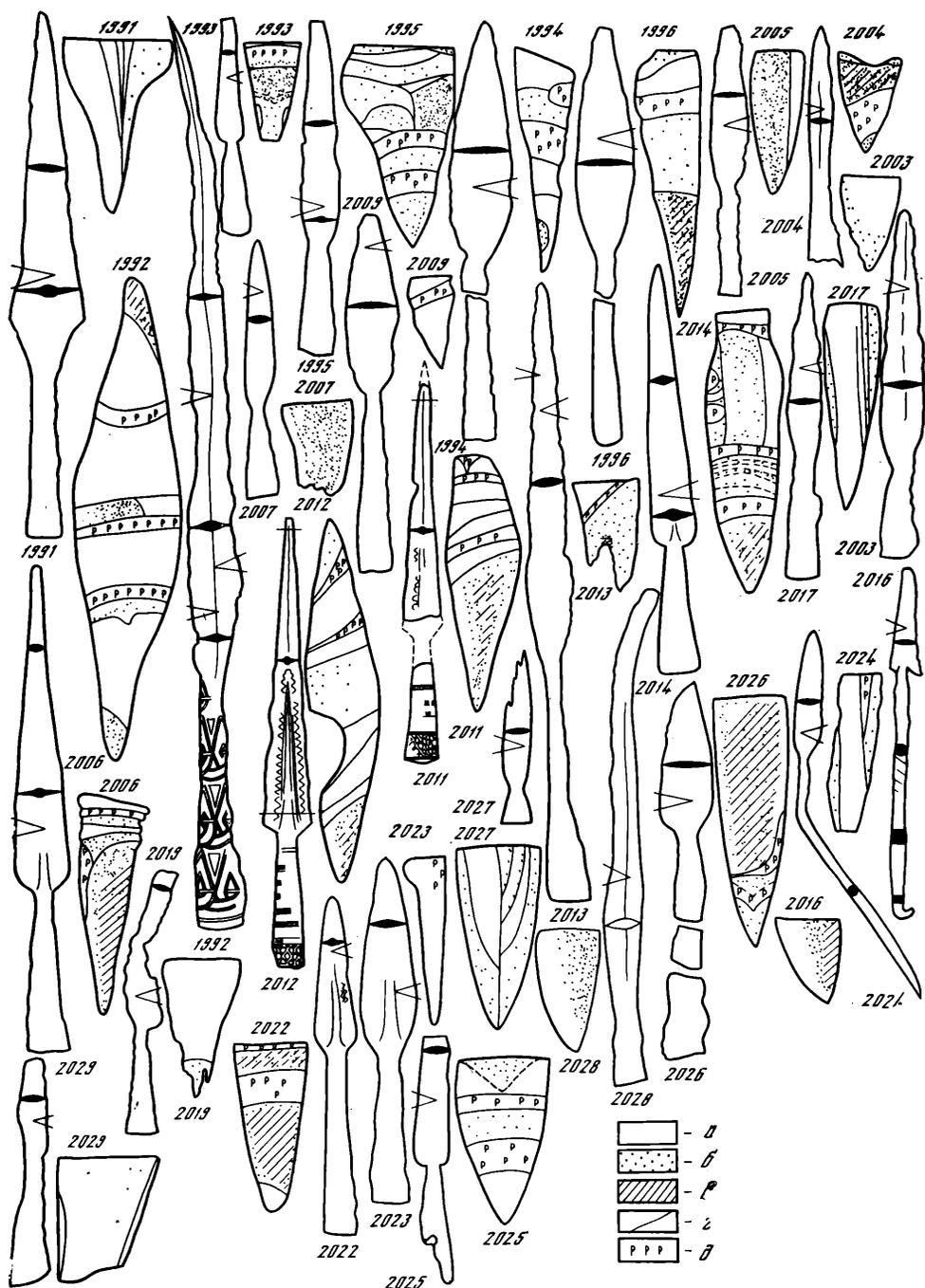

Рис. 1. Копья и дротики из могильника Ирзепакпинис, подвергнутые металлографическому анализу

а — железо; б — сталь; в — закалка; г — сварочный шов; д — высокофосфорное железо
 Номера соответствуют номерам анализов

№ 2016, вероятнее всего, цельносталльной. Он был откован из высокоуглеродистой стали и закален. В результате пребывания в области высоких температур произошло значительное выгорание углерода по краю изделия и образование неравномерного зерна. Резкая закалка была отпущена, о чем свидетельствует структура стали — сорбит с мартенситовой ориентировкой, с микротвердостью 350—383 кг/кв. мм. Основной технологией изготовления дротика № 2024 была многополосная сварка. Сва-

рочные швы (четкие и светлые) тянутся вдоль клиновидной фигуры шлифа. В центре помещены широкая полоса железа с микротвердостью 170—181 кг/кв. мм и узкая полоска железа с повышенным содержанием фосфора и микротвердостью 274 кг/кв. мм. По краям расположены полосы стали, имеющие в настоящий момент содержание углерода 0,1—0,15%.

При исследовании копий выявлено применение восьми технологических схем. Копье № 2023 отковано из железа без видимых следов сварки (рис. 1). Феррит мелкозернистый, с микротвердостью 143 кг/кв. мм. Два копия (№ 2007, 2028) были цельносталевыми. Копье № 2007 имеет в центральной части структуру сорбита — отпуска с микротвердостью 350 кг/кв. мм, переходящую по направлению к краям в феррито-перлит с содержанием углерода от 0,5 до 0,1%, края изделия обезуглерожены. На копьё № 2028 структура стали (феррито-перлит с содержанием углерода 0,2—0,4%) наблюдается только в центральной части изделия, постепенно она переходит в феррит, который по направлению к краю имеет все более крупное зерно, что свидетельствует о пребывании копия в области высоких температур. Микротвердость стали 206—221 кг/кв. мм, железа — 181 кг/кв. мм.

Можно предполагать, что при изготовлении копия № 2003 была использована технология цементации, так как центральная часть лезвия имеет структуру мелкозернистого феррита с микротвердостью 143 кг/кв. мм (рис. 1). По направлению к краю шлифа появляется науглероженность до 0,2%, края имеют крупнозернистое видманштеттное строение. Микротвердость стали 236 кг/кв. мм.

При изготовлении копий № 1991, 2027, 2017 использована технология многополосовой сварки, или пакетирования (рис. 1). Сварочные швы (светлые, тонкие) тянутся вдоль клиновидной фигуры шлифа. Центральная часть этих копий состоит из полос феррита, на лезвиях наблюдаются полосы стали с содержанием углерода 0,1—0,3%. По краю — видманштетная структура. Микротвердость железа — 151—181 кг/кв. мм, стали — 206, 221, 236 кг/кв. мм.

Копье № 2005 отковано из двух полос металла: тонкой полосы железа с микротвердостью 193 кг/кв. мм и полосы стали с микротвердостью 236—274 кг/кв. мм. Сталь имеет в центральной части содержание углерода 0,5—0,6%, местами наблюдаются участки сорбитной структуры. По направлению к лезвию содержание углерода падает, края обезуглерожены. Вероятно, изделие прошло термическую обработку, утраченную затем в пламени погребального костра.

В технологии трехслойного пакета отковано копьё № 2029 (рис. 1). Сварочные швы (тонкие, чистые) отделяют центральную полосу, изготовленную из стали с микротвердостью 160 кг/кв. мм. Структура имеет ярко выраженный видманштетный характер. По краям приварены узкие полосы железа с микротвердостью 170 кг/кв. мм.

Копье № 2019 отковано в технологии наварки стали на железную основу (рис. 1). Феррит имеет неравномерное зерно с микротвердостью 170 кг/кв. мм. Сварочный шов на лезвии ошлакован. Структура наварной полосы — феррито-перлит с содержанием углерода 0,1—0,2% и микротвердостью 170 кг/кв. мм.

Копья № 1992—1996, 2004, 2009, 2011—2014, 2022, 2025, 2026 объединяются в группу изделий, технологией изготовления которых был, видимо, сварочный дамаск (рис. 1). К сожалению, сохранность предметов не позволяет применить механическую очистку поверхности копий, чтобы выявить узор на плоскости пера. Однако у копий № 2011, 2012, 2022 рисунок на пере можно было наблюдать сразу после вскрытия погребений. Копья № 1993, 2011, 2012 украшены серебряной плакировкой по втулке. Наконечники копий с такими втулками известны в Прибалтике и Фенно-Скандинавии и изготовлены, как правило, из дамасской стали⁵. Орнамент в виде поясков на втулках копий из могильника Ирзекапинис — типично прусский и вне пределов Самбии практически неизвестен⁶.

Ряд признаков, обнаруженных при микроскопическом изучении внутреннего строения перечисленных наконечников, позволяет отнести их по схеме к технологии сварочного дамаска.

В отличие от наконечников копий, откованных в технологии многополосовой сварки, или пакетирования, у которых сварочные швы тянутся вдоль сечения пера, на этих экземплярах швы расположены поперек сечения, часто имея при этом криволинейный характер (рис. 2, 1).

Часть железных полос в каждом изделии изготовлена целиком из высокофосфорного железа, в отличие от отдельных участков фосфидной эвтектики в обычном железе. Известно, что мастера, ковавшие дамаскированное оружие, обязательно применяли высокофосфорное железо из-за оптического эффекта, дававшего прекрасный белый блеск (рис. 2, 1—3; 3, 6) ⁷.

В отличие от пакетирования, полосы сварочного дамаска, как правило, изготовлены путем чередования различных сортов железа и стали, при этом каждая последующая полоса отличается от предыдущей содержанием фосфора, углерода, величиной зерна, количеством или величиной шлаковых включений (рис. 2, 1).

При изготовлении дамаскированных наконечников копий узор обычно помещался в центральной части изделия, оружие закаливалося и довольно часто отпускалось ⁸. Все дамаскированные копия могильника Ирзекапинис снабжены наварными пластинами. Вследствие пребывания в пламени погребального костра содержание углерода в наварных стальных пластинах невысоко. Однако обезуглероженная поверхность по краям или структура видманшtedта свидетельствуют о том, что в момент изготовления оно было выше (рис. 3, 1). На копиях № 1996, 2004, 2006, 2011 2022, 2026 наварные пластины сохранили более высокое содержание углерода, закалку или ее следы. Как правило, фиксируется структура сорбита—отпуска с микротвердостью 274—350 кг/кв. мм (рис. 3, 3). На копье № 2022 сохранился даже участок мартенсита с микротвердостью 420 кг/кв. мм, а в центральной части копия № 2009 — участок высокоуглеродистой стали с содержанием углерода 0,7—0,8%. Сварочные работы в этой группе изделий выполнены качественно, наблюдаются тонкие, не забитые шлаком сварочные швы (рис. 3, 5). Полосы металла, употребленного при изготовлении изделий из сварочного дамаска, отличаются мелкозернистостью структур и хорошей проковкой (рис. 3, 2, 4), за исключением высокофосфорного железа, которое характеризуется крупным зерном и большим количеством часто довольно крупных шлаковых включений (рис. 2, 1). Микротвердость железа с повышенным содержанием фосфора очень высока — от 254 до 322 кг/кв. мм. Полосы простого железа также различаются по твердости, отмечено применение очень мягкого (135 и 143 кг/кв. мм) железа и железа с обычной микротвердостью (160, 170, 181, 193 кг/кв. мм). Стальные полосы в центральной части копий имеют небольшое содержание углерода — от 0,1 до 0,3%. Микротвердость — от 170 до 236 кг/кв. мм (рис. 3, 2, 4).

Процесс получения сварочного дамаска подробно исследован и описан Б. Нойманном, А. Льестолем, А. Франс-Ланором ⁹, А. К. Антейном и многими другими. Дамасский узор весьма разнообразен: от простого строчечного до сложного, в виде розы. Изучая наконечники копий, А. К. Антейн выделил 27 групп по видам узоров ¹⁰. Как отмечалось выше, характер узора на копиях могильника Ирзекапинис не может быть восстановлен полностью. Однако система расположения полос на сечении пера и форма этих полос свидетельствуют, что преобладал строчечный или простой угловой рисунок. Выделяются копия № 1992, 1995, 2006, 2014, 2026, где направление сварочных швов, округлые вставки высокофосфорного железа, многокомпонентность состава могут рассматриваться как признаки более сложного узора, выходящего на плоскость пера.

Общеввропейской классификации средневековых наконечников копий и дротиков не существует. Типологии, разработанные на материалах отдельных регионов, не совпадают. Количество типов в каждой из них

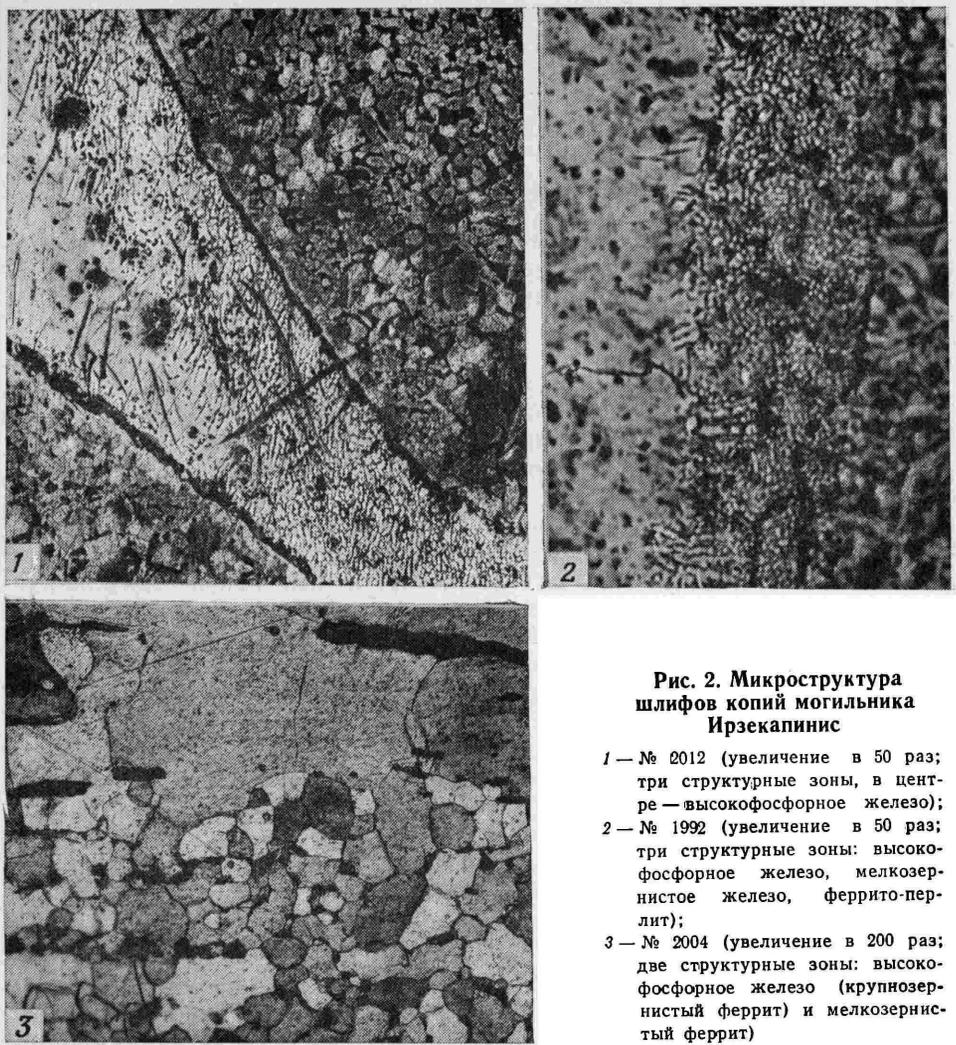

Рис. 2. Микроструктура шлифов копий могильника Ирзекапинис

- 1 — № 2012 (увеличение в 50 раз; три структурные зоны, в центре — высокофосфорное железо);
- 2 — № 1992 (увеличение в 50 раз; три структурные зоны: высокофосфорное железо, мелкозернистое железо, феррито-перлит);
- 3 — № 2004 (увеличение в 200 раз; две структурные зоны: высокофосфорное железо (крупнозернистый феррит) и мелкозернистый феррит)

различно. Так, в скандинавском материале выделены типы от А до М¹¹, в польском — девять типов, среди центральноевропейских копий — восемь типов¹², среди древнерусских — семь¹³. Ни одна из этих классификаций полностью не приложима к прусскому материалу. Поэтому была использована система поисков максимально близких аналогий среди копий, упомянутых в исследованиях. Распределение наконечников копий по типам дано по Я. Петерсену (L, G, E), А. Рутткай (IVb), А. Н. Кирпичникову (IIIК, IVК). Хотя листовидные копья в эпоху раннего средневековья были известны по всей Европе, но плоское с одной стороны в виде сегмента сечение, соотношение размеров втулки и пера, общие размеры позволяют выделить такие копья в особый тип а₁. Тип а₁ точных аналогий не находит. Хронология копий дана согласно общей датировке погребального комплекса (табл.).

Анализ таблицы показывает, что хотя могильник охватывает значительный хронологический отрезок, все исследованные наконечники копий принадлежат XI в., из них четыре можно отнести к началу и первой половине этого столетия, один — ко второй половине, а основную массу — к середине.

Можно сделать вывод об определенной стандартизации изготовления копий. Так, полное совпадение формы копий № 2011 и 2012, происходящих из одного погребения, демонстрирует и единство технологии. Это, вероятно, следствие общности их происхождения (из одной мастерской).

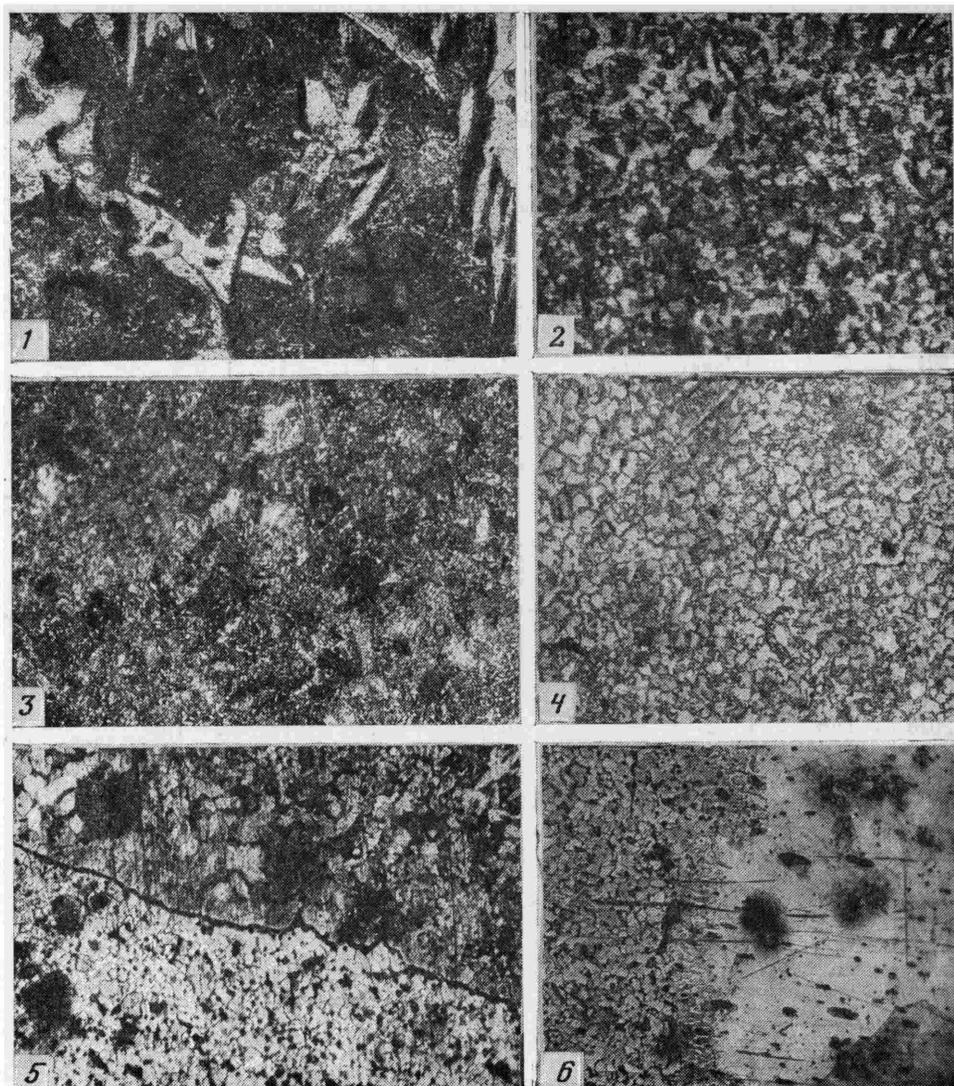

Рис. 3. Микроструктура шлифов копий могильника Ирзакпинис

1 — 2012 (увеличение в 120 раз; видманштеттная структура); 2 — № 2014 (увеличение в 200 раз; феррито-перлит); 3 — 2008 (увеличение в 200 раз; феррито-перлит); 4 — № 2013 (увеличение в 200 раз; феррито-перлит); 5 — 2012 (увеличение в 50 раз; феррит и феррито-перлит, разделенные сварочным швом); 6 — № 2004 (увеличение в 50 раз; крупнозернистый феррит с высоким содержанием фосфора и мелкозернистый феррит)

Выделяется тип IVb. Если отбросить копьё № 2019, относимое к этому типу условно, то технология изготовления копий этого типа едина — сварочный дамаск. Наконечники копий типов IIIK, IVK, аналогии которым обнаружены в юго-западном Приладожье и Залахтове¹⁴, имеют и обычные для древнерусского ремесла технологические схемы¹⁵: цельностальные, цельножелезные, сваренные из двух полос, цементованные. Сварочный дамаск не обнаружен. Тип а₁ един в технологическом отношении — все копия изготовлены путем дамаскирования. На наш взгляд, отсутствие полной корреляции между технологией изготовления и типами копий объясняется в первую очередь нерепрезентативностью выборки, а также отсутствием единой классификации этой категории оружия.

Можно проследить еще несколько намечающихся связей. В «богатых» погребениях (разряд I) и в сожжениях в ладье представлены только наконечники копий северо- и центральноевропейских типов. Копья типов

Данные о наконечниках копий прусского могильника Ирзекапинис

Анализ	Тип	Технология	Погребение	Период XI в.	Разряд погребения	Примечание
2016	L	Цельностальной	64	Середина	I	—
2024	L(?)	Пакетированный	около 27	То же	II	Погнут
1991	G ₁	То же	2	Начало	I	—
1992	G ₂	Дамаск	12	Первая половина	I	В обряде — скандинавские черты
2004	E	То же	35	Середина	III	—
2017	E	Пакетированный	64	То же	I	—
2028	?	Цельностальной	—	—	—	Обнаружен вне погребений
1993	IVb	Дамаск	16	»	I	Втулка плакирована. В обряде — скандинавские черты
1995	IVb	То же	27	»	II	—
2006	IVb	»	36	»	II	—
2011	IVb	»	45	»	I	Втулка плакирована
2012	IVb	»	45	»	I	То же
2022	IVb	»	70	Первая половина	I	Орнаментация на пере
2025	IVb	»	—	—	—	Обнаружен вне погребений
2019	IVb?	Наварка	66	Середина	III	Конец погнут
2007	IIIK	Цельностальной	38	Первая половина	III	—
2005	IIIK	Из двух полос	35	Середина	III	—
2003	IIIK	Цементация (?)	35	То же	III	—
2023	IVK	Железо	71	»	III	—
1994	a ₁	Дамаск	27	»	II	—
1996	a ₁	То же	28	»	III	—
2009	a ₁	»	44	Вторая половина	II	—
2013	a ₁	»	47	Середина	III	—
2026	a ₁	»	—	—	—	Обнаружен вне погребений
2029	?	Трехслойный пакет	—	—	—	То же
2027	?	Пакетированный	—	—	—	»

IIIK, IVK, имеющие аналогии в восточноевропейских древностях, обнаружены только в погребениях разряда III.

В то время как в Западной Европе оружие из сварочного дамаска было доступно только очень богатым людям, так как оно оплачивалось стадами скота или целым урожаем¹⁶, в могильнике Ирзекапинис подобные копия обнаружены даже в «бедных» по общим признакам погребениях. Такой феномен связан, по-видимому, с особыми чертами хозяйства пруссов Самбии. Основой его наряду со скотоводством, рыболовством и торговлей был и военный промысел. Видимо, большая часть копий пруссов была военной добычей.

Суммируя наблюдения, можно сделать вывод о том, что технология изготовления копий Самбии на небольшом временном отрезке в сто лет весьма разнообразна. Фиксируется применение всех основных технологических схем, известных в кузнечном деле средневековья. Преобладает технология сварочного дамаска. Сопоставление полученных данных с ре-

зультатами металлографических исследований в Литве и Эстонии¹⁷ обнаруживает определенную близость.

Долгое время, основываясь на данных письменных источников, производство изделий из сварочного дамаска связывали с государством франков. Широкие металлографические исследования позволили сделать вывод, что дамаскирование развивалось не в одном центре, а в нескольких мастерских Европы¹⁸. Исследование копий могильника Ирзекапинис выявляет еще один регион распространения изделий из сварочного дамаска — землю пруссов.

- ¹ Кулаков В. И. Результаты раскопок грунтового могильника у пос. Клиновка в 1977 г.//Acta Baltico-Slavica. Bialystok, 1980. Т. XIII. S. 213—242; Он же. Древности пруссов VI—XIII вв. (по данным погребальных памятников) [Рукопись]//Архив ИА. Р-2. № 2304.
- ² Кулаков В. И. Древности пруссов... С. 152, 153.
- ³ Кулаков В. И. Ритуальный комплекс на могильнике у Клиновки//КСИА. М., 1980. Вып. 160. С. 89.
- ⁴ Колчин Б. А. Черная металлургия и металлообработка в древней Руси//МИА. М.; Л., 1953. № 32. С. 12—15.
- ⁵ Антейн А. К. Дамасская сталь в странах бассейна Балтийского моря. Рига, 1973. С. 72—79.
- ⁶ Кулаков В. И. Древности пруссов... С. 262, 263.
- ⁷ Piaskowski J. The manufacture of medieval damascened knives//Journal of the Iron and Steel Institute. London, 1964. V. 202. P. 561—569; Thomsen R. Metallografische Untersuchungen einer wikingzeitlichen Lanzespitzen aus Haithaby//Berichte über Ausgrabungen in Haithaby. Neumünster, 1971. Bd. 5. S. 16, 82.
- ⁸ Антейн А. К. Дамасская сталь... С. 23, 24.
- ⁹ Neumann B. Römischer Damaststahl// Die ältesten Verfahren der Erzeugung technischen Eisens. Berlin, 1954. N 6. S. 60—65; Liestol A. Blodrefill og Mal-Viking. Oslo, 1951. T. 15. S. 71—98; France-Lanord A. La fabrication des épées damassées aux époques mérovingiennes et carolingiennes//Revue historique de la Lorraine. Nancy, 1949. P. 25—32.
- ¹⁰ Антейн А. К. Дамасская сталь... С. 66.
- ¹¹ Petersen J. De norske vikingesverd. Kristiania, 1919. Tab. 7—25.
- ¹² Ruttkai A. Waffen und Reiterausrüstungen des 9. bis ersten Hälfte des 14. Jahrhunderts in der Slowakei//Slovenska archeologia. Bratislava, 1976. Roč. XXIV, č. 2. S. 299—302.
- ¹³ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 2: Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени//САИ. Л., 1966. Вып. Е1-36. С. 9—23.
- ¹⁴ Там же. Табл. V, 1; XXIII, 6.
- ¹⁵ Колчин Б. А. Черная металлургия и металлообработка... С. 142, 143.
- ¹⁶ Pleiner R. Staré evropské kovářství. Praha, 1962. S. 280.
- ¹⁷ Станкус Й. Технология производства мечей и копий Литвы IX—XIII вв.// Тр. АН ЛитССР. Вильнюс, 1970. Сер. А. Т. 2. С. 122—129; Антейн А. К. Дамасская сталь... С. 64—124.
- ¹⁸ Ruttkai A. Waffen und Reiterausrüstungen... S. 270; Pleiner R. Staré evropské kovářství. S. 280.

ГРАДОСТРОИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ПСКОВСКОЙ ФЕОДАЛЬНО-ВЕЧЕВОЙ РЕСПУБЛИКИ

Одной из особенностей Псковской земли в период наибольшего расцвета феодальной республики в XIV—XV вв. является отсутствие в ее пределах городских центров, сколько-нибудь сравнимых с Псковом, и их малое количество вообще до конца XIV в.

Это обстоятельство можно было бы объяснить сравнительно небольшой площадью земли (максимальные размеры ее 300×100 км), как и делали историки Пскова прошлого века¹. Однако в большинстве древнерусских княжеств на немногим большей территории располагалось значительное число относительно крупных городов².

Исследователи соседней вечевой республики В. Л. Янин и Б. А. Колчин объяснили аналогичную ситуацию в Новгородской земле центростремительной тенденцией боярства. По их мнению, политическое могущество новгородского боярина, в отличие от княжеского боярина, самостоятельность которого увеличивалась по мере отдаления от князя и достигала вершины в боярском городке, зависело от степени участия в государственном управлении республикой, от власти, организованной в Новгороде на основах представительства от самоуправляющихся районов-концов. Поэтому боярин в Новгородской земле, владея громадными латифундиями, жил в городе³. Известные за пределами Новгорода боярские городки-замки лишены культурного слоя. Они служили лишь для временных остановок во время объезда владений⁴.

Ю. А. Кизилов находит объяснение этой особенности Новгородской земли в ее своеобразных естественно-географических условиях, так как другого более обширного массива земли, способного удержать такую же, как в северном Приильменье, концентрацию населения, она практически не знала⁵.

В Псковской земле, где органы и формы управления вечевой республики в основных чертах дублировали новгородские⁶, случаи проживания бояр за пределами стольного города, даже по долгу службы, были единичны⁷. Все это свидетельствует о том, что местом постоянного пребывания такого же боярства являлся главный город земли. Низовья Великой так же, как и Приильменье, выделяются особыми естественно-географическими условиями⁸. Тем не менее, динамика роста территории Пскова (а М. Х. Алешковский убедительно показал, что статус горожанина определялся именно проживанием в пределах крепостных стен⁹) свидетельствует, что одних этих объяснений все-таки недостаточно.

Во второй половине XIII в., вероятнее всего, между 1285 и 1299 гг., в Пскове возводятся стены Довмонта города¹⁰, и под прикрытием их оказывается территория в 6 га. В 1309 г., после сооружения стены посадника Бориса, эта площадь увеличивается до 23 га¹¹. В 1375 г., взамен построенной вскоре после 1368 г. деревянной стены, псковичи воздвигают четвертую каменную линию обороны¹². Площадь собственно городской территории достигает после этого около 40 га¹³, а после сооружения стены 1465 г.—212 га¹⁴. Это колоссальные размеры. Для сравнения укажем, что площадь наиболее значительных пригородов Пскова составляла: Изборск—2,4 га, Остров—2,1 га, Велье—2 га, Гдов—4 га, а площадь крупнейшего города Северной Руси Новгорода (в пределах не стен, а даже валов)—260 га¹⁵.

Какие же причины вызвали столь быстрый и значительный рост Пскова? Демографический взрыв здесь маловероятен, потому что, хотя на 1280—1380 гг. и приходится вершина позднесредневекового потепления¹⁶, регулярные моровые поветрия, неурожай и следовавшие за ними голодные годы уносили значительное количество населения¹⁷. Приток его извне тоже маловероятен, так как известно, что, например, в годы общерусского голода псковичи выпроваживали прибывающее население за пределы своей области¹⁸. Присутствие иноземцев в составе псковского войска всегда особо оговаривается в летописях¹⁹. Нет в них и свидетельств о происхождении того или иного человека из городов чужой земли, о своих же сообщается в форме: Пух-Изборянин, Яков-Ворончанин²⁰.

Известно, что в Псковской земле преобладали мелкие и средние вотчины²¹. Согласно новейшим исследованиям Псковской Судной грамоты, в условиях вечевой республики мелкий вотчинник, член городской общины, «ни в какое тягло не тянет»²².

Податной иммунитет членов городской общины — специфическая особенность социально-политического устройства вечевых городов-земель. Она прослеживается по письменным источникам с начала XIII в. до последних десятилетий существования «Господина Великого Новгорода» и «Господина Пскова»²³.

Эта причина и вызывала постоянный приток сельскохозяйственного населения из волостей, а именно оно составляло основную массу горожан²⁴, за счет которого столь сильно разросся Псков. Впрочем, большую часть года «селянин-псковитин», как его называет Псковская Судная грамота²⁵, имевший клеть или двор в городе, проводил за работой в своем селе²⁶.

Остальные города земли, судя по всему, не имели права на увеличение своей территории, потому что по имеющимся данным со второй четверти XIV в., а возможно и раньше, Псков монополизировал право градостроительства в республике и сам устанавливал размеры собственно городской территории, а точнее, число членов городской общины в своих пригородах. Внешними предпосылками для этого послужили заключение не позднее 1337 г.²⁷ Болтовского договора с Новгородом, который уничтожил какую бы то ни было, пусть даже чисто формальную, зависимость Пскова от последнего (то, что Псков никогда не был пригородом Новгорода, убедительно показала С. И. Колотилова)²⁸, с одной стороны, и усиление военной агрессии с Запада, поставившей город земли в зависимость от помощи Пскова, — с другой.

В 1330 г. в Изборске в связи с отсутствием топографических возможностей для увеличения площади старого городского ядра (ныне Изборское городище) оно было перенесено на Жеравью гору, расположенную в 0,8 км к юго-востоку от него²⁹. Точные даты сооружения крепостей в других пригородах Псковской земли XIV в. не зафиксированы на страницах летописей, но несомненно, что ко времени упоминания в письменных источниках (Остров — 1341 г.³⁰, Воронач — 1348 г.³¹, Велье — 1368 г.³², Коложе, Котельно и Врев — 1390—1391 гг.³³) все они имели стены³⁴. Городской характер перечисленных поселений не вызывает сомнений.

В 1406 г. литовский князь Витовт уничтожил Коложе, но уже в 1414 г. псковичи построили в этом районе новую крепость — Опочку³⁵. В 1428 г. сгорело Котельно, а в 1431 г. псковичи «заложиха город новыи в Котельнском обрубе и нарекоша имя ему Выбор»³⁶. В 1467—1468 гг. пригороды, о которых шла речь выше, упоминаются в летописи как «старые»³⁷. Новые пригороды (Гдов в 1431 г.³⁸, Кобыла и Владимирец в 1462 г.³⁹, Красный в 1464 г.⁴⁰ и Вышегородок в 1476 г.⁴¹) отвечали потребностям нового периода. Все они, за исключением Гдова, не более чем пограничные крепости.

Особый интерес для освещения рассматриваемой проблемы пред-

ставляют обстоятельства возведения Гдова и Вышегородка. Согласно летописи «князь псковский Александр Ростовский, и посадник Якимь Павлович, и Феодосий Феодилевич, и Стефан наяша 300 человек и заложилша город на берегу на реке Гдове...; а на гдовских земцах, в кого тамо отчина, взяша 300 рублей в камену стену»⁴². Спустя почти полвека «слобожани ис Кокшинской волости учили бити челом князю Ярославу и посадником псковским и всему Пскову, чтобы... у речке у Лоды поставити город; и Псков на вече ослобонил, и грамоту дал, что им симы часы запасе всякеи запасая, на том месте класти, где бити городу... Того же лета послаша псковичи посадника псковского Олексея Васильевича и другаго посадника Моисея Федоровича и бояр своих изо всех концов окладати города Городча у речке у Лоды»⁴³. В обоих случаях строительство было осуществлено на средства будущих горожан, которые, помимо обретения защиты за крепостными стенами, освобождались, и это главное, на будущее от налогов. Вопросы «освобождения», принципиально важные для нетяглого городского населения Пскова, решались вечею. Известная в истории Пскова «брань о смердах» 1483–1486 гг. была вызвана именно льготой, данной великим князем смердам, что поставило черный люд города перед угрозой введения повинностей в пользу «Господина Пскова» и вызвало восстание⁴⁴.

Таким образом, малое количество и незначительность городских центров в Новгородской и Псковской республиках является особенностью социально-политического устройства вечевых городов-земель и свойственной им формы развития феодальных отношений.

- ¹ Никитский А. И. Очерк внутренней истории Пскова. СПб., 1873. С. 134.
- ² Куза А. В. Русские средневековые города//Тез. докл. советской делегации на III международном конгрессе славянской археологии. М., 1975. С. 64.
- ³ Янин В. Л., Колчин Б. А. Итоги и перспективы новгородской археологии//Археологическое изучение Новгорода. М., 1978. С. 51; Янин В. Л. Социально-политическая структура Новгорода в свете археологических исследований//Новгородский исторический сб. М., 1982. Т. 1(11). С. 88.
- ⁴ Мавродин Вал. В некоторых полукруглых городищах Новгородской обл.//Вестник ЛГУ. Л., 1964. Т. 20/4. С. 149, 150.
- ⁵ Кизилов Ю. А. Географический фактор в истории средневековой Руси//ВИ. 1973. № 3. С. 58.
- ⁶ Кафенгауз Б. Б. Древний Псков: Очерки по истории феодальной республики. М., 1969. С. 60, 61; Белецкий С. В. Княжеская власть в Пскове в XIV—XV вв. (по материалам сфрагистики)//Археология и история Пскова и Псковской земли: Тез. докл. научно-практической конференции. Псков, 1982. С. 22; Колосова И. О. Псковские посадники первой половины XIV в.//Археология и история Пскова... 1982. С. 32; Она же. Степенные посадники в Пскове//Вестник МГУ. М., 1984. Сер. история. № 2. С. 91, 92; Она же. Псковские посадники XIV—XV вв.: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. М., 1984. С. 19.
- ⁷ Артемьев А. Р. Об управлении псковскими пригородами//Археология и история Пскова... 1982. С. 37.
- ⁸ Кизилов Ю. А. Географический фактор... С. 58.
- ⁹ Алешковский М. Х. Социальные основы формирования территории Пскова X—XIV вв.//СА. 1978. № 2. С. 117—126.
- ¹⁰ Белецкий С. В. Археологические данные к датировке крепостных стен Довмонта города в Пскове//АСГЭ. Л., 1970. Т. 12. С. 68—80; Она же. К изучению новгородско-псковских отношений во второй половине XIII в.//Археологическое исследование Новгородской земли. Л., 1984. С. 199, 201.
- ¹¹ Площадь Среднего города в границах стены 1309 г. составляет 17 га. См.: Лабутина И. К. Двор в средневековом Пскове (некоторые аспекты археологического изучения)//ПИДД. С. 24.
- ¹² Алешковский М. Х. Социальные основы... С. 120, 121.
- ¹³ Лабутина И. К. К изучению двора средневекового Пскова и Псковской земли//Археология и история Пскова... 1983. С. 12.
- ¹⁴ Лабутина И. К. Культурный слой Пскова//Археологическое изучение Пскова. М., 1983. С. 12.
- ¹⁵ Колчин Б. А., Янин В. Л. Археология Новгорода 50 лет//Новгородский сб.: 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. С. 105.
- ¹⁶ Блютген К. География климатов. М., 1973. Т. 2. Табл. 25.
- ¹⁷ Дегтярев А. Я. Сельское расселение феодальной Руси: Сдерживающие факторы//Вестник ЛГУ. Л., 1981. Т. 20. С. 30—35; Борисенков Е. П., Пасецкий В. М. Экстремальные природные явления в русских летописях XI—XVII вв. Л., 1983. С. 73—114.
- ¹⁸ Псковские летописи. М.; Л., 1955. Вып. II. С. 39.
- ¹⁹ Псковские летописи. М.; Л., 1941. Вып. I. С. 66.

- ²⁰ Псковские летописи. Вып. I. С. 26, 29; Вып. II. С. 110, 113.
- ²¹ *Марасинова Л. М.* Новые псковские грамоты XIV—XV вв. М., 1966. С. 141, 150.
- ²² *Алексеев Ю. Г.* Псковская Судная грамота и ее время. Л., 1980. С. 129, 130.
- ²³ *Алексеев Ю. Г.* Псковская Судная грамота... С. 217, 218, 220.
- ²⁴ *Рабинович М. Г.* Очерки этнографии русского феодального города. М., 1978. С. 34; *Куза А. В.* Города в социально-экономической системе древнерусского государства X—XIII вв.//КСИА. М., 1984. Вып. 179. С. 4.
- ²⁵ Псковская Судная грамота. СПб., 1914. Ст. 35.
- ²⁶ *Алексеев Ю. Г.* Псковская Судная грамота... С. 129.
- ²⁷ На это указывает, по справедливому замечанию Г. Я. Мокеева, грамота 1308—1312 гг. Якову Голутвиничу, подписанная: «То воля Господина Великого Пскова». См.: Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. С. 318.
- ²⁸ *Проскуракова Г. В., Лабутина И. К.* Псковская феодальная вечевая республика: Начало союза с Московским государством//Псков: Очерки истории. Л., 1971. С. 35—38; *Кологилова С. И.* К вопросу о положении Пскова в составе Новгородской феодальной республики//Ист. СССР. 1975. № 2. С. 145—152.
- ²⁹ *Артемьев А. Р.* Стратиграфия и хронология Изборской крепости//СА. 1985. № 2. С. 133, 134, 137.
- ³⁰ Псковские летописи. Вып. II. С. 94.
- ³¹ Псковские летописи. Вып. I. С. 21.
- ³² Псковские летописи. Вып. II. С. 104.
- ³³ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 477.
- ³⁴ *Раннопорт П. А.* Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X—XV вв.//МИА. М., 1961. № 105. С. 74, 77, 79, 80, 196; *Кирпичников А. Н.* Исследование Островской крепости в Псковской обл.//АО 1975 г. М., 1976. С. 19; *Кирпичников А. Н., Васильев М. Е.* Открытие крепости Велья//АО 1976 г. М., 1977. С. 16.
- ³⁵ Псковские летописи. Вып. I. С. 33; Вып. II. С. 36, 119.
- ³⁶ Псковские летописи. Вып. I. С. 39; Вып. II. С. 43, 125.
- ³⁷ Псковские летописи. Вып. II. С. 164.
- ³⁸ Там же. С. 43.
- ³⁹ Псковские летописи. Вып. I. С. 62; Вып. II. С. 52, 150.
- ⁴⁰ Псковские летописи. Вып. II. С. 15.
- ⁴¹ Там же. С. 203.
- ⁴² Там же. С. 43.
- ⁴³ Там же. С. 203.
- ⁴⁴ *Алексеев Ю. Г.* Псковская Судная грамота... С. 204—227. *Неправа А. Л.* Хорошкевич, сводящая причины столь глубокого социального конфликта к отказу великокняжеского наместника предоставить смердов для строительства крепостной стены в Пскове. См.: *Хорошкевич А. Л.* «Брань» из-за смердов в Пскове в 80-х годах XV в.//Русский город. М., 1983. С. 37—52.

УКАЗАТЕЛЬ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ АН СССР
ВЫПУСКИ 181—189 (СОДЕРЖАНИЕ)

Выпуск 181

Каменный век

*Охота и рыболовство
в каменном веке*

Введение

В. П. Любин, Г. Ф. Барышников. Охотничья деятельность древнейших (ашело-мустьерских) обитателей Кавказа

Н. М. Ермолова. Охотничья деятельность человека

Н. Б. Леонова. Планиграфическое исследование свидетельств утилизации охотничьей добычи на материалах верхнепалеолитической стоянки Каменная Балка II

В. И. Бибикова. Охотничий промысел в палеолите и мезолите Северного Причерноморья

Л. И. Алексеева. *Equus hydruntius* — один из основных компонентов охотничьей добычи человека верхнего плейстоцена (по материалам южной зоны европейской части СССР)

А. Е. Матюшин. О палеолитических орудиях для разделки охотничьей добычи

Ю. А. Савватеев. Особенности среды и охотничьей деятельности в каменном веке на территории Карелии

Л. Я. Крижевская. Некоторые данные о рыболовстве эпохи мезолита — энеолита в степном и Урало-Поволжском районах РСФСР

Л. Б. Ермолов. Охотничья деятельность и экология в каменном веке Северной и Центральной Азии

З. А. Абрамова, Т. Ю. Гречкина. Об охоте и охотничьем вооружении в позднем палеолите Восточной Сибири

М. В. Константинов, Н. Д. Оводов, Г. Л. Карасев. Древние охотники и рыболовы Забайкалья

Р. С. Васильевский. Становление и развитие приморской системы хозяйства в северной части Тихоокеанского бассейна

Д. Л. Бродянский. Водная фауна бассейна Японского моря в первобытной экономике

А. А. Орехов. Среда и охотничья деятельность человека в эпоху неолита на северо-востоке Азии (опыт реконструкции хозяйства лахтинской культуры)

*Проблемы изучения
четвертичного периода*

И. К. Иванова. Состояние вопроса геологической истории ископаемых людей и их предков

В. П. Любин. Древний палеолит Кавказа
Л. К. Габуня, А. К. Векуа. Об остатках палеоантропов из палеолита Грузии

Ю. А. Смирнов. Неандертальские погребения (история признания и состояние источников)

Г. Н. Матюшин. Геология, периодизация и хронология каменного века Урала

З. А. Абрамова. Мустьерский грот в Хакасии

С. А. Сафарова. Природная среда обитания людей в палеолите в Минусинской котловине (по данным спорово-пыльцевого анализа)

М. Р. Касымов, Г. Ф. Тетюхин, М. Х. Голдин, Д. И. Хусанбаев. К вопросу о комплексе исследований многослойной палеолитической стоянки Кульбулак в Узбекистане

А. Г. Амосова, С. А. Несмеянов. Палеогеография и история древнейшего заселения Бешкентской долины в южном Таджикистане

А. Г. Амосова. Мезолит Бешкентской долины

Г. Н. Матюшин. Время и природные условия сложения производящего хозяйства на Урале

Ю. А. Морозов. Новые данные по стратиграфии и хронологии памятников энеолита Приуралья

Выпуск 182

Памятники античной археологии

Статьи

А. Н. Щеглов. 25 лет работ Тарханкутской экспедиции: итоги и перспективы

Б. Н. Федоров. К вопросу о реконструкции северо-восточной площади Херсонеса Таврического

Г. М. Николаенко. Межевание полей херсонесской хоры

Ю. М. Десятчиков. К вопросу о происхождении династии Спартокидов

А. В. Сазанов. Происхождение одной группы боспорских ритуальных терракот

- Б. Г. Петерс.* О работах Михайловской экспедиции (1963—1983 гг.)
Н. Н. Терехова, Л. С. Хомутова. Технологическое исследование железных изделий из античных памятников близ Новоросийска

Публикации

- К. К. Марченко, Н. В. Головачева.* Новый тип строительных комплексов позднерхаического времени в Нижнем Побужье
Е. Н. Жеребцов. Материалы к периодизации античных памятников Маячного полуострова
Е. Я. Rogov. Сырцовые конструкции в погребальных сооружениях некрополя Панское I
А. А. Масленников, О. Д. Чевелев. Разведочные раскопки на городище Генеральское
А. И. Салов. Случайные находки у хут. Красный Курган в 1971 и 1972 гг.
М. Я. Чофер. Терракота из с. Заветного

- Н. Н. Грандмезон.* Неопубликованные разновидности монет античного Херсонеса
В. А. Мешкерис. Три новых памятника коропластики Бактрии (переднеазиатские параллели)
В. И. Кадеев. Новый надгробный памятник II в. н. э. из Херсонеса
И. Т. Кругликова. Квартал ремесленников в Горгиппии
Т. М. Арсеньева. Две группы краснолаковых сосудов из Танаиса
О. Д. Чевелев. Новые погребения Кызальского некрополя
В. А. Горнчаровский. Илуратская винодельня

Хроника

- А. А. Масленников.* Памяти Н. А. Онайко
Э. Я. Николаева. Работа сектора античной археологии в 1980—1983 гг.
К. К. Марченко, В. А. Горнчаровский. Группа античной археологии ЛОИА АН СССР в 1981—1983 гг.

Выпуск 183

Средневековая археология Восточной Европы

Статьи

- А. Е. Леонтьев.* Волжско-Балтийский торговый путь в IX в.
В. В. Седов. Жилища словенско-кривичского региона VIII—X вв.
Ю. А. Краснов. Пахотные орудия Волжской Болгарии
Н. А. Макаров. О некоторых комплексах середины — третьей четверти I тысячелетия н. э. в юго-восточном Прионежье и на р. Сухоне
А. В. Квятковская. Каменные могильники Белорусского Понеманья
И. А. Озере. Привески-амулеты из могильников Курземе X—XV вв.
А. В. Чернецов. Резная рукоять сабли XV в. из Твери
Г. А. Федоров-Давыдов. Клад серебряных монет XIII в. из Болгар

Публикации

- Н. В. Мясникова.* Укрепления средневековой Твери
Б. Н. Харлашов. Археологическое изучение селищ Изборской округи

- А. Г. Векслер, А. К. Станюкович.* Ранне-средневековое поселение у Боровского перевоза в Подмосковье
З. М. Сергеева. Курганы у д. Заширино в Полоцком Подвинье
Г. Н. Пронин. Раскопки курганно-жальничного могильника у д. Новинка в Новгородской земле
Р. Ф. Воронина. Финский могильник у с. Никитино Рязанской обл.
В. А. Кореняко, А. Г. Атавин. Позднекочевнические погребения в курганах у с. Новоселицкое (Ставропольский край)
П. Г. Гайдуков, А. В. Фомин. Монетные находки Изборска
В. И. Кильдюшевский. Средневековые печати и торговые пломбы из раскопок крепости Орешек
П. А. Шорин. Клад монет XVII в. из раскопок 1983 г. в Пскове

Хроника

- К. В. Павлова.* Работа сектора славяно-финской археологии ЛОИА АН СССР в 1982—1983 гг.

Выпуск 184

Железный век Кавказа, Средней Азии и Сибири

Статьи

- В. А. Могильников.* К характеристике культуры лесостепного Прииртышья в VII—VI вв. до н. э.
Э. Б. Вадецкая. Таштыкские наконечники и прически
В. А. Галибин. Особенности состава фаясовых и стеклянных украшений из памятников Южной Сибири V в. до н. э.—I в. н. э. (по данным количественного спектрального анализа)
С. С. Миняев. К топографии курганных памятников сюнну
И. Л. Кызласов. Гуннский напильник
В. П. Никонов. Развитие конского защитного снаряжения античной эпохи
В. А. Мешкерис. Змея — тхонический атрибут маргианской богини

- Т. Б. Барцева.* Химический состав копий Северного Кавказа VIII—VII вв. до н. э.

Публикации

- Ю. С. Гришин.* О некоторых медно-бронзовых изделиях эпохи бронзы и раннего железа со среднего Енисея
В. Ф. Генинг, Л. Н. Корякова. Комплекс раннего железного века на Чупинском поселении
Ю. Е. Вострецов. Раскопки жилищ кроуновской культуры на поселении Киевка в Приморье
Н. А. Кононенко. Каменный и костяной инвентарь янковской культуры
А. В. Матвеев, Н. П. Матвеева. Саргатский могильник у д. Тютрина (по раскопкам 1981 г.)

Н. В. Полосьмак. Могильник Новочекино 2 в северной Барабе
Н. В. Леонтьев, Н. А. Боковенко. Кавказская писаница на Тубе
Ю. А. Заднепровский. Городище Билоруртепе (восточная Фергана)

Т. В. Мирошина. Сарматские погребения из Александровского района Ставропольского края

Хроника

В. А. Алексин. Работа сектора Средней Азии и Кавказа в 1979—1982 гг.

Выпуск 185

Памятники неолита и бронзы

Статьи

Н. Н. Гурина. Некоторые образцы изобразительного искусства древних племен Кольского полуострова
Л. И. Авилова. Погребальный обряд энеолитических земледельцев Юго-Восточной Европы
И. И. Заец, Э. В. Сайко. Керамический комплекс Клищева
И. А. Гей. Технологическое изучение керамики трипольского поселения Старые Куконешты
М. Д. Хлобыстина. Тройные погребения евразийской степи в бронзовом веке
С. Н. Корневский. О поясных наборах периода средней бронзы из Центрального Предкавказья
Л. П. Лашук, Л. П. Хлобыстин. Север Западной Сибири в эпоху бронзы
Э. Б. Вадецкая. Сибирские курильницы
Г. Б. Зданович. Щитковые псалии из Среднего Приишимья

Ю. С. Гришин. О керамике стоянки Лысая Сопка на Байкале

Публикации

Е. А. Костылева, Д. А. Крайнов, А. В. Уткин. Стоянка Малая Ламна I
И. А. Лозе. Рыболовный закол эпохи неолита на поселении Звезде
О. С. Гадзяцкая. Стоянка Сахтыш VII
В. П. Третьяков, А. А. Выборнов. Поселение Имерка 6
Д. А. Крайнов. Фатьяновские памятники Калининской области
В. В. Сидоров, А. В. Трусов. Фатьяновцы на Круглом озере
А. Н. Сорокин, В. Ю. Дукельский. Фатьяновское погребение на стоянке Ресета III

Хроника

Б. Г. Тихонов. Сектор неолита и бронзы. Института археологии в 1983—1984 гг.

Выпуск 186

Ранний железный век

Статьи

Т. М. Кузнецова. О сюжете изображения на перстне царя Скила
Е. В. Переводчикова. Воспроизведение вида животного в скифском зверином стиле
С. А. Яценко. Диадемы степных кочевников Восточной Европы в сарматскую эпоху
Н. Н. Терехова. Технология изготовления железных изделий из могильника Султан-Гора III
В. А. Могильников. Взаимоотношение кулайской и саргатской культур
Н. В. Полосьмак. Культурная принадлежность гороховой группы памятников
Э. Б. Вадецкая. Мумии и погребальные куклы таштыкских могильников
Ю. А. Краснов. Пахотные орудия хунну
А. М. Обломский. Опыт классификации и хронологии фибул с треугольным щитком на ножке (так называемых зарубинцевских)
Ю. А. Лихтер. К методике исследования стеклянных изделий черняховской культуры

Полевые исследования

В. И. Мамонтов. Погребение VIII в. до н. э. из Ильевского курганного могильника
Б. А. Раев. Погребение прохоровской культуры у Новочеркасска
В. Н. Игнатов. Катакомбы сарматского времени из курганов у ст. Хоперская
Т. В. Мирошина. Новые сарматские погребения в Ставропольском крае
О. А. Гей. Погребения сарматского времени у хут. Малаи
М. А. Романовская. Аланское погребение из Ставрополя
А. В. Дмитриев, А. А. Масленников, Н. А. Онайко. Раскопки могильника в урочище Широкая Балка
В. Б. Виноградов. Клад Второго Бельтинского могильника
К. А. Смирнов. Раскопки городища у д. Савики
Н. А. Кренке. Вал Дьякова городища
Х. И. Крис. Вал Боршевского городища
Ю. Е. Вострецов. Раскопки поселения Падь Семипятнова III в Приморье

Хроника

А. И. Пузикова. Работа скифо-сарматского сектора в 1983—1984 гг.

Выпуск 187

Славяно-русские древности

Статьи

А. В. Чернецов. Древнерусские знаки небесных светил
Е. Н. Носов, В. П. Петренко. Об одном типе средневековых печей Поволжья

О. А. Щеглова. Ранние элементы в керамическом комплексе памятников волынцевского типа
А. М. Спиридонов. Лепная керамика из курганов юго-восточного Приладожья

- В. Б. Перхавко.* Западнoславянские элементы в раннесредневековой культуре междуречья Днепра и Немана
Ф. Д. Гуревич. О времени постройки церкви Бориса и Глеба в Новогрудке

Публикации

- Т. Н. Никольская.* Новые данные к истории Серенска
Н. В. Жилина. К вопросу о происхождении Твери
А. А. Медынцева, Ю. Ю. Моргунов. Надпись на корчаге с Полтавщины
О. А. Кондратьева. Средневековые гребни с «горбатой» спинкой
Д. И. Фояков. Об одной находке из древнерусского могильника в Торопце

- И. В. Исланова.* Сопки бассейна Мологи и верхней Мсты
З. М. Сергеева. Денисенские курганы на Витебщине
В. А. Булкин, О. В. Овсянников. Троицкий собор Антониева Сийского монастыря

Хроника

- В. В. Седов.* Вопросы этногенеза славян на IX Международном съезде славистов
Н. А. Макаров. Сектор славяно-русской археологии Института археологии АН СССР в 1983—1984 гг.
А. Н. Кирпичников, К. В. Павлова. Деятельность сектора славяно-финской археологии в 1974—1984 гг.

Выпуск 188

Археологические исследования на новостройках

Статьи

- А. Е. Леонтьев, В. В. Сидоров, И. В. Исланова.* Волго-Окская экспедиция в 1977—1983 гг.
А. С. Смирнов. Деснинская экспедиция в 1977—1983 гг.
А. Н. Сорокин. Мезолит бассейнов Десны и Оки (по материалам работ Деснинской экспедиции)
А. Н. Гей, И. С. Каменецкий. Северо-Кавказская экспедиция в 1979—1983 гг.
С. Н. Кореневский, В. Г. Петренко, М. А. Романовская. Работы Ставропольской экспедиции
Е. М. Алексеева. Анапская экспедиция в 1973—1984 гг.
Я. М. Паромов. Обследование археологических памятников Таманского полуострова в 1981—1984 гг.

- В. В. Седов, С. В. Белецкий.* Псковская экспедиция в 1980—1984 гг.
В. И. Сарьяниди. Бронзовый век Маргианы

Публикации

- Э. Б. Вадецкая, С. Б. Гультов.* Исследования на КАТЭКе в 1982—1983 гг.
Л. Б. Вишняцкий, Г. Н. Курочкин, А. Н. Мелентьев, Н. Ф. Лисицын. Палеолитическая стоянка в зоне строительства КАТЭКа
М. В. Андреева. Курганы эпохи бронзы у г. Светлогорода (Ставропольский край)
И. А. Сорокина. Курганный могильник Греки IV в степном Прикубанье

Хроника

- Г. Е. Афанасьев, М. В. Александрова.* Сектор охранных раскопок ИА АН СССР в 1982—1984 гг.

Выпуск 189

Каменный век

Статьи

- М. В. Аникович.* Новая антропологическая находка в с. Костенки. Археологический аспект
В. Я. Сергин. О сущности костенковско-авдеевских комплексов
М. А. Иванова. Опыт классификации сколов подправки ударных площадок нуклеусов
Ю. А. Смирнов. К вопросу о стратиграфической позиции детского погребения Кирик-Коба 2
Л. Е. Нехорошев. Сырье и нуклеусы мустьерской стоянки Ильская I
Г. В. Григорьева. Некоторые микролитические орудия из позднепалеолитической стоянки Анетовка II
Е. М. Колпаков. Типологическое исследование афоновской археологической культуры
Д. Ю. Нужный, А. А. Яневич. О хозяйственной интерпретации памятников кукерской культурной традиции
А. Н. Сорокин. Культурные различия в мезолите бассейна р. Оки
М. Г. Жилин, А. С. Фролов. О датировке и культурной принадлежности стоянки Турьнинские Дворики
Г. В. Симицына. Заготовки нуклеусов неолитического поселения Усть-Белая на р. Ангаре

Полевые исследования

- В. Б. Дороничев, Л. В. Голованова.* Шаханская позднеашельская мастерская
В. Е. Щелинский. Новые находки раннепалеолитических изделий на мысе Кадош
Л. М. Тарасов. Мустьерское местонахождение Неготино в Руднянке
Н. Н. Бойко. К вопросу о кострищах стоянки Пушкари I
З. А. Абрамова. Новые исследования стоянки Юдиново I
А. С. Фролов. Стоянка Заозерье I на Москве-реке
А. Е. Матюхин. Палеолитическая мастерская Калитвенка I
Л. Б. Вишняцкий. Палеолитическое местонахождение Га-Куш в Туркмении
С. А. Васильева. Палеолитическая стоянка у пос. Майна
Н. Ф. Лисицын. Палеолитический памятник Аешка 3
В. И. Тимофеев. Изделия из кости и рога мезолитической стоянки Соколок (Ленинградская обл.)
А. А. Выборнов. Стоянка Зиарат в устье р. Белая
Л. П. Хлобыстин. Находки близ г. Салехард

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО	— Археологические открытия
АП	— Археологічні пам'ятки УРСР
АСГЭ	— Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ВИ	— Вопросы истории
ГИМ	— Государственный исторический музей
ЗОРСА	— Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества
ИА	— Институт археологии Академии наук СССР
ИАК	— Известия Археологической комиссии
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР
ЛГУ	— Ленинградский государственный университет
МАР	— Материалы по археологии России
МГУ	— Московский государственный университет
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
МЭР	— Материалы по этнографии России
ПИДД	— Проблемы изучения древнего домостроительства в VIII—XIV вв. в северо-западной части СССР: тез. докл. Рига, 1983
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей
РГО	— Русское географическое общество
СА	— Советская археология
САИ	— Свод археологических источников
СЭ	— Советская этнография
ТКНОИМК	— Труды Костромского научного общества по изучению местного края
ЧКМ	— Череповецкий краеведческий музей
ЭО	— Этнографическое обозрение
JHS	— Journal of Hellenic Studies
РКИА	— Paminklų konservavimo instituto archyvas
СМУА	— Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

<i>Е. А. Горюнов.</i> Пеньковская и салтовская культуры в Среднем Поднепровье	3
<i>М. В. Седова.</i> Эпиграфические находки из Суздаля	7
<i>Т. А. Чукова.</i> Древнерусские керамические поливные плитки	13
<i>Ю. А. Краснов.</i> Рало из Бреста	19
<i>В. В. Бебре.</i> Типы кожаной обуви Риги XII—XIV вв. и их ареалы	25
<i>В. В. Жулкус.</i> Особенности домостроительства Литовского Поморья в XI—XVII вв.	31

Публикации

<i>И. В. Исланова.</i> Анализ расположения сопок в бассейнах Мологи и верхней Мсты	39
<i>О. А. Щеглова.</i> Волынцевский горизонт поселения Вовки	43
<i>А. М. Спиридонов.</i> Городища-убежища древней корелы	49
<i>М. Е. Васильев.</i> Городище у с. Дубровы	52
<i>А. А. Юшко.</i> Новые археологические памятники на территории Москвы (по материалам разведок 1977—1978 гг.)	53
<i>М. Д. Полубояринова.</i> Раскопки богатого дома золотоордынской эпохи в Болгаре	57
<i>В. И. Кильдюшевский, Л. Г. Паничева.</i> Псковские керамические киоты	64
<i>Ю. В. Уртанс.</i> Культовые камни с углублениями в Латвии	69
<i>Н. А. Макаров.</i> Жертвенный комплекс конца XII — начала XIII в. на Каргополье	73
<i>А. А. Радиньш.</i> Новые данные о курганном обряде на территории латгалов в первой половине II тысячелетия н. э. (по материалам Резекненского р-на)	80
<i>В. А. Тюленев.</i> Выборгский замок в конце XVI в. (реконструкция к музейному показу)	83
<i>С. И. Кочуркина, Л. С. Розанова.</i> Итоги технологического изучения кузнечной продукции древней корелы (по материалам городищ Паасо и Тиверск)	88
<i>В. И. Кулаков, М. М. Толмачева.</i> Технология изготовления копий пруссов (по данным могильника Ирзекапинис)	94
<i>А. Р. Артемьев.</i> Градостроительная политика Псковской феодально-вечевой республики	102

Указатель

Краткие сообщения Института археологии АН СССР. Выпуски 181—189 (содержание)	106
Список сокращений	110

**Средневековые древности
Восточной Европы**

КСИА, вып. 190

Утверждено к печати
Ордена Трудового Красного Знамени
Институтом археологии
Академии наук СССР

Редактор издательства Н. И. Сергиевская
Художественный редактор Г. П. Валлас
Технические редакторы Л. И. Куприянова, А. М. Сатарова
Корректоры Г. Н. Джиева, В. С. Федечкина

ИБ № 36091

Сдано в набор 31.10.86
Подписано к печати 08.01.87
А—04607. Формат 70×108^{1/16}
Бумага кн.-журнальная. Импортная
Гарнитура литературная
Печать высокая
Усл. печ. л. 9,8. Усл. кр. отт. 10,15. Уч.-изд. л. 10,5
Тираж 1850 экз. Тип. зак. 5053
Цена 1 р. 60 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
117864, ГСП-7, Москва, В-485
Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6